

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 4 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Значение судебной практики
в российском правовом порядке:
критический анализ судебных
актов по корпоративным
спорам

Новеллы законодательства
о рекламе потребительских
кредитов

Концептуальные основы
модели правового
регулирующего научной
кооперации на базе
университетских кампусов
международного уровня

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 4 (221)
апрель 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 11.04.2025
Объем 16,85 усл. печ. л. (13,47 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 4 (221)
April 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

11.04.2025
Volume: 16,85 conventional printer's sheets (13,47 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Шиткина И. С.** Значение судебной практики в российском правопорядке:
критический анализ судебных актов по корпоративным спорам 9
- Вишневский А. А.** Новеллы законодательства о рекламе потребительских кредитов 25

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Балакшин В. С.** К вопросу об особом статусе постановлений судьи
о признании доказательств недопустимыми и о проблемах
проверки их законности и обоснованности 34
- Скрипченко Н. Ю.** Ориентиры в уголовно-правовой оценке действий,
образующих насильственное и вооруженное хулиганство, нуждаются в корректировке 52
- Кисленко С. Л.** Криминалистическое обеспечение
выявления угроз нападения на объекты топливно-энергетического
комплекса с использованием автоматизированных беспилотных комплексов 63

ГЕНОМ / *GENOME*

- Пономарёва Д. В.** Противодействие генетической дискриминации:
опыт государств — членов Африканского Союза 80

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Киселев А. С.** Тенденции правового регулирования
искусственного интеллекта в сфере культуры в России и зарубежных странах 90

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

- Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О.** Философско-правовые аспекты мер
уголовной ответственности в сфере выражения религиозных
убеждений и отношения к религии в России 105

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Метельков А. Н.** Принципы права: динамика в обществе риска 124

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Титова Е. В., Конева Н. С.** Концептуальные основы модели
правового регулирования научной кооперации на базе
университетских кампусов международного уровня 136

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Shitkina I. S.** The Significance of Judicial Practice in the Legal System of Russia: A Critical Analysis of Judicial Acts in Corporate Disputes 9
- Vishnevskiy A. A.** Amendments to Consumer Credit Advertising Laws 25

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Balakshin V. S.** A Special Status of the Judge's Decisions in Cases of Rendering Evidence as Inadmissible and Challenges of Reviewing their Legality and Validity 34
- Skripchenko N. Yu.** Guidelines for the Criminal Law Assessment of Actions Constituting Violent and Armed Hooliganism Need to be Adjusted 52
- Kislenko S. L.** Forensic Support for Identifying Threats of Attack on Objects of the Fuel and Energy Complex Using Automated Unmanned Systems 63

GENOME / GENOME

- Ponomareva D. V.** Countering Genetic Discrimination: African Union Member States Experience 80

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Kiselev A. S.** Trends in Artificial Intelligence Regulation in the Field of Culture in Russia and Foreign Countries 90

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

- Gavrilov O. F., Gavrilov E. O.** Philosophical and Legal Aspects of Criminal Liability Measures in the Sphere of Expression of Religious Beliefs and Attitudes towards Religion in Russia 105

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Metelkov A. N.** Principles of Law: Dynamics in a Risk Society 124

IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

- Titova E. V., Koneva N. S.** Conceptual Foundations of the Legal Regulation Model for Scientific Cooperation Based at International University Campuses 136

Значение судебной практики в российском правопорядке: критический анализ судебных актов по корпоративным спорам

Резюме. Автор рассматривает значение судебной практики в российском правопорядке. Притом что Россия относится к странам континентальной правовой семьи, источником права в которых признаются нормативные правовые акты, а прецедент в том смысле, который придается ему в странах общего права, не является источником права, судебную практику в форме правовых позиций высших судебных инстанций фактически следует считать квазиисточником российского права. Автор анализирует отдельные определения Верховного Суда РФ по корпоративным спорам, выявляя противоречие высказанных в них позиций законодательству или судебной практике. На примерах конкретных корпоративных споров автор рассматривает возможность и условия применения закона по аналогии: наличие пробела в регулировании сходных отношений. Применительно к толкованию судами нормы права подчеркивается недопустимость использования способа толкования, нарушающего принципы права, его основополагающие идеи. Автор задается вопросом, могут ли суды в отдельных судебных актах отклоняться от сложившихся правовых позиций, осуществлять оценку бизнес-решений. По мнению автора, совершенно очевидно, что единообразие судебной практики представляет собой важнейший элемент принципа правовой определенности, гарантию стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: прецедент; крупные сделки; группа компаний; корпоративные споры; исключение участника; аналогия закона; ограниченная ответственность корпорации; снятие корпоративных покровов

Для цитирования: Шиткина И. С. Значение судебной практики в российском правопорядке: критический анализ судебных актов по корпоративным спорам. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 9–24. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.009-024

The Significance of Judicial Practice in the Legal System of Russia: A Critical Analysis of Judicial Acts in Corporate Disputes

Irina S. Shitkina
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author considers the significance of judicial practice in the legal system of Russia. Despite the fact that Russia belongs to the countries of the continental legal family, where only normative legal acts are recognized as sources of law and the precedent in the sense that is given to it in common law countries is not a source of law, judicial practice in the form of legal standings of superior courts should actually be recognized as a quasi-source of Russian law. The author analyzes some rulings of the Supreme Court in corporate disputes, identifying contradictions in their standings to legislation or judicial practice. Using examples of specific corporate disputes, the author considers the possibility and conditions for applying the law by analogy, namely, the existence of a

gap in the regulation of similar relations. With regard to the interpretation of the rule of law by the courts, it is emphasized that it is inadmissible to use the method of interpretation that violates the principles of law and its fundamental ideas. The author wonders whether the courts in individual judicial acts can deviate from the established legal standings and assess business decisions. In the author's opinion, it is quite obvious that the uniformity of judicial practice is the most important element of the principle of legal certainty, a guarantee of the stability of relations regulated under civil law.

Keywords: precedent; major transactions; group of companies; corporate disputes; member exclusion; analogy of law; limited corporate liability; lifting of the corporate veil

Cite as: Shitkina IS. The Significance of Judicial Practice in the Legal System of Russia: A Critical Analysis of Judicial Acts in Corporate Disputes. *Lex russica*. 2025;78(4):9-24. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.009-024

Дело судьи истолковать закон, а не даровать его.

Ф. Бэкон

Введение

Вопрос о влиянии судебной практики на российский правопорядок уже неоднократно рассматривался специалистами, включая автора настоящей статьи¹. Действительно, роль суда в российской правовой системе обсуждается еще с дореволюционных времен, когда разъяснения кассационных департаментов Сената имели для всех судов обязательную силу, несмотря на доктринальную критику². Как указывалось в трудах советских исследователей, «не будучи формально признанной, судебная практика фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права»³.

Преобладающими в современном мире являются континентальная система права и система общего права, одним из основных различий которых является как раз наличие у суда власти творить право. Российскую правовую систему относят к континентальной правовой модели, основанной на верховенстве закона, в то время как в странах общего права именно судебная практика играет ключевую роль в формировании

права: решения высших судебных инстанций по конкретным делам приобретают силу прецедента и становятся обязательными для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных споров. Континентальная система по общему правилу исключает возможность участия суда в правотворчестве, что вытекает из принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. И хотя согласно ч. 1 ст. 104 Конституции РФ⁴ право законодательной инициативы принадлежит в том числе и судебной власти, в частности Конституционному Суду РФ и Верховному Суду РФ по вопросам их ведения, к органам законодательной власти, являющимся непосредственными субъектами правотворчества, суды не относятся.

Основная часть

1. Развитию российской судебной доктрины в существенной степени способствовало создание в 1990-е гг. Конституционного Суда РФ. Роль Конституционного Суда и значение его деятельности существенно усилились с принятием поправок к Конституции РФ⁵ и внесением изменений в Федеральный конституционный

¹ Шиткина И. С. О признании судебной практики источником российского права // *Хозяйство и право*. 2013. № 4.

² Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М. : Братья Башмаковы, 1913. С. 34.

³ Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // *Судебная практика как источник права*. М., 1997. С. 16.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // *СЗ РФ*. 2020. № 11. Ст. 1416.

закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶. Основы деятельности Конституционного Суда определены в ст. 125 Конституции РФ: Конституционный Суд вырабатывает правовые позиции по важнейшим вопросам российского законодательства путем обязательного толкования Конституции РФ и признания неконституционными норм законов, осуществляет предварительный нормоконтроль проектов законов РФ до их подписания Президентом РФ. Его решения носят обязательный характер. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» указанные положения получают развитие. Так, согласно ст. 80 Закона Конституционный Суд РФ обладает полномочиями признать нормативный правовой акт неконституционным, выявить пробел или противоречие в правовом регулировании, обязать органы законодательной и исполнительной власти устранить обнаруженные «изъяны». С 2016 г. Конституционный Суд наделен полномочием признать норму конституционной только в истолковании, данном им самим⁷. В соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления Конституционного Суда РФ) не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции, либо применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходя-

щемся с данным Конституционным Судом РФ в этом постановлении.

По сути, указанной нормой *постановления Конституционного Суда РФ признаются источником российского права*. Как это следует из ч. 1 и п. 3 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, основаниями пересмотра судебных актов являются *новые обстоятельства*, под которыми понимаются «признание постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации или применение в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, примененного арбитражным судом в судебном акте нормативного акта либо его отдельного положения».

В недавнем постановлении от 17.12.2024 № 58-П⁸ Конституционный Суд РФ вновь напомнил судам об обязательности и о непреодолимости своих решений, указав, что «иное вступало бы в противоречие с построением правовой системы, в которой в соответствии со статьями 15 (части 1 и 2) и 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации акты меньшей юридической силы не могут противоречить актам большей юридической силы или отменять их действие».

В этом же постановлении Конституционный Суд РФ отметил, что «его постановления являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами, *обязывают всех правоприменителей, включая другие суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации* (курсив мой. — И. Ш.). Решение Конституционного Суда Российской Федерации не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, а исполнение предписаний Конституционного Суда Российской

⁶ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 (с учетом изменений, внесенных федеральными конституционными законами от 28.12.2016 № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» ; от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» ; от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» ; Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

⁷ Федеральный конституционный закон от 28.12.2016 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 2.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Золотаревой» // Российская газета. № 293. 25.12.2024.

Федерации не может ставиться в зависимость от усмотрения каких-либо должностных лиц, управомоченных в иных случаях выступать с инициативой или давать согласие на пересмотр дела... Неисполнение либо ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации, общеобязательность которых имеет конституционно-правовое основание, не только наносят ущерб интересам правосудия, но и подрывают у граждан доверие к судам и в целом к государству, обязанному признавать и защищать права и свободы человека и гражданина...».

Несмотря на выделение в доктрине особой роли постановлений Конституционного Суда РФ, правовые позиции, содержащиеся в его определениях⁹, имеют большое значение и активно используются как акты толкования законодательства. В целом совершенно очевидно, что Конституционный Суд РФ существенно влияет на регулирование в том числе и корпоративных отношений и правоприменение в этой сфере¹⁰.

Формирование судебной доктрины Верховным Судом РФ также имеет конституционные основы. Согласно ст. 126 Конституции РФ «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров... осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и *дает разъяснения по вопросам судебной практики* (курсив мой. — И. Ш.)». Это правомочие Верховного Суда РФ направлено «на поддержание

единообразия в толковании и применении норм права арбитражными судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы»¹¹.

Хотя понятие «судебная практика» используется в ст. 126 Конституции РФ, оно не нашло законодательного закрепления. Доктринальное толкование этого понятия мы можем встретить в трудах российских ученых, написанных в разные периоды нашей истории. Так, еще до революции Г. Ф. Шершеневич писал, что «судебная практика есть правило, созданное судом при постановлении им решений по отдельным случаям»¹². В советский период С. С. Алексеев рассматривал судебную практику как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов»¹³.

В целях систематизации и достижения единообразия судебной практики высшими судебными инстанциями проводятся ее обобщения, готовятся тематические обзоры, а наиболее важные вопросы находят отражение в постановлениях пленумов.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.01.2010 № 1-П указал, что «толкование норм права может осуществляться Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации как в связи с рассмотрением конкретного дела (ad hoc), так и — в целях обеспечения единообразного их понимания и применения арбитражными судами — в отношении всех дел со сходными фактическими обстоятельствами на основе обобщенной практики их разрешения». По сути, Конституционный Суд *обосновал возможность Верховного Суда давать как обоб-*

⁹ Решение Конституционного Суда РФ в форме постановления отличается от его решения в форме определения тем, что постановлением именуется итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу вопроса, все иные решения Конституционного Суда РФ, принимаемые в ходе конституционного судопроизводства, называются определениями (ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Определения выносятся также в случаях, когда требуется разъяснение постановления, заключения Конституционного Суда РФ (ст. 83 Закона).

¹⁰ Исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ в сфере корпоративного права см.: *Шиткина И. С., Музафаров Э. Э., Наймушина В. А., Севеева К. В.* Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // *Право и бизнес.* 2022. № 3. С. 3–28.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // *Вестник Конституционного Суда РФ.* 2010. № 2.

¹² *Шершеневич Г. Ф.* Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. Т. 4. С. 405.

¹³ *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 340.

ценные рекомендации нижестоящим судам, так и толкование закона применительно к конкретному спору.

Отметим, что идея правотворческой миссии Высшего Арбитражного Суда РФ активно продвигалась его представителями до объединения Высшего Арбитражного Суда с Верховным Судом. Так, С. В. Сарбаш указывал: «...реальная хозяйственная практика, гражданский оборот не могут приостановить свое существование до отыскания законодательного решения. Поэтому пробел в законе начинает заполняться результатами поиска эффективной защиты нарушенных прав, предпринятого судебной практикой. <...> судебная практика пытается выработать критерии защиты нарушенных прав и условия ее применения в соответствующих обстоятельствах»¹⁴.

Совершенно определенно о характере и роли судебной практики в России высказался Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванов: «...имеются все основания для придания судебным актам прецедентного характера, который развивался в судебной системе последние двадцать лет»¹⁵.

А. Г. Карапетов также подчеркивает необходимость обеспечения большей определенности и предсказуемости судебных решений, что может быть достигнуто за счет признания прецедентного значения отдельных судебных актов. По мнению этого автора, опора на устоявшуюся судебную практику способствует повышению уровня правовой защищенности участников экономических отношений и стимулирует развитие бизнеса¹⁶.

Действительно, судебная практика позволяет оперативно реагировать на пробелы и противоречия в законодательстве, адаптировать правовые нормы к современным реалиям и обеспечивать единообразие правоприменения. Судебные решения зачастую служат импульсом к последующему совершенствованию нормативно-правовой базы, что можно рассматривать как пример успешного взаимодействия судебной и законодательной ветвей власти¹⁷. С другой стороны, чрезмерное судебное нормотворчество, выходящее за рамки компетенции судебных органов, несет риски нарушения принципа разделения властей и возникновения противоречий между судебной практикой и действующим законодательством.

Е. А. Суханов критикует современную правоприменительную практику, изобилующую ссылками на «прецедентные решения» и «правовые позиции» высших судебных органов, которые принимаются с учетом различных конкретных обстоятельств, но из которых нередко выводятся сомнительные «общие правила». По мнению ученого, признание судебного прецедента в качестве источника права может привести к размыванию границ между правотворчеством и правоприменением, а также создать риски для стабильности и непротиворечивости законодательства. Е. А. Суханов призывает к четкому разграничению функций судебной и законодательной власти и ограничению роли судов правоприменительной деятельностью¹⁸.

Таким образом, судебное нормотворчество¹⁹ выражается в создании судами, по сути, новых правовых норм, не предусмотренных

¹⁴ Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 4. С. 70–79.

¹⁵ Интервью с А. А. Ивановым, Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Законодательство. 2010. № 1. С. 8.

¹⁶ Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. С. 307.

¹⁷ Мы можем привести множество примеров, когда судебная практика становилась триггером для развития законодательства. Так, понятие «выбывший член совета директоров» впервые нашло толкование в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». В текущий момент рассматривается законопроект, предлагающий законодательное закрепление этого понятия (см.: проект федерального закона № 724347-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и статью 32 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013–2017 гг. М.: Статут, 2018.

¹⁹ В правовой доктрине под судебным нормотворчеством понимаются «выработка высшими судебными органами общих норм правового регулирования, толкование норм в процессе своей деятельности с

действующим законодательством, в то время как правоприменение заключается в использовании существующих норм для разрешения конкретных правовых конфликтов. Российская правовая система, основанная на континентальной модели права, традиционно не признает судебный прецедент в качестве источника права, ограничивая роль судов правоприменением. Однако в реальности грань между правотворчеством и правоприменением часто оказывается очень зыбкой, что и порождает дискуссии в научном сообществе.

Значение, которое придается судебным актам по конкретным делам, в российском правопорядке очень велико. Зачастую юристы-литигаторы приходят в судебное заседание с увесистой стопкой судебных актов, подтверждающих их правовую позицию, либо ссылаются на них в исках, отзывах, ходатайствах. В юридической периодике и литературе обсуждаются парадоксы сложившейся судебной практики по конкретным делам.

Ниже содержится перечень вопросов, которые были поставлены перед экспертами одним из юридических журналов по итогам правоприменительной практики в 2024 г. Приведем эти вопросы без купюр для того, чтобы продемонстрировать отношение профессионального сообщества к значению судебной практики. Итак, вопросы:

«Какое судебное дело Вы считаете наиболее значимым в 2024 г. и почему?»

Каковы ключевые изменения, которые данное дело внесло в правоприменительную практику? Какие решения судов в этом году Вы

считаете наиболее неожиданными и почему? Что, по Вашему мнению, в российской судебной практике вызывает наибольший резонанс среди юристов и бизнес-сообщества?»

Какая недавняя судебная тенденция кажется Вам парадоксальной, но потенциально перспективной? Есть ли в Вашей практике случаи, когда неожиданное судебное решение потребовало серьезного пересмотра стратегии компании? Встречали ли Вы в этом году судебные прецеденты, которые стали причиной острых профессиональных споров среди юристов?

Какие советы Вы бы дали юристам, которые хотят лучше понимать и предугадывать тренды в судебной практике?»²⁰

На примере вышеуказанных вопросов видно, какое большое значение профессиональное сообщество придает складывающемуся правоприменению.

2. Следуя тренду, проанализируем некоторые судебные акты по корпоративным спорам²¹ последних лет, задавшись при этом определенными вопросами.

Первый вопрос: исходя из российского процессуального законодательства, какие судебные акты могут быть основанием для вынесения решения по конкретному гражданско-правовому спору?

В соответствии с ч. 3 ст. 170 АПК РФ *в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного*

закреплением этих результатов в судебном акте» (Гук Л. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex russica. 2016. № 7. С. 20).

Для целей этой статьи мы не делаем различий в понятиях «судебное нормотворчество» и «судебное правотворчество», хотя знакомы с дискуссией о том, что эти категории следует различать. Если правотворчество связывают с деятельностью органов, основной функцией которых является создание норм права, то нормотворчество рассматривают как процесс создания юридических норм органами, которые де-юре не обладают такой властью, но де-факто ее реализуют. См. об этом: Чунина М. С. Судебное нормотворчество и судебное правотворчество: разграничение понятий // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 75.

²⁰ Оригинальность формулировки вопросов соблюдена дословно (из личного архива автора). Ответы на некоторые из приведенных вопросов см.: Судебные тренды — 2024: мнения экспертов и важные кейсы // Юридическая работа в кредитной организации. 2024. № 4.

²¹ В соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8) корпоративными признаются споры, связанные с созданием юридических лиц; корпоративных и унитарных, коммерческих и некоммерческих, с управлением ими или участием в них. Такие споры могут быть подведомственны как арбитражным судам, так и судам общей юрисдикции. В этой статье мы рассмотрим арбитражную практику.

Суда РФ и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также на *обзоры судебной практики* Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. На весомую роль Верховного Суда РФ указывает и возможность пересмотра судебных актов *по новым обстоятельствам* ввиду определения либо изменения Верховным Судом РФ практики применения правовой нормы (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ).

Итак, в силу закона особая роль отводится следующим судебным актам: постановлениям Пленума, Президиума Верховного Суда РФ и обзорам судебной практики. Фактически же профессиональное сообщество рефлексировало над любым судебным актом, зачастую даже не вступившим в законную силу, а уж тем более над судебным актом, принятым Верховным Судом РФ, включая определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда.

Действительно, обратившись к статистике, мы увидим, что постановлений Президиума Верховного Суда РФ, принятых в порядке надзора, выносится крайне мало²², поэтому определения судебных коллегий становятся актуальной основой для формирования мнения Суда, отражаемого в последующем в постановлениях Пленума и обзорах судебной практики. Следо-

вательно, определения Судебной коллегии по экономическим спорам, к ведению которой относятся корпоративные споры, имеют практикообразующее значение.

Второй вопрос: могут ли суды применять закон по аналогии?

Отвечая на этот вопрос, следует провести границу между толкованием закона и применением закона по аналогии. Как писал Г. Ф. Шершеневич, «толкование ставит себе задачу уяснить мысль, названную в законе, а аналогия исходит из предположения, что искомая мысль в законе или в законах не высказана». Хотя применение аналогии — это по сути судебное правотворчество, оно все-таки не является совершенно свободным: «При аналогии права судья стеснен в своем творчестве данным ему материалом, в свободном творчестве материал этот заимствуется из источников, находящихся вне действующего законодательства»²³.

Обратимся к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636, которое уже было подвергнуто нами детальному рассмотрению применительно к судьбе так называемых потерянных акционеров²⁴: в этом судебном акте применение Верховным Судом РФ закона по аналогии было, с нашей точки зрения, неоправданно широким.

²² За первое полугодие 2024 г. из 243 жалоб по экономическим спорам в порядке надзора ни одна не рассмотрена в судебном заседании. В Судебной коллегии по экономическим спорам рассмотрено 20 590 кассационных жалоб и представлений на судебные акты, принятые арбитражными судами по экономическим спорам (в кассационном порядке); из них в судебном заседании коллегией разрешено 247 дел по жалобам на судебные акты, принятые арбитражными судами, жалобы удовлетворены с отменой или изменением судебных актов по 241 делу (URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/33818/> (дата обращения: 29.12.2024)). В аналогичном Обзоре статистических данных за 2023 г. из 542 жалоб по экономическим спорам в порядке надзора ни одной жалобы не было рассмотрено в судебном заседании. В Судебной коллегии по экономическим спорам рассмотрено 47 424 кассационные жалобы и представления на судебные акты, принятые арбитражными судами по экономическим спорам (в кассационном порядке); из них в судебном заседании коллегией разрешено 503 дела по жалобам на судебные акты, принятые арбитражными судами, жалобы удовлетворены с отменой или изменением судебных актов по 492 делам (URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/33400/> (дата обращения: 29.12.2024)). В 2022 г. из 460 жалоб по экономическим спорам в порядке надзора удовлетворена одна жалоба. В Судебной коллегии по экономическим спорам рассмотрено 42 428 кассационных жалоб и представлений на судебные акты, принятые арбитражными судами по экономическим спорам (в кассационном порядке); из них в судебном заседании коллегией разрешено 522 дела по жалобам на судебные акты, принятые арбитражными судами, жалобы удовлетворены с отменой или изменением судебных актов по 506 делам (URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/32115/> (дата обращения: 29.12.2024)).

²³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч.

²⁴ Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. К вопросу о судьбе акций, принадлежавших акционеру, утратившему правоспособность. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года № 304-ЭС22-10636 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 4–19.

В этом деле Верховный Суд РФ, в частности, указал, что исключение акционера из ЕГРЮЛ свидетельствует о выходе участника (акционера) из корпорации как юридическом факте, в связи с чем правовые последствия этого факта *могут определяться по аналогии закона* на основании ст. 72, 73, 75, 76 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», как если бы участник прекратил свое участие в обществе не ввиду исключения из ЕГРЮЛ, а приняв самостоятельное решение, и потребовал выкупа принадлежащих ему акций. Верховный Суд РФ в данном деле фактически *сам создал и описал правовой механизм* определения стоимости акций «потерянного» акционера, указав, в частности, органы, уполномоченные принимать необходимые решения, сроки выплаты денежных средств, обязанности регистратора, сроки и порядок внесения им записи в реестр акционеров. Даже визуально этот судебный акт выглядит и сформулирован как акт законодательный.

Применив указанные статьи Федерального закона «Об акционерных обществах» к ситуации исключения из ЕГРЮЛ акционеров Суд посчитал, что это позволяет преодолеть пробел в праве и способствует достижению общего для акционерного общества блага, в том числе посредством обеспечения эффективного управления обществом, возвращения акций в оборот. Однако использование любого способа толкования нормы права не должно нарушать принципы права, т.е. его основополагающие идеи. Так, расширительное толкование и применение аналогии закона не допускаются в случаях, когда речь идет об ограничении прав, изъятии имущества и иных исключениях из общих принципов права. Данные ограничения и изъятия могут быть преодолены только *на уровне федерального закона*.

Справедливости ради отметим, что суды не всегда готовы к применению аналогии закона или права и к созданию прецедента там, где отсутствует правовое регулирование. Так, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.02.2014 по делу № А33-6328/2013, рассматривая иск о признании ответчика солидарным должником и взыскании задолженности

по обязательствам третьих лиц как с «фактического правопреемника», суд отклонил заявленные требования в связи с тем, что основания для солидарной ответственности отсутствуют, поскольку должники и ответчик являются самостоятельными юридическими лицами, а законом не предусмотрена солидарная обязанность одного общества по долгам другого, не признанного банкротом, участниками которых являются одни и те же лица. При этом суд округа отметил следующее: «При отсутствии норм права, устанавливающих солидарную ответственность одного юридического лица по долгам другого юридического лица в связи с “переводом бизнеса”, наличием в законодательстве соответствующих способов защиты нарушенного права и отсутствии возможности применения аналогии закона и аналогии права, *истец фактически требует у суда урегулировать отношения, не урегулированные законодателем*. <...>

Органы судебной власти являются правоприменительными и не могут выполнять функцию законодательной власти (курсив мой. — И. Ш.). Создание нового механизма защиты нарушенных прав и законных интересов кредитора (более эффективного с точки зрения истца) выходит за пределы полномочий суда, поскольку урегулирование отношений в данной ситуации требует создания новой нормы права, что является правотворческой функцией законодательных органов власти».

Третий вопрос: может ли Верховный Суд РФ в своих определениях выражать правовые позиции, противоречащие ранее высказанным в постановлениях Пленума и других судебных актах Верховного Суда?

Для начала рассмотрим два судебных акта, принятых летом и осенью 2024 г. и связанных с применением законодательства о крупных сделках. Это *определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859* (дело ЗАО «СП “Русь”») и *от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124* (дело ООО «Дон-Моторс плюс») ²⁵.

В указанных судебных актах Верховный Суд РФ отошел от известного правила, содержащегося как в законодательстве (п. 1 ст. 78

²⁵ Отметим, что также в определении от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021 (дело «Бест Клин»), применяя законодательство, действовавшее до 1 января 2017 г. (до реформы института экстраординарных сделок), Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что как в рамках ранее действовавшего законодательства, так и применительно к текущим правилам оспаривания при квалификации крупных сделок приоритет должен отдаваться именно качественному

Федерального закона «Об акционерных обществах»), так и в толковании Верховного Суда (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»), о том, что для квалификации сделки в качестве крупной *на момент ее совершения* необходимо наличие одновременно двух критериев: и количественного, и качественного, и квалифицировал сделки в качестве крупных лишь на основании одного из критериев.

Обстоятельства дела ЗАО «СП «Русь»» были следующими. На годовом общем собрании акционеров было принято решение о даче согласия на заключение в течение года договоров поручительства и залога с банком, размер обязательств по которым в 10 раз превышал балансовую стоимость активов общества. Решение не содержало конкретных условий, а только устанавливало предельные значения. Один из акционеров проголосовал против и затем обратился с иском к обществу о возложении обязанности выкупить принадлежащий ему пакет акций (ст. 75, 76 Федерального закона «Об акционерных обществах»).

Разрешая спор, вопреки позиции Пленума Верховного Суда РФ, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к следующему выводу: «При столь существенном превышении количественного критерия, установленного для квалификации крупной сделки подпунктом 2 пункта 1 статьи 78 Закона № 208-ФЗ (в два и более раза), *выход одобряемой общим собранием сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности общества предполагается* (курсив мой. — И. Ш.). Следовательно, презюмируется и наличие риска того, что совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов». Таким образом, по мнению Суда, количественный критерий при

таких обстоятельствах как будто бы по умолчанию перерастает в качественный.

Такой вывод противоположен тому, который ранее был сделан судом в деле ПАО «НПК «Объединенная вагонная компания»»²⁶, где стоимость взаимосвязанных сделок поручительства составила 126 % балансовой стоимости активов общества (суд, правда, не признал сделки взаимосвязанными). Тогда Верховный Суд РФ указал, что «договоры поручительства были квалифицированы как крупные сделки исключительно по одному количественному (стоимостному) признаку. <...> такая квалификация не соответствует ст. 78 Закона «Об акционерных обществах», предусматривающей обязательное наличие одновременно двух критериев (количественного и качественного) для квалификации сделки в качестве крупной».

В деле ООО «Дон-Моторс плюс»²⁷ Верховный Суд РФ квалифицировал сделку в качестве крупной формально при наличии только качественного критерия. Обстоятельства этого дела следующие. ООО «Алекс Трейд» в качестве дополнительного вклада в уставный капитал ООО «Дон-Моторс плюс» внесено недвижимое имущество (фитнес-центр), составляющее 10 % балансовой стоимости активов общества. ООО «Алекс Трейд» как до, так и после совершения сделки осуществляло деятельность по производству стеклотары. Фитнес-центр не связан с основным видом экономической деятельности. Мажоритарный участник ООО «Алекс Трейд» предъявил иск о признании сделки по внесению недвижимого имущества в качестве дополнительного вклада участника в уставный капитал недействительной как крупной сделки, совершенной без согласия общего собрания участников и в ущерб интересам общества.

Верховный Суд РФ указал, что «сделка может быть признана крупной, даже если формально балансовая стоимость выбывших активов не превысила 25 % общей балансовой стоимости активов (количественный критерий), но отчуж-

---

критерию, свидетельствующему о выходе сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (способности спорных сделок привести к последствиям, аналогичным реорганизации и ликвидации самого общества), даже если балансовая стоимость выбывших активов формально не превысила 25 % общей балансовой стоимости активов (количественный критерий).

²⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2018 № 09АП-51519/2018 по делу № А40-99921/18 оставлено без изменения постановлением Арбитражного суда Московского округа от 30.04.2019 № Ф05-24063/2018.

²⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022.

денный актив являлся ключевым для общества — его утрата не позволяет юридическому лицу вести свою деятельность или ее отдельные виды».

Такой вывод был обоснован тем, что внесение недвижимого имущества (фитнес-центра) в уставный капитал привело к утрате возможности ведения ООО «Алекс Трейд» отдельного вида деятельности, связанного с эксплуатацией фитнес-центра. Также Верховный Суд РФ сделал заключение, что «равным образом сделка может быть признана крупной и в ситуации, когда непосредственно после ее совершения формально не произошла кристаллизация (созревание) признаков невозможности осуществления обществом его деятельности или существенного изменения видов деятельности юридического лица, однако в будущем исполнение взятых на себя обязательств может привести к таким последствиям (курсив мой. — И. Ш.)».

Отметим, что этот вывод сделан Судом, притом что квалификация сделки как крупной должна осуществляться на момент ее совершения (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27), без гипотетического ожидания «созревания» ее признаков как крупной.

В этом деле Суд применил также правила фактической аффилированности, хотя с 1 января 2017 г. для квалификации сделки с заинтересованностью используется формализованное понятие «контролирующие лица», не предполагающее расширения законодательно предусмотренных оснований²⁸.

Таким образом, мы видим изменение позиции Верховного Суда РФ в определениях по конкретным делам, сформулированных в противоречии с положениями закона и его собственными позициями, высказанными ранее на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Показывают ли приведенные определения складывающийся новый тренд в судебной док-

трине крупных сделок или это ситуативные акты, т.е. принятые судом исходя из обстоятельств конкретного дела, которым не будет характерен мультипликационный эффект?

Еще один пример противоречия сложившимся в судебной практике трендам. Мы уже указывали в публикациях на выраженный в судебной практике подход, направленный на учет общего экономического интереса холдинга (группы компаний)²⁹. В частности, суды при наличии общего экономического интереса группы зачастую приходят к выводу об отсутствии убытков или иных неблагоприятных последствий при совершении сделок в группе связанных участников. Так, по мнению Верховного Суда РФ, получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота является стандартной практикой, и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности³⁰. Суды, например, полагают, что при кредитовании одного из участников группы лиц в конечном счете выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, т.к. в совокупности имущественная база данной группы прирастает³¹.

Здесь важна оценка судами непропорциональности действий директора общества — участника холдинга, если сделки поручительства, залога, займа и др. заключены этим директором в пользу другого юридического лица — участника холдинга, поскольку эти юридические лица образуют одно предпринимательское объединение, имеющее общий экономический интерес.

Впрочем, в деле № А55-35352/2021 (ПАО «Тольяттиазот» против членов совета директоров) суд отступил от этого подхода. Фабула данного дела следующая. ПАО «Тольяттиазот» предъявило иск о взыскании убытков с членов совета директоров, которые одобрили

²⁸ В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 307-ЭС23-29560 по делу № А56-33796/2022 тоже указано, что при квалификации сделки с заинтересованностью значение имеет аффилированность, в том числе фактическая.

²⁹ Шиткина И. С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6. С. 172–181.

³⁰ Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 ; п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018.

³¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652.

заклучение между ПАО «Тольяттиазот» и АО «Тольяттихимбанк» договоров уступки прав требования (цессии) по кредитным договорам, заключенным между ООО «Техник-Парк» (дочерней компанией ПАО «Тольяттиазот», 100 % участия) и АО «Тольяттихимбанк». Уступка долга была осуществлена по номиналу (только «тело долга»), а причитающиеся проценты по кредиту оставались на стороне «Тольяттихимбанка», т.е. фактически были прощены банком. Несмотря на эти обстоятельства, а также на то, что сделки осуществлялись юридическими лицами, объединенными общим экономическим интересом группы и внутри группы, иски требования были удовлетворены: три члена совета директоров были привлечены солидарно к имущественной ответственности на сумму 737 260 960 руб.

Вопреки давно сложившейся единообразной практике, участие в одной группе в этом деле суд трактовал как отрицательный для ответчиков аспект. По мнению суда, *ответчики имели возможность получить всю необходимую информацию о деятельности дочерней компании³² и знали о финансовом состоянии должника в момент принятия решения об одобрении сделок цессии, но проигнорировали данную информацию³³.*

Таким образом, в приведенном деле суд (вопреки сложившимся подходам) не рассмотрел наличие внутригруппового интереса как основания для снятия ответственности с членов органов управления хозяйственного общества, действующих в общих интересах холдинга.

Совершенно очевидно, что единообразие судебной практики является важнейшим элементом принципа правовой определен-

ности, гарантией стабильности гражданского оборота.

Четвертый вопрос: могут ли суды в экстраординарных ситуациях отклоняться от принципов права?

К моменту написания этой статьи дело № А40-167352/2023 (дело Ситибанка)³⁴ еще не стало предметом рассмотрения Верховного Суда РФ, однако получило широкий резонанс в профессиональном сообществе и в силу наличия в текущей практике «санкционных кейсов» имеет реальный риск мультипликационного эффекта.

В данном деле, рассмотренном по первой инстанции Арбитражным судом г. Москвы, долг иностранной компании, не исполнившей обязательство из-за введенных против РФ санкций, был взыскан с общества, расположенного на территории Российской Федерации и входящего в одну группу лиц с должником. Иск был заявлен ПАО «Совкомбанк» о взыскании с CITIBANK N.A. (иностранного банка) и с АО КБ «Ситибанк» убытков, возникших из генерального соглашения, заключенного в 2017 г. между истцом и CITIBANK N.A. В апреле 2022 г. США ввело в отношении истца санкции, а его денежные средства были заморожены и переведены на специальный счет в банке США. Неисполнение CITIBANK N.A. требования ПАО «Совкомбанк» о возврате средств послужило поводом для иска о солидарном взыскании убытков с CITIBANK N.A. и с АО КБ «Ситибанк».

Удовлетворяя иск, суды трех инстанций исходили из того, что 100 % акций АО КБ «Ситибанк» принадлежат единственному акционеру — компании «Ситигрупп Недерландс Б. В.» и, согласно материалам дела, входят в состав

³² Право членов совета директоров на информацию о деятельности дочернего общества рассматривалось для закрепления в законодательстве, но так и не нашло легального воплощения. Минэкономразвития России был разработан законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» (в части предоставления члену совета директоров акционерного общества доступа к документам и информации подконтрольных обществу юридических лиц и введения ответственности единоличного исполнительного органа за непредоставление или нераскрытие информации либо за предоставление и раскрытие недостоверной информации) (ID проекта 00/03-16998/07-14/12-13-4 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch?q=00%2F03-16998%2F07-14%2F12-13-4&departmentId=> (дата обращения: 29.12.2024)).

³³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.11.2022 № Ф06-23056/2022 по делу № А55-35352/2021.

³⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 № Ф05-4956/2024 по делу № А40-167352/2023. Аналогичная позиция содержится в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-4561/2024 по делу № А40-194447/2023 (ПАО «Совкомбанк» (впоследствии заменено на ООО «Содействие международным расчетам») против J. P. Morgan Securities PLC и ООО КБ «Дж. П. Морган Банк Интернешнл»).

холдинга Citigroup Inc. (или Citi) (Ситигруп) и являются аффилированными лицами. CITIBANK N.A. и Ситигруп опосредованно владеют АО КБ «Ситибанк». Установив, что CITIBANK N.A. и АО КБ «Ситибанк» входят в одну группу лиц (Ситигруп), управляются из единого центра, находящегося в США, их деятельность строго регламентирована в соответствии с политикой и распоряжениями головной компании, CITIBANK N.A. и АО КБ «Ситибанк» действуют в едином интересе, суды сделали вывод, что они являются солидарными должниками за причиненный вред³⁵.

Суды также пришли к выводу, что с учетом характера допущенного нарушения привлечение CITIBANK N.A. и АО КБ «Ситибанк» к солидарной ответственности *приведет к наиболее эффективному восстановлению прав истца*. В данном случае суды учитывали как недобросовестность действий CITIBANK N.A. по блокировке денежных средств ПАО «Совкомбанк», так и бездействие АО КБ «Ситибанк», поскольку заключили, что с точки зрения российского публичного порядка и принципов добросовестности CITIBANK N.A. и АО КБ «Ситибанк» должны были предпринять совместные действия, направленные на адаптацию отношений с ПАО «Совкомбанк» под изменившееся регулирование в иностранных правовых системах и своевременное исполнение обязательств перед ПАО «Совкомбанк».

Отметим, что суд применил в этом деле так называемую *доктрину единого хозяйствующего субъекта* (single business enterprise), наиболее характерную для американской правовой системы. В США доктрина единого хозяйствующего субъекта была впервые сформулирована Адольфом Берли³⁶ и использовалась для привлечения к ответственности головной корпорации, но не подконтрольных лиц. Применение этой доктрины на практике даже в США крайне затруднено, поскольку для того, чтобы признать группу единым хозяйствующим субъектом нуж-

но достаточно веское основание в виде большого количества факторов, свидетельствующих о наличии единого экономического интереса³⁷.

Исход этого и аналогичных дел в существенной степени зависит от позиции, которую займет Верховный Суд РФ. В правовом регулировании ответственности юридических лиц по их обязательствам доминирует доктрина «самостоятельной юридической личности» (entity theory). С точки зрения законодательства общим правилом регулирования гражданско-правовых отношений в Российской Федерации является разграничение ответственности юридического лица по обязательствам этого лица и ответственности других лиц, в том числе его участников. В силу п. 2 ст. 56 ГК РФ и корреспондирующих ему пункта 1 ст. 87, пункта 1 ст. 96 ГК РФ учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества также не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

В законодательстве ограниченное число случаев можно условно назвать снятием с юридического лица «корпоративной вуали» (lifting the veil, piercing the veil of incorporation)³⁸. Данные исключения предполагают возложение ответственности юридического лица по его обязательствам на лиц, контролирующих его деятельность в силу юридических оснований, а также на контролирующих лиц, имеющих возможность определять его решения, не состоя с юридическим лицом в формальной правовой связи (фактически контролирующих лиц). В российском праве не предусмотрена ответственность подконтрольных лиц по обязательствам контролирующих лиц («обратное снятие корпоративной вуали» (reverse piercing of corporate veil))³⁹.

Игнорирование корпоративного покрова, привлечение одного субъекта гражданско-

³⁵ Именно поэтому мы рассматриваем это дело не как классический пример «обратного снятия корпоративной вуали», а скорее как возложение солидарной ответственности за нарушение обязательства на лиц, причинивших вред совместно (п. 1 ст. 322, ст. 1080 ГК РФ).

³⁶ Berle A. The Theory of Enterprise Entity // Columbia Law Review. 1947. Vol. 47. P. 343, 345.

³⁷ Подробно об этом см.: Ломакин Д. В. Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики // Lex russica. 2025. Т. 78. № 1. С. 21–38.

³⁸ См. об этом: Корпоративное право : учебный курс : в 6 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина .М. : Статут, 2025. Т. 6. Гл. 32.

³⁹ См. об этом: Шиткина И. С., Копылов Д. Г. Обратное снятие корпоративной вуали // Законодательство. 2020. № 3. С. 7–17.

правовых отношений к ответственности по обязательствам другого — это отклонение от общего правила ограниченной ответственности, которое неизбежно приведет к «размыванию границ юридического лица», поэтому не подлежит расширительному толкованию. Верховный Суд РФ применительно к делу о банкротстве в Обзоре указал: «Контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности по обязательствам корпорации, когда в нарушение принципа имущественной обособленности допущено смешение их активов, создавшее условия невозможности осуществления расчетов с кредиторами (курсив мой. — И. Ш.)»⁴⁰. В рамках одного из дел суд в развитие правовой позиции, выраженной в п. 13 Обзора судебной практики № 1 от 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 24.04.2019), подчеркнул, что для привлечения основного общества к солидарной ответственности по сделкам дочернего *доказыванию подлежит не только факт наличия группы компаний как таковой, но и степень вовлеченности ее участников в процесс управления обществом*⁴¹. Таким образом, нельзя заключить, что если те или иные юридические лица являлись группой компаний, то они могли давать обязательные указания какому-то конкретному лицу в группе, а значит, отвечать за его действия. Так, в одном из дел суд обратил внимание на то, что под возможностью определять решения лица подразумевается отсутствие у контролируемого лица автономии воли⁴². В другом деле суд указал: «...для возникновения у основного обще-

ства солидарной ответственности с дочерним обществом необходимо наличие в совокупности трех условий: два хозяйствующих субъекта должны находиться в отношениях основного и дочернего; основное общество должно иметь право давать обязательные для исполнения указания дочернему обществу; сделка должна быть заключена во исполнение таких указаний или данного согласия»⁴³.

Подход судов в деле Ситибанка, по сути, сходен с так называемой материальной консолидацией, получившей распространение в зарубежных странах, главным образом в США, представляющей собой механизм банкротства холдинга как экономически единого субъекта. Как указывает А. В. Гурьянов, «материальная консолидация состоит в том, что суд может объединить имущество должников — участников холдинга в единую конкурсную массу с целью последующего удовлетворения требований их кредиторов. В результате активы и пассивы участников холдинга рассматриваются, как если бы ими обладал единый субъект права»⁴⁴.

Концепция материальной консолидации применяется в исключительных случаях, когда наличествует существенное смешение имущества участников холдинга, холдинг позиционируется в обороте как экономически единый субъект и воспринимается именно таковым кредиторами, а также присутствует злоупотребление корпоративной формой⁴⁵. Примечательно, что еще в 2011 г. Минэкономразвития России был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон

⁴⁰ П. 28 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. Июнь. 2023.

⁴¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.10.2020 № 09АП-36909/2020 по делу № А40-10846/2020.

⁴² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2016 № 09АП-47562/2016 по делу № А40-199627/2015.

⁴³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2016 № Ф01-3521/2016 по делу № А17-3495/2015. См. также постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 № 16АП-321/2020 по делу № А63-14424/2019.

⁴⁴ Гурьянов А. В. Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2024.

Материальной она именуется, потому что объединяются объекты материального права (имущественные массы). Сами участники холдинга сохраняют самостоятельную правосубъектность. Это позволяет сохранить за ними принадлежавшие им активы (имущественные права, договоры, лицензии и т.д.). См.: Горбашев И. В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. Екатеринбург, 2022. С. 147.

⁴⁵ См. об этом: Гурьянов А. В. Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2024.

“О несостоятельности (банкротстве)” в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп», который, однако, так и не был внесен на рассмотрение в российский парламент, получив отрицательное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства⁴⁶. При этом приведенные нормы и их судебное толкование теперь применяются в ситуации санкционного давления и связанных с ним ограничений, которые носят, по сути, экстраординарный характер. Верховный Суд РФ должен дать ответ на вопрос о трактовке положений об ограниченной ответственности юридического лица, входящего в группу компаний, своим имуществом в случае невозможности взыскания с другого участника группы, обладающего имуществом, доступным для взыскания.

Заключение

Россия относится к странам континентальной правовой семьи, источником права в которой признаются нормативные правовые акты, прежде всего законы. Прецедент в том смысле, который ему придается в странах общего права, не является источником права в России: судебный акт по конкретному спору не может слу-

жить единственным основанием для вынесения судебного решения по другому спору. Однако, констатируя сложившиеся реалии, следует фактически признать судебную практику квазиисточником российского права.

Судебная практика по корпоративным спорам в ряде случаев формирует предпосылки для развития, уточнения или изменения законодательных положений. Судебные решения по корпоративным спорам могут помочь оперативно реагировать на пробелы и противоречия в законодательстве, адаптировать правовые нормы к потребностям бизнеса и обеспечивать единство правоприменения. При этом чрезмерное судебное нормотворчество может привести к размыванию границ между функциями судебной и законодательной власти, создать риски противоречий между судебной практикой и буквой закона. Таким образом, ключевой вопрос состоит в поиске баланса между конструктивным влиянием судебной практики на развитие корпоративного права и недопустимостью подмены деятельности законодателя судебным нормотворчеством.

Правовая определенность должна оставаться незыблемым принципом правопорядка, и представляется, что в экстраординарных ситуациях, подобных текущей, ее значение лишь возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 359 с.
- Васьковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов : для начинающих юристов. М. : Братья Башмаковы, 1913. 152 с.
- Горбашев И. В.* Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. Екатеринбург, 2022. 200 с.
- Гук П. А.* Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // *Lex russica*. 2016. № 7.
- Гурьянов А. В.* Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2024.
- Жуйков В. М.* К вопросу о судебной практике как источнике права // *Судебная практика как источник права*. М., 1997.
- Карпетов А. Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. 308 с.
- Ломакин Д. В.* Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 21–38.
- Сарбаш С. В.* Восстановление корпоративного контроля // *Вестник гражданского права*. 2008. Т. 8. № 4. С. 70–79.

⁴⁶ *Слонов Д. С.* Правовые препятствия для применения доктрины материальной консолидации в делах о банкротстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. № 8. С. 114–126.

Слонов Д. С. Правовые препятствия для применения доктрины материальной консолидации в делах о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 114–126.

Судебные тренды — 2024: мнения экспертов и важные кейсы // Юридическая работа в кредитной организации. 2024. № 4.

Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права : Избранные труды 2013–2017 гг. М. : Статут, 2018. 496 с.

Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. К вопросу о судьбе акций, принадлежавших акционеру, утратившему правоспособность. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года № 304-ЭС22-10636 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 4–19.

Чунина М. С. Судебное нормотворчество и судебное правотворчество: разграничение понятий // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2.

Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016.

Шиткина И. С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6. С. 172–181.

Шиткина И. С., Копылов Д. Г. Обратное снятие корпоративной вуали // Законодательство. 2020. № 3. С. 7–17.

Шиткина И. С. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. 2013. № 4.

Шиткина И. С., Музафаров Э. Э., Наймушина В. А., Севеева К. В. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3–28.

Berle A. The Theory of Enterprise Entity // Columbia Law Review. 1947. Vol. 47.

REFERENCES

- Alekseev SS. General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1981. (In Russ.).
- Berle A. The Theory of Enterprise Entity. *Columbia Law Review*. 1947;47.
- Chunina MS. Judicial Rulemaking and Judicial Lawmaking: Differentiation of Concepts. *Science. Society. State*. 2022;10:2. (In Russ.).
- Filippova SYu, Shitkina IS. The Fate of Shares Held by a Shareholder who has Lost Legal Capacity. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*. 2023;2:4-19. (In Russ.).
- Gorbachev IV. Features of insolvency (bankruptcy) of corporate groups based on material consolidation: Comparative Legal Study. Cand. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
- Guk PA. Judicial Lawmaking: Questions of Theory and Practice. *Lex Russica*. 2016;(7):14-27. (In Russ.).
- Guryanov AV. Legal regulation of corporate control and management relations in holdings. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Karapetov AG. Borba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropeyskom i amerikanskom prave [The struggle for recognition of judicial law-making in European and American law]. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
- Lomakin DV. The Impact of an External Political Factor on the Law Enforcement Development. *Lex Russica*. 2025;78(1):20-37. (In Russ.).
- Sarbash SV. Corporate Control Restoration. *Herald of Civil Law*. 2008;8(4):70-79. (In Russ.).
- Shershenevich GS. Selected Works. In 6 vols. Vol. 4. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
- Shitkina IS, Kopylov DG. Reverse Piercing of the Corporate Veil. *Zakonodatelstvo*. 2020;3:7-17. (In Russ.).
- Shitkina IS, Muzafarov EE, Naymushina BA, Seveeva KV. Corporate law issues in positions of the constitutional court of the Russian Federation. *Law and Business*. 2022;3:3-28. (In Russ.).
- Shitkina IS. O priznanii sudebnoy praktiki istochnikom rossiyskogo prava [On the recognition of judicial practice as a source of Russian law]. *Economy and Law*. 2013;4:73-77. (In Russ.).
- Shitkina IS. Revealing and considering common economic interests of group of companies (participants of a holding) when making major transactions and interested party transactions. *Zakon*. 2019;6:172-181. (In Russ.).
- Slonov DS. Legal Barriers to the Application of the Doctrine of Substantive Consolidation in Bankruptcy Cases. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2024;19(8):114-126. (In Russ.).

Sudebnye trendy — 2024: mneniya ekspertov i vazhnye keysy [Judicial trends — 2024: expert opinions and important cases]. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii* [Legal Work in a Credit Organization]. 2024;4. Available at: <https://futurebanking.ru/reglamentbank/article/8294> [Accessed 02.04.2025].

Sukhanov EA. Problems of codification of corporate and property law: Selected works. 2013–2017. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).

Vaskovskiy EV. Guide to the Interpretation and Application of Laws: For Novice Lawyers. Moscow: Brothers Bashmakovy Publ.; 913. (In Russ.).

Zhuykov MV. To the question of jurisprudence as a source of law. In: Judicial practice as a source of law. Moscow; 1997. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиткина Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права МГУ имени М.В.Ломоносова
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
ishitkina@shitkina-law.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Shitkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ishitkina@shitkina-law.ru

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 марта 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 03.09.2024.

Revised 14.03.2025.

Accepted 15.03.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.025-033

А. А. Вишневский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Новеллы законодательства о рекламе потребительских кредитов

Резюме. В статье анализируются новеллы Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», внесенные Федеральным законом от 26.12.2024 № 479-ФЗ, направленные на установление дополнительных требований к рекламе потребительских кредитов (займов). Исследование носит сравнительно-правовой и при этом комплексный характер: автор дает оценку положениям Закона не только на основании юридического (сравнительно-правового) анализа, но и с учетом психологических реалий современной рекламы, характера ее воздействия на потребителя и особенностей восприятия потребителем рекламы финансовых услуг, что позволило вскрыть причины, по которым новеллы Федерального закона «О рекламе» не оптимальны для достижения поставленных целей. Наряду с этим, исследование позволило указать пути повышения эффективности правового регулирования рекламы потребительских кредитов как в части ее содержания, так и в части структуры ее правового регулирования, в которой основная нормотворческая нагрузка ложится не на законодателя, а на регулятора финансового рынка, в компетенцию которого входит не только пруденциальное, но и непруденциальное (поведенческое) регулирование банковской деятельности. Помимо этого, в статье затрагиваются вопросы соотношения традиционного нормативного регулирования и регулирования, основанного на принципах.

Ключевые слова: потребительский кредит; реклама; банк; клиент; информация; информационная диспропорция; принципы права; кредит; потребитель; заем

Для цитирования: Вишневский А. А. Новеллы законодательства о рекламе потребительских кредитов. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 25–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.025-033

Amendments to Consumer Credit Advertising Laws

Alexander A. Vishnevskiy

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the amendments to the Advertising Law introduced by Federal Law No. 479-FZ dated 23 December 2024, which aim to establish additional requirements for the advertising of consumer loans (loans). The research is of a comparative legal and comprehensive nature: the author evaluates the provisions of the law not only based on a legal (comparative legal) analysis but also taking into account the psychological realities of modern advertising, the nature of its impact on consumers, and the specifics of consumer perception of financial services advertising. This approach has revealed the reasons why the amendments to the Advertising Law are not optimal for achieving the stated goals. Additionally, the research identifies ways to enhance the effectiveness of the legal regulation of consumer loan advertising, both in terms of its content and the structure of its legal regulation, where the primary norm-setting responsibility is assigned not to the legislator but to the financial market regulator. The regulator's competence includes not only prudential but also non-prudential (behavioral) regulation of banking activities. Furthermore, the article addresses the relationship between traditional regulatory approaches and principle-based regulation.

Keywords: consumer credit; advertisement; bank; customer; information; information imbalance; principles of law; credit; consumer; loan

© Вишневский А. А., 2025

Cite as: Vishnevskiy AA. Amendments to Consumer Credit Advertising Laws. *Lex russica*. 2025;78(4):25-33. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.025-033

Введение

В апреле 2024 г. группой депутатов в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект, предусматривающий некоторые изменения в рекламе потребительских кредитов в части «наглядного» информирования потребителя о связанных с этой банковской услугой потенциальных рисках¹. На основании предложенного законопроекта в конце прошлого года принят соответствующий Закон². Настоящая статья представляет собой скромную попытку обозначить подходы, которые могут способствовать более эффективному законодательному решению данных вопросов.

Суть данных законодательных новелл состоит в следующем.

Во-первых, если реклама потребительского кредита содержит хотя бы одно условие, влияющее на его полную стоимость, то она должна включать предупреждение «Изучите все условия кредита» и указание на раздел сайта кредитора, на котором размещена соответствующая информация.

Во-вторых, в случаях, когда невозможно указать соответствующий раздел сайта кредитора, другие условия, влияющие на полную стоимость кредита, должны содержаться в самой рекламе.

Третье положение относится к изменению существующей редакции ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» в части необходимости указания в рекламе диапазонов полной стоимости кредита, если в рекламе содержалось указание на процентную ставку.

Наконец, четвертое положение имеет общий характер и требует в любой рекламе, относящейся к потребительским кредитам, размещать предупреждение: «Оценивайте свои финансовые возможности и риски», причем в рекламе, распространяемой в радиопрограм-

мах, продолжительность такого предупреждения должна была составлять не менее чем три секунды, в телепрограммах и при кино- и видеообслуживании — не менее чем три секунды и ему должно быть отведено не менее чем 5 % площади кадра, а в рекламе, распространяемой другими способами, — не менее чем 5 % рекламной площади (рекламного пространства).

Актуальность

Начнем с актуальности урегулированных данным Законом вопросов, которая в данном случае многоаспектна.

Во-первых, эта тема актуальна всегда, поскольку на протяжении всего существования потребительского кредитования перед потребителем стоял и будет стоять вопрос об адекватной оценке риска приобретения кредита как с точки зрения его персональных возможностей расплатиться с долгом, так и в более широком контексте, связанном с изменениями в обществе помимо воли потребителя, но вследствие которых его персональная способность выплатить долг по кредиту окажется сниженной (скачки инфляции, колебания валютного курса, политические события и т.п.). Поскольку выбор потребителя продиктован в значительной степени не рациональными основаниями, а иными, то вопрос его *психологического информирования* будет животрепещущим столько же, сколько будет существовать современный потребитель. Реклама — это не просто информирование, но стремление привлечь внимание к продукту, соответственно, по природе своей *психологическое информирование* (показательно, что лауреат Нобелевской премии за труды в сфере бихевиоральной экономики Даниэль Канеман не экономист, а психолог). Следовательно, законодателю придется постоянно уде-

¹ Проект федерального закона № 600974-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (окончательная редакция, принятая ГД ФС РФ 11.12.2024) ; Паспорт проекта федерального закона № 600974-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения рекламы финансовых услуг и финансовой деятельности)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26.12.2024 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

лять внимание тому, чтобы психологическое информирование не приобретало характер наджинга³.

Во-вторых, этот вопрос имеет тенденцию к обострению в связи с диверсификацией кредитных (потребительских) продуктов. Диверсификация объекта потребительского интереса усиливает важность проблемы выбора. Соответственно, информирование потребителя о кредитном продукте *в тех форме и формате, которые позволили бы сделать ему информированный выбор*, становится условием правильного потребительского выбора. Причем проблема существует не только на персональном потребительском уровне: увеличение количества невыплаченных потребительских кредитов имеет серьезные негативные социальные последствия, «иррациональные долговые решения на индивидуальном уровне могут повредить коллективному благосостоянию»⁴.

В экономических исследованиях общая картина потребительского выбора на рынках с высоким уровнем диверсификации представлена в виде сравнения двух типов рынков: S-рынок и U-рынок. S-рынок — это рынок «опытных», разбирающихся в соответствующих продуктах потребителей (*sophisticated consumers*), в то время как U-рынок — это рынок, на котором потребители не могут похвастаться тем, что хорошо разбираются в предлагаемых им продуктах (*unsophisticated consumers*). Последствия диверсификации потребительских продуктов для S-рынка и U-рынка различны: на S-рынках дифференциация продуктов способствует благосостоянию, поскольку позволяет лучше подобрать продукт, более подходящий каждому потребителю, в то время как на U-рынках, где недостаточно подготовленные потребители часто делают неправильные оценки пользы для них предлагаемых продуктов, ситуация

более сложная и часто приводит к негативным для потребителей результатам в сравнении с недифференцированным рынком⁵.

В отношении рынка банковских услуг в целом и потребительских кредитов в частности можно смело утверждать, что этот рынок следует отнести к U-рынкам. Справедливость такого утверждения обусловлена целым рядом факторов: априори сложностью банковских продуктов для потребителей, не обладающих специальным экономическим или юридическим образованием, отсутствием у большинства потребителей навыков чтения и понимания юридических текстов, которые приводят к информационной диспропорции в банковско-клиентских (потребительских) отношениях⁶.

Третий аспект актуальности вопроса связан с последствиями и попытками извлечь уроки из финансового кризиса 2008 г. Поскольку одной из общепризнанных причин кризиса называют неспособность американских ипотечных заемщиков расплатиться по кредитам, естественно, осмысление кризиса снова поставило на повестку дня вопрос потребительского кредитования (ипотечное кредитование по характеристикам, связанным с субъектным составом правоотношения, очень сходно с потребительским, хотя формально не рассматривается в качестве такового). В связи с этим активизировались поиски «международного консенсуса» или «международного здравого смысла» в потребительском кредитовании, что предполагает в числе прочего *ex ante* контроль с использованием инструментария «ответственного кредитования» (*responsible lending*) и нормативных требований честного подхода к потребителю⁷.

Наконец, четвертый аспект актуальности достаточно специфичен в контексте российского права. Наиболее «актуальная» литература по данной теме за рубежом датируется первым

³ Современная литература оперирует понятием «nudge» — «легкое подталкивание» — для маркетинга услуг на потребительском рынке. См., например: *Sunstein C. The Ethics of Nudging // Yale Journal on Regulation*. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/8225>; *Yeung K. Hypernudge: Big data as a mode of regulation by design // Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20 (1). P. 118–136.

⁴ *Filotto U., Lucarelli C., Marinelli N. Nudge of shared information responsibilities: a meso-economic perspective of the Italian consumer credit reform // Mind & Society*. 2018. No. 17. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1007/s11299-019-00199-z>.

⁵ *Bar-Gill O., Sunstein C. R. Consumer misperception and product differentiation // Journal of Risk and Uncertainty*. 2024. Vol. 70. URL: <https://doi.org/10.1007/s11166-024-09442-6>.

⁶ См. подробнее: *Фогельсон Ю. Б. Защита прав потребителей финансовых услуг*. М.: Норма, 2010.

⁷ См., например: *Ramsay I. Consumer credit regulation after the fall: international dimensions // Journal of European Consumer and Market Law*. 2012. No. 1. P. 24–34. DOI: 10.1007/s13590-011-0001-7.

десятилетием нынешнего века, что говорит о том, что для выработанных в современном праве стандартов эти проблемы уже в значительной степени решены. То, что в российском законодательстве вопрос об этом поднимается сейчас, наряду с грустью вызывает и надежду: возможно, наконец-то, и в отечественном праве данный вопрос будет решен на должном уровне. Но на каком именно качественном уровне — теперь и порассуждаем.

Реклама — всегда реклама и всегда больше, чем реклама

Для правильного решения вопроса необходимо его верное понимание, а для такого понимания необходимо увидеть его не в вакууме, но в том более широком контексте, в котором он в реальности существует, в том числе в контексте различных типов воздействующей на потребителя рекламы.

Действующее законодательство понимает рекламу как информацию, направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке⁸. Итак, «законодательная» суть рекламы в том, что информация распространяется с тем, чтобы привлечь внимание к объекту продажи, сформировать к нему интерес и продвинуть на рынке.

Как уже отмечалось, привлечение внимания к объекту рекламы — процесс не просто информационно-посреднический, но психологический: без психологического воздействия на потребителя рекламы привлечь внимание невозможно. Но такое информационно-психологическое посредничество может предстать со знаком плюс и со знаком минус. Посредничество со знаком плюс — своего рода медиация, когда достигается сбалансированная реализация интересов продавца и покупателя объекта рекламы, в то время как посредничество со знаком минус — своего рода манипуляция, когда покупателю ненасильственно навязывается продукт, который для него гораздо менее привлекателен.

Другими словами, нельзя упускать из виду другую сторону процесса — психологическую. Ведь то, что в законе обозначено как «привлечение внимания к объекту рекламы», равно как и формирование интереса к нему и продвижение на рынке, может иметь место двояко:

— как предоставление информации о действительно полезных качествах объекта рекламы, или
— как изменение сознания потребителя в смысле изменения представления потребителя об объекте рекламы не вследствие раскрытия иных свойств товара, о которых потребитель не знал ранее, но вследствие предоставления информации *таким образом*, что потребитель меняет мнение о товаре и о своей потребности в этом товаре в направлении необходимости его приобретения.

Оптимальное решение данных вопросов в настоящее время предлагается в форме создания сравнительных сайтов в Интернете, позволяющих потребителям эффективно сопоставить существующие на рынке предложения, в том числе финансовых услуг⁹.

По информационно-психологическому воздействию на потребителя допустима следующая классификация рекламы¹⁰:

— **информирующая реклама**, которая предоставляет сведения о свойствах своего объекта и тем самым повышает уровень представлений потребителя об этом объекте, сближает его представления с действительным положением дел. В широком смысле любая реклама информативна, однако она остается таковой лишь в том случае, когда предоставляет действительно объективную, взвешенную информацию о своем объекте, в противном же случае она легко может превратиться в иные виды рекламы, о которых речь ниже;

— **вводящая в заблуждение реклама**, предоставляющая необъективную (хотя и правдивую) информацию о своем объекте, например путем информирования о выборочных (но не всех) его свойствах;

— **(настойчиво) убеждающая реклама**, направленная на изменение сложившихся у потребителя предпочтений в пользу соответствующего продукта;

⁸ Ст. 2 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».

⁹ Laffey D., Gandy A. Comparison websites in UK retail financial services // Journal of Financial Services Marketing. 2009. No. 14. P. 173–186. DOI: 10.1057/fsm.2009.15.

¹⁰ Grundl S., You Suk Kim. Consumer mistakes and advertising: The case of mortgage refinancing // Quantitative Marketing and Economics. 2019. No. 17. P. 172–174. URL: <https://doi.org/10.1007/s11129-018-9207-3>.

— **стимулирующая реклама**, которая может привлекать внимание к своему объекту путем, например, подчеркивания престижности обладания им.

При этом очевидно, что любая реклама является информирующей, поскольку предоставляет информацию, но важно понимать, что отличие именно информирующей рекламы состоит в предоставлении объективной, взвешенной информации: она должна не просто правдиво, но *сбалансированно* информировать о своем объекте. Но одновременно она не может быть только информирующей: в силу определения реклама привлекает внимание к своему объекту, значит, она должна как минимум тяготеть к тому, чтобы быть убеждающей или стимулирующей, без чего она просто не сможет сыграть свою роль, т.е. привлечь внимание к своему объекту. Исключительно информирующая реклама может выполнить эту задачу, если только сам объект рекламы идеальный, если такое возможно представить. В связи с этим по своей природе реклама с неизбежностью тяготеет к тому, что ей могут оказаться имманентны элементы негативного воздействия на реципиента, но при этом без рекламы обойтись невозможно, равно как нельзя игнорировать и ее позитивные стороны.

Ввиду наличия противоположных полюсов логично поставить вопрос о поиске разумного баланса. Можно сказать, что законодательству о рекламе в связи с этим присуща имманентная задача — не допустить выходящего за пределы дозволенного убеждающего и стимулирующего эффекта рекламы, что достижимо путем приближения ее к информирующей рекламе. Эта задача выполняема тогда, когда реклама будет сбалансированной, т.е. когда привлекательные качества ее объекта будут сбалансированы информацией о возможных рисках.

В ходе поиска такого баланса в литературе, в частности, появилось понятие ответственной рекламы, которую исследователи наделяют следующими характеристиками:

1. Ответственная реклама не наносит ущерб (или по крайней мере непоправимый ущерб) никому из вовлеченных субъектов и при этом дает преимущества по крайней мере одному из вовлеченных субъектов, в связи с чем:

а) избегает рекламирования, которое может спровоцировать наносящее вред поведение среди уязвимых частей населения;

б) осторожно использует мощные призывы или апелляции к страху;

в) немедленно сообщает о возможности нежелательных последствий.

2. Поощряет поведение, которое совпадает с долгосрочными перспективами общественного благосостояния (или, в зависимости от контекста, не поощряет противоположно направленное поведение).

3. Поддерживает достоинство и свободу выбора потребителя, в связи с чем:

а) избегает обмана, в том числе «дутой» рекламы;

б) не использует подсознательные побудительные инструменты, в том числе подсознательные призывы;

в) избегает поверхностно-глупой рекламы;

г) избегает снисходительной и патерналистской рекламы (например, «государственные и иные признанные власти знают, что лучше»);

д) учитывает индивидуальные различия во взглядах и предпочтениях.

4. Уважает личность (эго) потребителя, в связи с чем:

а) избегает психоактивной рекламы;

б) размещение рекламы позволяет избежать непреднамеренного воздействия¹¹.

В поисках оптимального подхода

Попробуем теперь оценить новеллы Закона о рекламе с точки зрения вышеприведенных положений.

Начнем с предложений указать ссылку на сайт банка, где приведены более подробные условия соответствующего потребительского кредита.

Когда реклама, дающая одни сведения, для получения целостной картины отсылает к какому-либо другому источнику (например, интернет-сайту банка), с неизбежностью имеет место диспропорция предоставленной информации, поскольку одна часть информации, которая содержится в рекламе, предоставляется в очень доступной форме (она наглядна), в то время как для получения недостающей части для обретения целостной картины требуется определенное «исследование» вопроса. Высока вероятность, что далеко не каждый потребитель будет в состоянии изучить этот вопрос, поскольку при

¹¹ *Hyman M. Responsible Ads: A Workable Ideal // Journal of Business Ethics. 2009. No. 87. P. 203. DOI: 10.1007/s10551-008-9879-9.*

отсутствии навыков работы с юридическими текстами (в том числе необходимости восприятия отдельных положений в связи с другими положениями и контекстом документа в целом, знания применимых положений законодательства и позиций судебных органов), незнакомстве с тонкостями финансовой информации (например, разницей между аннуитетными и дифференцированными платежами), он не сможет получить сбалансированную картину предлагаемой услуги.

В результате потребитель оказывается перед несбалансированной презентацией услуги и при этом со сформированным такой несбалансированной презентацией *впечатлением* от предлагаемой услуги, что в числе прочего может привести к созданию рамочного эффекта¹².

Более того, эта реклама имеет последствия рамочного эффекта для потребителя: потребитель может оказаться «зарамочен» информацией, указанной открыто, а та, которую нужно разыскать на сайте, отодвинется на второй план, особенно с учетом того, что она не будет бросаться в глаза, но потребует изучения. Этот вариант рамочного эффекта делает потребителя еще более уязвимым, поскольку если в сфере розничной торговли потенциально существует арифметическая возможность распознать и оценить этот маркетинговый трюк, то в случае с рекламой потребительского кредита вторая сторона уравнения остается полностью в тени: ее нужно обнаружить на сайте банка с ее последующей профессиональной оценкой, для которой у потребителя чаще всего нет необходимой компетенции.

Но наш тезис состоит не просто в том, что предложенные новеллы не справляются со своей задачей, а в том, что это и невозможно путем внесения изменений в закон.

Причина состоит в том, что закон по своим характеристикам источника права не может — и не должен — предусмотреть все возможные (и при этом неизбежные!) детали, которые могут возникать в ходе создания конкретной рекламы. Понимание данных реалий в современном праве в различных правовых системах привело к созданию более эффективной струк-

туры, при которой закон закрепляет только основополагающие правила и принципы, а их конкретизация осуществляется в нормотворческой и надзорной деятельности регулятора. Справедливости ради следует отметить, что в европейском праве защиты потребителя этот подход реализован достаточно эффективно.

По сути, при таком подходе в законе отмечено основное требование к рекламе — быть честной, понятной и не вводящей в заблуждение (*fair, clear, not misleading*) — с разумно необходимой общей конкретизацией, а формирование понимания, какая именно реклама соответствует предъявляемым требованиям, осуществляется благодаря постоянному взаимодействию между регулятором и финансовыми институтами, в ходе которого регулятор не только формирует правила, но и получает обратную связь от участников рынка с последующим развитием правил в соответствии с изменяющейся ситуацией, что нереалистично сделать на уровне закона, для принятия которого требуется более длительный и сложный процесс.

Появляющиеся в ходе деятельности такой структуры регулирования правила регулятора, помимо прочего, достаточно многочисленны, что вполне оправданно в целях учета различных, тоже многочисленных, аспектов возникающих вопросов и одновременно подчеркивает нецелесообразность регулирования всего этого на уровне закона. В частности, в отношении рекламы финансовых услуг это позволяет отразить в правилах регулятора такие аспекты, как:

1) общие требования к «честной, понятной, не вводящей в заблуждение» рекламе, в том числе:

а) требование сбалансированности, когда реклама не подчеркивает какую-либо потенциальную выгоду без одновременного честного и привлекающего внимания указания любого связанного с ней риска;

б) требование достаточности и понятности для среднего представителя той аудитории, которой она адресована;

в) не упускает и не скрывает какую-либо важную информацию, заявления или предупреждения;

¹² Суть рамочного эффекта (*framing effect*) может быть проиллюстрирована следующими простыми примерами: один и тот же продукт может быть обозначен на этикетке как 1) «Йогурт. Жирность 20 %» и 2) «Йогурт. Обезжирен на 80 %»; 1) «Пиджак. 5 000 руб.» и 2) «Пиджак. 10 000 руб. Скидка 50 %». Велика вероятность, что товары, обозначенные способом 2, будут раскупаться в большей степени, чем обозначенные способом 1.

г) требование простого и понятного языка, видимого шрифта;

д) принятие во внимание ряда обстоятельств, в частности, не послужит ли умолчание о некоторых относящихся к продукту фактах тому, что информация станет недостаточной;

2) указание на недопустимые бизнес-практики, в том числе:

а) использование вымышленных интервью или исследований казусов;

б) указание недостоверных данных об опыте финансовой фирмы в соответствующей сфере;

в) искажение представления потребителя о доступности соответствующего финансового продукта;

г) указание на использование специфических сомнительных инструментов по снижению задолженности потребителя.

Приведенные примеры не являются исчерпывающим изложением, они призваны проиллюстрировать сложившуюся достаточно эффективную структуру регулирования рекламы потребительских кредитов, при которой основная нормативная нагрузка ложится не на закон, а на акты регулятора¹³.

Теперь в этом же свете оценим требование Закона о рекламе о том, чтобы реклама потребительского кредита содержала предупреждение: «Оценивайте свои финансовые возможности и риски».

Очевидно, что для того, чтобы оценить свои финансовые возможности и риски, нужно располагать *математически точной* информацией о размере своих будущих обязательств и имеющихся в распоряжении денежных средств, а кроме того, еще и реальными представлениями о юридических рисках, которые могут возникать в зависимости от условий заключенного в будущем договора потребительского кредита (мы сейчас не говорим даже о пассивных рисках, связанных с возможными изменениями экономической ситуации в целом, потерей работы и т.п.).

Из вышесказанного следует, что даже выполнение банками указанных в новеллах Закона о рекламе требований не предоставляет потребителю такой математически точной информации в приемлемом формате.

Но возможно ли его достичь на этапе именно рекламы? Для ответа на этот вопрос, относящийся к соотношению графического и смыслового аспектов, уместно по принципу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» привести в качестве примера такую иллюстрацию:

Эта иллюстрация взята из рекомендаций английского регулятора — Управления по финансовому поведению (Financial Conduct Authority)¹⁴. И мы решились бы утверждать, что даже без знания английского языка средний разумный потребитель в России поймет, о чем идет речь и какая потенциальная переплата ожидает заемщика по такому кредиту. В сравнении с такой иллюстрацией простое добавление надписи «Оценивайте свои финансовые возможности и риски», как она предложена законопроектом, сравнимо с надписью о вреде чрезмерного употребления пива, причем если средний разумный потребитель располагает базовым пониманием вреда алкоголя, то в отношении финансовых услуг ожидать такого понимания от среднего разумного человека нереалистично.

Добавим, что эти рекомендации регулятора подготовлены в рамках как раз вышеописанной структуры, когда на уровне закона закрепляются основные принципы (в данном случае принцип, согласно которому реклама должна быть честной, понятной и не вводящей в заблуждение), а их конкретизация осуществляется в ходе нормотворческой деятельности регулятора.

¹³ Данные взяты нами из правил Управления по финансовому поведению Великобритании. См. подробнее: Financial Conduct Authority Handbook. Consumer Credit Sourcebook (CONC). URL: <https://www.handbook.fca.org.uk/>.

¹⁴ Financial Conduct Authority. Finalised guidance FG15/4: social media and customer communications. The FCA's supervisory approach to financial promotions in social media. P. 8 // URL: <https://www.fca.org.uk/publication/finalised-guidance/fg15-04.pdf>.

Заключение

Сказанного достаточно, чтобы подвести небольшой итог.

Во-первых, даже запоздалую попытку решения поднятых в Законе о рекламе вопросов следует приветствовать, поскольку это действительно необходимо.

Во-вторых, оценка новелл Закона о рекламе в части рекламирования потребительских кредитов приводит к выводу о неизбежном дисбалансе восприятия потребителем соответствующей рекламы, что значительно снижает эффективность достижения поставленных целей.

В-третьих, накопленный в современном мире опыт регулирования подобных отношений показал эффективность закрепления на уровне закона только основных начал с пере-

несением основного регулятивного акцента на нормотворческую и инспекционную (надзорную) деятельность регулятора финансовых рынков и при этом с увеличением удельного веса регулирования, основанного на принципах, но не исключительно на правилах.

Последнее утверждение неоднозначно в условиях российской правовой системы, основанной именно на правилах. Однако в данном случае традиции не должны заслонять специфику объекта регулирования: сфера рекламы настолько креативна, что никакая «система норм» не сможет обеспечить ее соответствие требованиям честности, ясности и недопущения искажения представлений потребителя о финансовом продукте, т.е. тем требованиям, которые выгодны и потребителям, и — как следствие — рынку в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. М. : Норма, Инфра-М, 2010. 368 с.

Bar-Gill O., Sunstein C. R. Consumer misperception and product differentiation // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2024. Vol. 70.

Filotto U., Lucarelli C., Marinelli N. Nudge of shared information responsibilities: a meso-economic perspective of the Italian consumer credit reform // *Mind & Society*. 2018. No. 17. P. 1–14.

Grundl S., You Suk Kim. Consumer mistakes and advertising: The case of mortgage refinancing // *Quantitative Marketing and Economics*. 2019. No. 17. P. 161–213.

Hyman M. Responsible Ads: A Workable Ideal // *Journal of Business Ethics*. 2009. No. 87.

Laffey D., Gandy A. Comparison websites in UK retail financial services // *Journal of Financial Services Marketing*. 2009. No. 14. P. 173–186.

Ramsay I. Consumer credit regulation after the fall: international dimensions // *Journal of European Consumer and Market Law*. 2012. No. 1. P. 24–34.

Sunstein C. The Ethics of Nudging // *Yale Journal on Regulation*. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/8225>.

Yeung K. Hypernudge: Big data as a mode of regulation by design // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20 (1). P. 118–136.

REFERENCES

Bar-Gill O, Sunstein CR. Consumer misperception and product differentiation. *Journal of Risk and Uncertainty*. 11 November 2024.

Filotto U, Lucarelli C, Marinelli N. Nudge of shared information responsibilities: a meso-economic perspective of the Italian consumer credit reform. *Mind & Society*. 2018;17:1-14.

Fogelson YuB (ed.). Consumer Rights in Financial Services. Moscow: Norma, Infra-M Publ., 2010. (In Russ.).

Grundl S., You Suk Kim. Consumer mistakes and advertising: The case of mortgage refinancing. *Quantitative Marketing and Economics*. 2019;17:161-213.

Hyman M. Responsible Ads: A Workable Ideal. *Journal of Business Ethics*. 2009;87.

Laffey D, Gandy A. Comparison websites in UK retail financial services. *Journal of Financial Services Marketing*. 2009;14:173-186.

Ramsay I. Consumer credit regulation after the fall: international dimensions. *Journal of European Consumer and Market Law*. 2012;1:24-34.

Sunstein C. The Ethics of Nudging. *Yale Journal on Regulation*. Available at: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/8225>.

Yeung K. Hypernudge: Big data as a mode of regulation by design. *Information, Communication & Society*. 2017;20(1):118-136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишневский Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
aavishnevsky@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Vishnevskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Private Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
aavishnevsky@hse.ru

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 11 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 08.09.2024.

Revised 11.02.2025.

Accepted 15.03.2025.

В. С. Балакшин
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

К вопросу об особом статусе постановлений судьи о признании доказательств недопустимыми и о проблемах проверки их законности и обоснованности

Резюме. В статье рассматривается проблемный вопрос, касающийся оснований и порядка признания доказательств недопустимыми и исключения их из процесса доказывания по уголовному делу, а также проверки законности и обоснованности принятых решений. В УПК РФ не установлено, каким образом признают доказательства недопустимыми следователь, дознаватель, прокурор. Часть 3 ст. 88 УПК РФ определенного ответа на данный вопрос не дает. Более четко описан порядок признания доказательств недопустимыми и процессуальные последствия этого решения в предварительном слушании. Однако порядок проверки и оценки такого решения на предмет законности и обоснованности не может не вызывать вопросов. Например, сложно дать однозначный ответ в случае, когда при рассмотрении судом уголовного дела заявляется ходатайство о признании доказательства, признанного в предварительном слушании недопустимым, вновь допустимым, но апелляционной инстанцией это решение судьи оставлено без изменения. В этой ситуации суд, рассматривающий уголовное дело по существу, фактически превышает свои полномочия. Для устранения этого и других противоречий предлагается введение правил, предусматривающих заявление и рассмотрение ходатайств о признании доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания не ранее подготовительной части судебного заседания. Однако оптимальный вариант — это судебное следствие, сразу после озвучивания стороной обвинения очередности доказательств, которые она намерена представить. С учетом указанного вывода предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ.

Ключевые слова: доказательства; недопустимые доказательства; постановление; апелляционное обжалование; исследование и оценка доказательств; процессуальные последствия; судебное следствие

Для цитирования: Балакшин В. С. К вопросу об особом статусе постановлений судьи о признании доказательств недопустимыми и о проблемах проверки их законности и обоснованности. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 34–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.034-051

A Special Status of the Judge's Decisions in Cases of Rendering Evidence as Inadmissible and Challenges of Reviewing their Legality and Validity

Viktor S. Balakshin

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines one of the problematic issues concerning the grounds and procedure provided for recognizing evidence as inadmissible and excluding it from the procedure of proving in a criminal case, as well as the review of the legality and validity of the decisions made. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not specify how evidence is recognized as inadmissible by the investigator, inquirer, or prosecutor. Part 3 of Article 88 of the Criminal Procedure Code does not provide a definitive answer to this question. The procedure for recognizing evidence as inadmissible and the procedural consequences of this decision are described more clearly for the stage of preliminary hearings. However, the procedure for reviewing and assessing such decisions for legality and validity is unsettled. For example, it is difficult to provide a clear answer in cases where a motion is filed in court to recognize evidence, previously deemed inadmissible in the preliminary hearing, as admissible, but the appellate instance leaves the judge's decision unchanged. In this situation, the court considering the criminal case on its merits exceeds its authority. To resolve this and other contradictions, it is proposed to introduce rules that provide for the filing and consideration of motions to recognize evidence as inadmissible and exclude it from the evidentiary process no earlier than at the preparatory stage of the court session. However, the best option is a judicial inquiry immediately after the prosecution announces the order of evidence it intends to present. In light of this conclusion, it is proposed to make appropriate amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: evidence; inadmissible evidence; resolution; appeal; examination and evaluation of evidence; procedural implications; judicial investigation

Cite as: Balakshin VS. A Special Status of the Judge's Decisions in Cases of Rendering Evidence as Inadmissible and Challenges of Reviewing their Legality and Validity. *Lex russica*. 2025;78(4):34-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.034-051

Термин «статус», означающий положение чего-то, кого-то, исключительно важный. Слово «статус» происходит от латинского status — «состояние, положение»; в общем смысле — совокупность стабильных значений параметров объекта или субъекта. Статус позволяет определить позицию в структуре, системе. Постановление как уголовно-процессуальное решение — это процессуальный документ, принимаемый уполномоченным на то органом или должностным лицом, имеющий свой статус, вступающий в законную силу и утрачивающий ее в порядке и по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Принимаются данные процессуальные документы в случаях, предусмотренных законом, только уполномоченными на то органами, должностными лицами, судом и только в пределах предоставленных им полномочий. Вступив в законную силу, они действуют до исполнения, отмены или изменения в установленном законом порядке. Для обеспечения законности при расследовании уголовных дел, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства большое процессуальное значение имеют постанов-

ления органов предварительного расследования, прокурора.

Существенное значение для достижения целей уголовного судопроизводства имеют решения судей в форме постановлений, принимаемых по результатам рассмотрения жалоб на действия и решения дознавателей, следователей, руководителей следственного органа, прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ. В связи с наличием ряда проблемных моментов отдельного исследования требуют решения судей, принимаемые в форме постановлений, в предварительном слушании, а также постановления и определения при рассмотрении уголовного дела по существу. С целью реализации решений, сформулированных в данных процессуальных документах, уголовно-процессуальный закон устанавливает единый порядок их обжалования, отмены или изменения. Так, согласно требованиям ч. 1 ст. 127 УПК РФ жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном главами 45-1 и 47-1 УПК. То есть в апелляционном, а после вступления апелляционного

решения в законную силу — в кассационном порядке. Представляется, что это требование должно безусловно выполняться с тем, чтобы обеспечить единство, субординацию и неукоснительное исполнение решений, вступивших в законную силу и отвечающих требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Иначе говоря, такой статус решению придается для того, чтобы оно признавалось, сохранялось, действовало и исполнялось. Если же установлено, что решение, имеющее статус официального процессуального документа, не отвечает требованиям законности, обоснованности, мотивированности, то оно должно быть отменено или изменено в предусмотренном порядке. Здесь следует отметить, что многообразие уголовно-процессуальных отношений в некоторых случаях предполагает исключения из общих правил отмены и изменения решений, принимаемых органами предварительного расследования, прокурором и судом. В частности, такое допускается на досудебных стадиях.

Например, если в ходе предварительного следствия вина обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении(ях) не нашла подтверждения, то следователь не выносит постановления об отмене постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. В этом случае выносится постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным в законе. Если вина обвиняемого не доказана в какой-либо части либо если по уголовному делу привлечены в качестве обвиняемых несколько лиц, но вина отдельных лиц не доказана, то принимается решение о прекращении уголовного преследования. При наличии оснований для изменения обвинения следователь выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и вновь предъявляет его в установленном порядке. Однако такие исключения должны быть прямо закреплены в УПК РФ. Что касается приведенных ситуаций, то принятие указанных решений предусмотрено статьей 175 УПК РФ. Так, в силу ч. 2 данной статьи «если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора». То есть закон прямо устанавливает, что в указанных ситуациях прежнее постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не отме-

няется. Если буквально толковать норму, оно заменяется вновь принятым. В зависимости от установленных обстоятельств выносится новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, а в случае, если обвинение не подтверждается, то постановление о прекращении уголовного преследования полностью либо в части, не нашедшей подтверждения. Полагаем: такое урегулирование данных вопросов основано на законах логики и здравом смысле.

Иначе законодатель урегулировал вопросы, касающиеся признания доказательств недопустимыми и исправления принятых по этому поводу решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Применительно к досудебным стадиям в УПК РФ вообще не говорится о том, что прокурор, следователь, дознаватель, признающие доказательство недопустимым, обязаны оформить данное решение специальным постановлением. Если буквально толковать ч. 3 ст. 88 УПК РФ, то для признания указанными лицами доказательства недопустимым необходимо не включить его в обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление. Представляется, что не требуется глубоких познаний в уголовном процессе, чтобы объективно оценить данное требование. Оно не учитывает элементарных моментов. Например, того, что следователь, составляя обвинительное заключение, не всегда ссылается на все собранные по уголовному делу доказательства и включает в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, всех свидетелей. Много зависит от конкретных обстоятельств дела, числа обвиняемых, эпизодов преступной деятельности, допрошенных свидетелей, некоторые из которых могли дать аналогичные показания, поэтому нередко всех допрашивать в суде необходимости нет. В этом случае вопрос о вызове таких свидетелей в судебное заседание оставляется на усмотрение сторон и суда. Однако это не означает, что показания не включенного в указанный список свидетеля следователь признал недопустимым доказательством. Это касается и других видов доказательств, например иных документов, отдельных вещественных доказательств и т.д. Данные доказательства могут быть представлены и исследованы в ходе судебного следствия по ходатайству сторон, а в случаях, предусмотренных законом, также по решению суда. Поэтому исследуемое положение, кроме недоумения и вопросов, ничего вызывать не может.

На отсутствие в законе должной регламентации данного вопроса обращал внимание в диссертации еще в 2007 г. К. И. Сутягин, предлагая изменить редакцию ч. 2 ст. 88 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «В случаях, указанных в части второй статьи 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель выносят постановление о признании доказательства недопустимым»¹. Между тем законодатель до настоящего времени не внес в указанную норму соответствующих изменений. Попытка восполнить данный пробел была предпринята в очередном приказе Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», в котором Генеральный прокурор РФ предписал прокурорам при изучении материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, выносить мотивированное постановление о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального законодательства, и об исключении их из обвинительного заключения. Постановления приобщать к материалам уголовного дела².

Впрочем, это проблему в целом не решает, т.к. остаются неясными другие вопросы. Например, как должен отреагировать прокурор на постановление следователя, дознавателя о признании доказательства недопустимым, если признает его при изучении поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела незаконным: отменять и включать доказательство в перечень доказательств либо направлять уголовное дело для дополнительного расследования и вносить требование руководителю следственного органа об отмене данного постановления. Возможны и другие ситуации, которые в действующем уголовно-процессуальном законе не предусмотрены. Поэтому одним из решений действительно может быть внесение изменений в ч. 3 ст. 88 УПК РФ. В этой части следует предусмотреть требование, согласно которому о признании

доказательств недопустимыми следователь, дознаватель, прокурор обязаны вынести мотивированное постановление. О принятом решении следует уведомлять подозреваемого, обвиняемого, их защитника, законного представителя, потерпевшего и других участников процесса, чьи интересы затрагиваются этим решением, и разъяснить им право и порядок обжалования в соответствии со ст. 123–125 УПК РФ. Кроме того, следует предоставить суду право при рассмотрении уголовного дела по существу проверять законность и обоснованность этих решений. Подробнее данный вопрос рассмотрим далее.

Сомнительна с точки зрения юридической техники ситуация с постановлением судьи, принимаемым в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Согласно данной норме в случае производства следователем, дознавателем следственных действий, перечисленных в ней, без судебного решения, они в течение трех суток с начала производства следственного действия уведомляют об этом судью. К уведомлению приобщаются постановление о производстве следственного действия в условиях, не терпящих отлагательства, протокол данного следственного действия, собранные доказательства³. Судья, проверив законность постановления о проведении следственного действия, принимает решение о его законности или незаконности. В случае признания судьей произведенного следственного действия незаконным, все полученные в ходе него доказательства признаются недопустимыми. По общему правилу данные постановления судьи могут быть обжалованы в апелляционном порядке.

Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» постановление судьи, вынесенное в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ, является промежуточным судебным решением. Оно может быть самостоятельно обжаловано в апелляционном порядке по представлению прокурора

¹ См.: Сутягин К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 8.

² См.: п. 1.4 приказа Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «Консультант-Плюс».

³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

и жалобам лиц, права и законные интересы которых затрагиваются судебным решением. Однако если предварительное расследование по уголовному делу окончено и уголовное дело, по которому поступили апелляционные или кассационные жалоба, представление на постановление судьи, принятое в порядке ст. 165 УПК РФ, направлено в суд для рассмотрения его по существу, то суд апелляционной или кассационной инстанции отказывает в принятии жалобы, представления к рассмотрению либо прекращает по ним производство, о чем сообщается заявителю (п. 19 постановления). Данное разъяснение, хотя и опосредованно, указывает на то, что заявитель вправе обжаловать вышеупомянутое постановление судьи либо на стадии назначения судебного разбирательства, либо при рассмотрении уголовного дела по существу. Иначе говоря, и здесь речь идет о полномочиях суда первой инстанции на проверку и пересмотр решения судьи, принятого на досудебной стадии уголовного судопроизводства, вступившего в законную силу.

Важное с точки зрения рассматриваемой проблемы разъяснение содержится в абз. 2 п. 19 указанного постановления Пленума: «Одновременно с этим (с отказом в принятии жалобы, представления. — В. Б.) заявителю разъясняется, что его доводы о нарушении требований закона при производстве следственного действия и недопустимости полученных по результатам такого следственного действия доказательств могут быть проверены в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанции». Из этого разъяснения, в свою очередь, вытекает, что и Пленум Верховного Суда РФ не требует принятия судом первой инстанции специального решения об отмене или изменении постановления судьи, вынесенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ в досудебном производстве, в случае признания его незаконным или необоснованным.

Для того чтобы признать доказательство допустимым или, наоборот, недопустимым, согласно указанным разъяснениям достаточно констатации того, чтобы суд первой или апелляционной инстанции в протоколе судебного заседания, рассмотрев и исследовав ходатайство, зафиксировал: «удовлетворить ходатайство подсудимого о признании протокола обыска, проведенного в жилище, незаконным; признать данный протокол и полученные при

обыске вещественные доказательства недопустимыми и исключить из перечня доказательств, исследуемых в судебном следствии» либо, напротив, «признать названные доказательства допустимыми, исследовать в судебном заседании с целью проверки и оценки с точки зрения относимости, достоверности и возможности использования для обоснования выводов по делу». Здесь стоит глубже вникнуть в разъяснение Пленума, что «по смыслу закона, апелляционное обжалование постановления о производстве следственного действия не приостанавливает исполнение такого постановления» (п. 18).

Действительно, не приостанавливает, но может породить и порождает ситуации, которые не соответствуют УПК РФ. Дело в том, что в указанном случае налицо, это следует признать без какой-либо оговорки, неофициальная, не предусмотренная в УПК РФ отмена судом первой инстанции постановления судьи, вынесенного в порядке промежуточного судебного контроля. И не только этого постановления, но и решений судов апелляционной, кассационной инстанций, постановленных по результатам проверки данного постановления. С учетом того что предварительное следствие по уголовному делу может продолжаться месяцы, а то и годы, это вполне возможно. Такие ситуации на практике могут иметь и имеют место по той причине, что при рассмотрении уголовного дела по существу суд располагает большими возможностями проверить полно и всесторонне обстоятельства получения спорного доказательства и принять правильное с точки зрения закона и правоприменительной практики решение. Этими соображениями судьи нередко обосновывают отказ принять решение по ходатайству сторон о признании доказательств недопустимыми, рассматривая данные ходатайства в порядке ст. 125 УПК РФ или в предварительном слушании. Так, Усть-Камчатский районный суд Камчатского края, рассмотрев в предварительном слушании уголовное дело в отношении Ф. И. О.1, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в связи с ходатайством обвиняемого и его защитника об исключении части доказательств, не отвечающих требованиям допустимости, и о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом удовлетворил ходатайство частично. Уголовное дело направил прокурору для устранения препятствий его

рассмотрения судом. Что касается признания доказательств недопустимыми и исключения их из обвинительного заключения, то, исследовав доводы обвиняемого и его защитника, по сути, отказал в принятии по ним конкретного решения.

В обоснование данной позиции в постановлении суд привел следующие доводы: во-первых, этот вопрос «на данной стадии судебного производства разрешить по существу не представляется возможным, поскольку для его разрешения необходимо исследовать и оценить большинство собранных по делу доказательств в их совокупности», а во-вторых, «спорные доказательства подлежат исследованию во время судебного разбирательства и оценке на общих основаниях»⁴. Анализ приведенного постановления, с одной стороны, не может не вызывать вопроса, почему по второй части ходатайства не принято решение, а с другой — на него можно дать ответ, основываясь на правоприменительной практике: суды поставлены в такие условия действующими нормами УПК РФ. Однако из подобного рода решений вытекают еще как минимум два проблемных вопроса.

Суть первого в том, может ли данное постановление быть обжаловано в апелляционном порядке в части, касающейся решения о допустимости доказательств. Что в этой ситуации будет предметом обжалования, поскольку, как усматривается из постановления, конкретного решения по вопросу о допустимости либо недопустимости не принято? Во-вторых, если апелляционные жалоба, представление будут принесены в этой части, то вправе ли вообще апелляционная инстанция рассматривать их? Представляется, что нет, поскольку уголовное дело направлено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и в этой части не обжаловано. В данном случае, на наш взгляд, апелляционной инстанции следует отказывать в принятии жалобы, представления по аналогии с тем, когда жалоба на действия органов предварительного расследования поступает судье в порядке ст. 125 УПК РФ, но уголовное дело направлено прокурором в суд⁵. Однако для принятия такого решения апелля-

ционные суды должны получить основания, например в виде разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Требует анализа с точки зрения правового регулирования и складывающейся правоприменительной практики действующий порядок проверки постановлений, которые судьи принимают в предварительном слушании о признании доказательств недопустимыми.

В соответствии с законом срок для обжалования составляет 15 суток со дня вынесения судьей постановления, а лицом, находящимся под стражей, — со дня вручения копии постановления (ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 389-2 УПК РФ). Если постановление не обжаловано или признано законным апелляционной инстанцией, оно вступают в законную силу и может быть признано согласно ч. 1 ст. 127 УПК РФ утратившим силу только решением кассационной инстанции. Какая зачастую складывается ситуация в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом? Нередко стороны заявляют ходатайства о проверке законности и обоснованности указанных постановлений судьи в подготовительной части судебного разбирательства или на этапе судебного следствия.

Впрочем, формулировки в данных ходатайствах используются не предусмотренные в законе для апелляционного обжалования. Ставится вопрос не о проверке законности постановления судьи и его отмене, а о признании доказательств, признанных судьей в соответствии с этим постановлением недопустимыми, допустимыми. Хотя речь в этой ситуации идет прежде всего о законности и обоснованности судебного постановления и только затем — о допустимости либо недопустимости спорного доказательства. Если их допустимость, относимость и достоверность в ходе исследования подтверждаются, то доказательства используются для обоснования выводов по уголовному делу. Суды, проверив заявленное ходатайство, принимают в судебном заседании решение либо об отказе в нем, либо о его удовлетворении. В случае если доказательство, вопреки решению, указанному в постановлении судьи, признается допустимым, то в новом решении,

⁴ См.: постановление Усть-Камчатского районного суда Камчатского края от 05.06.2018 по уголовному делу № 1-2-18/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 23.12.2010 № 31, от 09.02.2012 № 3, от 28.01.2014 № 2, от 24.05.2016 № 23, от 29.11.2016 № 56, от 28.06.2022 № 22) // СПС «КонсультантПлюс».

которое выносит суд, рассматривающий уголовное дело по существу, специального указания об отмене досудебного постановления судьи не формулируется. Иначе говоря, формально оно остается не отмененным, сохраняющим юридическую силу. Такая практика противоречит как принципу законности, так и вышеуказанному правилу о действии судебного решения до его отмены в установленном законом порядке. Данное обстоятельство представляется одной из причин того, что суд при рассмотрении уголовного дела по существу отказывает сторонам не только в проверке законности постановлений судей, принятых в порядке ч. 5 ст. 165 и 125 УПК РФ, но и в предварительном слушании.

Так, по уголовному делу в отношении И. И. и И. П. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.05.2011 № 20-О11-9сп был отменен приговор Верховного суда Республики Дагестан с участием присяжных заседателей от 11.03.2011, а дело направлено на новое судебное рассмотрение. Данным приговором И. И. осужден за незаконные приобретение, хранение и сбыт И. П. огнестрельного оружия и боеприпасов, а И. П. — за незаконные приобретение у И. И., хранение и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов, а И. П., кроме того, признана невиновной в совершении убийства Р. из корыстных побуждений и оправдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктом «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Основанием к отмене приговора явилось то, что Верховный суд Республики Дагестан необоснованно, без соответствующих проверки и оценки, отказал в ходатайстве государственных обвинителей признать допустимыми базовые доказательства по обвинению И. П. в убийстве: протокол обыска, произведенного 15 октября 2009 г. в квартире И. П., и производное от него заключение судебно-медицинской экспертизы одежды И. П., исключенные в предварительном слушании по ходатайству защитника⁶.

Здесь имеет смысл напомнить, что постановление о признании доказательств недопустимыми — это процессуальный документ, предусмотренный уголовно-процессуальным институтом, объединяющим совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих взаимосвязанные однородные общественные отношения⁷. В данном случае — институтом допустимости/недопустимости доказательств, который был предусмотрен в сокращенном варианте в УПК РСФСР после принятия и введения в действие Конституции РФ 1993 г. Его более развернутая версия была включена в УПК РФ и сразу вызвала у практических работников и ученых массу вопросов.

Действительно, затронутый институт с точки зрения глубины и всесторонности законодательного регулирования оставляет желать лучшего. На это обстоятельство указывали и указывают многие, об этом ранее писал и автор настоящей статьи⁸. Не может не вызывать справедливого вопроса еще и то, почему законодатель в лице его разработчиков уделил такое пристальное внимание именно свойству допустимости/недопустимости доказательств: определил признаки, по которым следует оценивать допустимость доказательств, предусмотрел субъектов, которые принимают решения по итогам оценки, и даже обязал суд оценивать это свойство доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса с принятием решения. При этом оставил, по сути, вне поля правового регулирования оценку доказательств с позиций таких свойств, как относимость/неотносимость, достоверность/недостоверность. Почему ни на досудебных стадиях, ни на стадии назначения судебного заседания органам предварительного расследования и суду не вменяется в обязанность проверять и оценивать доказательства на предмет соответствия указанным двум свойствам, а, получив данные об их несоответствии этим свойствам, исключать таковые из процесса доказывания в таком

⁶ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.05.2011 № 20-О11-9сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12. URL: <http://www.vsrif.ru>.

⁷ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М. : Инфотропик Медиа, 2016. С. 43 (автор раздела — Ю. В. Козубенко).

⁸ См., например: Балакшин В. Уголовное преследование новых лиц в связи с вновь открывшимися обстоятельствами // Законность. 2010. № 5. С. 4 ; Он же. По щучьему велению... // Законность. 2012. № 4. С. 8–14 ; Он же. Признание доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимыми и исключение их из уголовного дела // Российский судья. 2018. № 1. С. 38–45.

же порядке, как и при несоответствии требованиям допустимости. То есть принимать решение посредством вынесения соответствующего постановления. Не говорится в действующем законе и о праве сторон заявлять такие ходатайства. Хотя и относимость, и достоверность доказательств имеют не меньшее значение для постановки законного и обоснованного итогового судебного решения, чем допустимость.

Разумеется, участники со стороны защиты и обвинения не лишены права заявить ходатайства о признании доказательств не соответствующими требованиям относимости и достоверности на досудебных стадиях и на стадии назначения судебного заседания в порядке, установленном для разрешения иных ходатайств. Данные ходатайства должны быть рассмотрены, и по ним должны быть приняты решения. Однако здесь возникает вопрос, как они будут рассмотрены. Специальных норм, обязывающих, например, судью, которому передано уголовное дело для решения вопроса о назначении судебного заседания, разрешить такое ходатайство в предварительном слушании, в УПК РФ нет. Если быть более точным, то и в ст. 229, и в ст. 235 УПК РФ не содержится требований о том, чтобы ходатайство об исключении доказательств заявлялось лишь по основанию необходимости признания их недопустимыми.

В части 1 ст. 235 говорится об исключении «любого» доказательства. И только на основе анализа ч. 7 данной статьи можно сделать вывод, что исключаются те доказательства, которые признаются судьей недопустимыми. Однако в соответствии с этой нормой «при рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым». Именно так были истолкованы данные положения, на основе которых и формировалась судебная практика. Акцент в этих вопросах был сделан именно на проверке и оценке допустимости/недопустимости доказательств. Но в силу несогласованности этих норм с другими, в частности определяющими понятие доказательства, критерии для признания доказательств недопустимыми, порядок рассмотрения ходатайств, по этим вопросам единообразной практики до настоящего времени не выработано. Не учтено и то, что для рассмотрения вопросов об оценке

доказательств на досудебных стадиях в предварительном слушании соответствующих данных суду, как правило, недостаточно.

Нередко для принятия законного и обоснованного решения требуется исследование не одного спорного доказательства, а и других доказательств и материалов уголовного дела. Применяются, как правило, стороной защиты и иные тактические приемы. Например, как и по уголовному делу, рассмотренному Усть-Камчатским районным судом, при рассмотрении в предварительном слушании уголовного дела № 1-466/2023 защитники заявили ходатайства о возвращении данного дела прокурору для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела в суде, а также о признании более 70 доказательств недопустимыми, в том числе протоколов следственных действий и иных документов. Принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основанию, предусмотренному пунктом 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, суд фактически уклонился от разрешения ходатайства по проверке и оценке доказательств, признанию их допустимыми или недопустимыми.

Решение суд обосновал следующим образом: «Обвинительное заключение в отношении... утвержденное Таганрогским транспортным прокурором 27.07.2023, составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, в том числе ввиду включения в него перечня доказательств, полученных в ходе дополнительного расследования, на основании которых обвиняемым увеличен объем обвинения»⁹. Полагаем, что суд уклонился по уважительным причинам: процессуальных возможностей проверить и оценить такой объем доказательств в предварительном слушании у суда не имеется. Такая возможность у суда появляется при рассмотрении уголовного дела по существу, ее он может и обязан использовать, реализуя в том числе принцип состязательности.

Но если даже суд рассмотрит ходатайство и примет решение об исключении доказательств из уголовного дела, то это не лишает стороны при рассмотрении уголовного дела по существу заявить ходатайство о признании дока-

⁹ Постановление Таганрогского городского суда Ростовской области от 02.10.2023 № 1-466/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

зательства допустимым и его исследовании в судебном следствии. При этом, как показывает анализ судебной практики, суды не принимают решения об отмене постановлений о признании доказательства недопустимым и исключении его из материалов уголовного дела, ограничиваясь решением о возвращении доказательству статуса допустимого и его исследовании, фиксируя соответствующее постановление или определение в протоколе судебного заседания.

Изложенное свидетельствует о противоречиях, вкрапившихся в исследуемые положения УПК РФ. Подробнее данная проблема будет рассмотрена далее. Здесь же отметим, что разрешение имеющихся в УПК РФ коллизий и явных противоречий, как показывает нормотворческая практика, требует обобщения правоприменительной практики, изучения предложений ученых и практиков, серьезной работы по выработке изменений и дополнений в закон. Это необходимо для того, чтобы нормы, регулирующие исследуемые вопросы, не порождали трудностей, а давали судам возможность обеспечивать как себе, так и участвующим в судебном заседании лицам благоприятные условия для рассмотрения уголовного дела по существу, для полного, объективного и всестороннего исследования доказательств, установления объективной истины. Поэтому законодателю, закрепляя порядок разрешения указанных вопросов, не следовало опережать события. То есть предусматривать нормы, обязывающие суд разрешать вопросы о признании доказательств недопустимыми на досудебных стадиях и на стадии назначения судебного заседания. Надлежащие условия, возможности и одновременно обязанности всесторонне исследовать доказательства, в том числе с позиций допустимости, у суда появляются на стадии рассмотрения уголовного дела по существу. Поэтому разрешение затронутых вопросов следует регламентировать на этой и апелляционной стадиях.

Анализ, проведенный на основе примеров судебной практики, дает еще одно основание для вывода о том, что разработчики проекта УПК РФ, озаботившись формированием состязательного российского уголовного судопроизводства, не учли его сложившуюся историческую модель. Хотя указанная непоследовательность в регулировании данных вопросов лежала, по сути, на поверхности.

Рассмотрим некоторые из имеющихся в законе противоречий подробнее, в частности, применительно к проблеме проверки законности и обоснованности постановлений судьи о признании доказательств недопустимыми.

Одним из проблемных, как было отмечено, является вопрос о том, в каком порядке обжаловать постановление судьи об исключении доказательства (доказательств) из перечня доказательств, предъявляемых и исследуемых в судебном разбирательстве, принятого в предварительном слушании. На первый взгляд, вопрос может показаться надуманным, не представляющим законодательного и правоприменительного интереса, поскольку порядок обжалования решений, принимаемых судьей в предварительном слушании, регламентирован в ч. 7 статьи 236 УПК РФ, предусматривающей, что эти решения могут быть обжалованы сначала в апелляционном, а затем в кассационном порядке. Не могут обжаловаться решения о назначении судебного заседания, да и то не по всем основаниям. Однако затронутый вопрос следует рассматривать не изолированно, а во взаимосвязи с ч. 7 статьи 235 УПК РФ, согласно которой суд при рассмотрении уголовного дела по существу по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым. То есть признать доказательство допустимым и включить в перечень доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве. Тем самым дать возможность стороне предъявить его в ходе судебного следствия, исследовать надлежащим образом и при сохранении статуса допустимого использовать, в том числе суду, для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, а также для обоснования выводов в приговоре.

Что означают приведенные требования закона? То, что в УПК РФ заложена серьезная проблема. Ее суть может быть раскрыта постановкой следующих вопросов: на каком основании и используя какие полномочия суд первой инстанции при разбирательстве уголовного дела по существу может отменить это постановление судьи, во-первых, без апелляционной жалобы или представления, т.е. в отсутствие предусмотренных законом поводов (ч. 7 ст. 236 УПК РФ), во-вторых, решение, принятое судом той же инстанции (не в апелляционном порядке), более того, нередко тем же судьей, который и рассматривает настоящее уголовное дело? Причем, как считают некоторые авторы,

например В. А. Лазарева, без вынесения специального постановления, т.к. «оно может быть изложено в протоколе судебного заседания»¹⁰.

В-третьих, в какой момент это постановление начинает действовать как вступившее в законную силу? Ведь если бы данный вопрос рассматривался по жалобе сторон или представлению прокурора в апелляционной инстанции, то решение о признании постановления законным вступило бы в силу немедленно. Но в данном случае рассматривает ходатайство, а по сути жалобу, представление, не суд апелляционной инстанции, а суд первой инстанции. Следовательно, в силу ч. 2 ст. 389-2 УПК РФ это решение (постановление или определение) может быть обжаловано в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу. В результате в данном случае получается «дублирующее» обжалование решения, принятого по одному вопросу на разных стадиях уголовного процесса, но судьями одного звена. Причем решения, которое могло быть принято не один раз, поскольку, в-четвертых, если суд откажет государственному обвинителю в удовлетворении ходатайства об отмене постановления судьи об исключении доказательства, принятого на предварительном слушании, в подготовительной части судебного разбирательства, то ходатайство может быть неоднократно заявлено вновь в ходе дальнейшего судебного разбирательства (ч. 3 ст. 271 УПК РФ), разумеется, желательно при наличии к тому оснований. То есть момент вступления таких постановлений суда в силу, по существу, не определен. Отсюда такая возможность неоднократно заявлять анализируемые ходатайства и пересматривать принятые по этим вопросам решения.

Впрочем, этот вариант, по нашему мнению, в данной ситуации — *разумно вынужденное решение*. Такое упрощение, полагаем, законодатель предпринял вынужденно, отступив от общего правила проверки законности и обоснованности постановлений суда, принятых в предварительном слушании: следование этим правилам приводило бы к процессуальным тупикам, отсутствию возможности полно, всесторонне и объективно исследовать собранные

по делу доказательства и фактические обстоятельства инкриминируемого подсудимому преступления, а следовательно, принятию сомнительного с точки зрения законности, обоснованности и мотивированности итогового решения. Возникает закономерный вопрос: как решить обозначенную проблему?

Для ответа на него следует решить другой вопрос: по какой причине названная проблема возникает достаточно часто при рассмотрении уголовных дел в общем порядке? Ответ на него дает правоприменительная практика: как уже было сказано, в действующем уголовно-процессуальном законе содержатся нормы, предписывающие судьям принимать решения, опережающие развитие событий по находящемуся в производстве органов предварительного расследования, а затем и суда уголовному делу. Налицо то, что решение очень непростых вопросов «сдвинуто» на стадии, когда глубоко и всесторонне исследовать их в большинстве случаев невозможно. Это относится и к оценке допустимости/недопустимости доказательств. Ситуация осложняется еще и тем, что, во-первых, требования закона, регламентирующие основания для признания доказательства допустимым/недопустимым, несовершенны, а во-вторых, не выработано единообразной правоприменительной практики по этим вопросам. М. А. Баранова и В. Л. Григорян, изучив практику разрешения вопросов об оценке доказательств с точки зрения допустимости, пришли к выводу, что единообразием она не отличается. При этом на конкретных примерах авторы показали, что при наличии однородных нарушений, допущенных органами предварительного расследования в ходе производства следственных действий, один суд признавал доказательства недопустимыми, а другой, руководствуясь принципом независимости судей, — допустимыми и использовал их для обоснования промежуточных и итоговых выводов по уголовному делу¹¹.

Таким образом, имеются основания решить существующую на данный момент проблему следующим образом: разрешение сомнений и претензий участников процесса, касающихся вопросов допустимости/недопустимости до-

¹⁰ Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 187.

¹¹ См.: Баранова М. А., Григорян В. Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 122–127.

казательств, полностью перенести на стадию судебного разбирательства.

Следующая проблема связана с частичным обжалованием постановления судьи, которое принимается по результатам предварительного слушания. Речь идет о том, что судья вправе принять решение и вынести постановление об исключении доказательств из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, одновременно назначив судебное заседание. В соответствии с ч. 7 ст. 236 УПК РФ постановление в части назначения судебного заседания обжалованию не подлежит. В данном случае правоприменитель сталкивается с ситуацией, когда суд приступает к рассмотрению уголовного дела и в это же время должна рассматриваться в апелляции жалоба на постановление судьи о признании доказательств недопустимыми. Может ли сторона, направившая жалобу, представление в апелляционную инстанцию, настаивать на проверке законности постановления судьи об исключении доказательств, признанного недопустимым, в ходе судебного разбирательства дела по существу? Иначе говоря, продублировать апелляционную жалобу, представление по данному вопросу?

Думается, что может, закон такое право предоставляет. Более того, у стороны, заявляющей ходатайство, будет дополнительный аргумент о том, что постановление судьи об исключении данного доказательства (доказательств) обжаловано в апелляционном порядке. Вновь у суда возникает вопрос, какое решение принимать. Отклонять ходатайство и ждать решения апелляционной инстанции или рассматривать дело по существу и принимать свое решение? А как быть, если принятое решение и решение апелляционной инстанции будут взаимоисключающими? УПК РФ ответа на данные вопросы не дает и дать на основе настоящей редакции, по нашему мнению, не может. Требование, согласно которому суд при рассмотрении уголовного дела по существу вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым (ч. 7 ст. 235 УПК РФ), не вписывается в общую логику анализируемых норм закона.

По этой же причине, полагаем, не дает разъяснений по данному вопросу и Пленум Верхов-

ного Суда РФ в отличие, например, от ситуации, когда в апелляционную инстанцию поступает жалоба на решение судьи, вынесенное в порядке ст. 125 УПК РФ после направления уголовного дела в суд. Тогда судья, выяснив, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу, принимает решение об отказе в принятии жалобы или о прекращении по ней производства. «Аналогичные правила применяются в случаях, когда при производстве в судах апелляционной и кассационной инстанций выясняется, что предварительное расследование по уголовному делу завершено и оно направлено в суд для рассмотрения по существу»¹².

Видимо, в данном случае следует руководствоваться разъяснениями, которые Пленум Верховного Суда РФ сформулировал в п. 13 постановления от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». В силу этих разъяснений при рассмотрении ходатайства стороны о признании доказательств недопустимыми в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона. При этом установленные в ч. 4 ст. 235 УПК РФ для предварительного слушания правила о порядке исследования доказательств распространяются и на судебное разбирательство.

При рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании доказательства недопустимым на том основании, что оно было получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, «бремя опровержения доводов стороны защиты возлагается на государственного обвинителя, а в остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство»¹³. С учетом этого суд и должен принять решение по существу, не обращая внимание, таким образом, на решение, принятое судом апелляционной инстанции. Хотя данный вывод с позиций общих требований к порядку проверки законности и обоснованности принятых судом решений также сомнителен. Но так уж разворачивались события, что российский уголовный процесс старательно и

¹² См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1.

¹³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС «КонсультантПлюс».

настойчиво подгоняли под англосаксонский состязательный, забывая даже об элементарных вещах.

Дополняет затронутые проблемы ситуация, которая может возникнуть как в предварительном слушании, так и при рассмотрении уголовного дела по существу тогда, когда необходимо проверить законность и обоснованность постановления судьи о признании недопустимым либо, напротив, допустимым доказательства, полученного органами предварительного расследования в ходе досудебного производства в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ. Здесь также может быть несколько вариантов. Наиболее возможные из них возникают при проверке постановления в предварительном слушании и при рассмотрении уголовного дела по существу: в подготовительной части или в ходе судебного следствия. В этих ситуациях также встает вопрос о полномочиях суда, во-первых, проверять законность и обоснованность указанных постановлений, а во-вторых, отменять их как незаконные или оставлять в силе. Что касается первой ситуации, то ни в УПК РФ, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ определенных требований либо разъяснений по данному вопросу нет.

Применительно к судебному разбирательству позиция Пленума Верховного Суда РФ изложена в п. 14 постановления от 19.12.2017 № 51. Суть ее заключается в том, что «наличие в материалах дела судебного постановления, вынесенного в ходе досудебного производства в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ, о разрешении производства следственного действия или о законности следственного действия, произведенного без предварительного разрешения суда (часть 5 статьи 165 УПК РФ)», во-первых, не освобождает суд от обязанности проверить обстоятельства его проведения и принять по заявленному стороной защиты ходатайству мотивированное решение, во-вторых, не освобождает государственного обвинителя от обязанности опровержения доводов стороны защиты о недопустимости спорного доказательства. Какие могут быть приняты решения, представляется, пояснения не требуются. На суд, рассматривающий дело по существу, возлагается обязанность, а для ее исполнения, по сути, предоставляются полномочия суда апелляционной инстанции: оставить в силе или отменить как незаконное постановление судьи о законности проведенного органами предварительного расследо-

вания следственного действия, а полученное доказательство (доказательства) признать допустимым или, напротив, недопустимым. Если данное постановление судьи было предметом рассмотрения еще в предварительном слушании, то принять такое решение сразу по двум постановлениям, вынесенным судьями, одно из которых вынесено в порядке осуществления судебного контроля, а второе — в порядке подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. В этой ситуации говорить о какой-либо судебной субординации не представляется возможным. Однако повторимся, что законодатель настолько, с одной стороны, упрощенно, а с другой, на наш взгляд, — непоследовательно подошел к регулированию вышеописанных вопросов, что определить законность и обоснованность анализируемых решений весьма проблематично. Более того, не каждый суд (судья) на это может решиться, чтобы не нарушать инстанционность. Но упростили, подчеркнем еще раз, вынужденно. Ведь с момента, например, решения судьи о признании проведенного следственного действия по решению следователя без судебной санкции в условиях, не терпящих отлагательства, незаконным, а доказательства — недопустимым проходит, как правило, большой период времени. Кроме того, могут быть получены другие доказательства, подтверждающие допустимость этих доказательств. Поэтому, на наш взгляд, лишать суд, рассматривающий уголовное дело по существу, полномочий оценивать проблемное доказательство всесторонне, критически и объективно с тем, чтобы принять законное и обоснованное решение, за рамками здравого смысла.

Подтверждением того, что судьи не всегда выносят самостоятельные решения по ходатайствам о признании доказательств недопустимыми в судебном разбирательстве, может служить пример, который приводит в своей статье судья Ямало-Ненецкого автономного округа С. В. Скрипов. По уголовному делу о наезде автомобиля на группу людей по версии обвинения с целью убийства более двух лиц государственному обвинителю судом было отказано признать допустимым доказательством и исследовать флеш-карту, изъятую у обвиняемого, и протокол выемки. Это послужило одним из оснований для отмены апелляционной инстанцией оправдательного приговора. При новом рассмотрении судом первой инстанции уголовного дела указанные доказательства были

исследованы и положены в основу выводов, изложенных в приговоре¹⁴.

Примеры из судебной практики подтверждают вывод о том, что неверно в принципе лишать суд, рассматривающий уголовное дело по существу, полномочий оценивать спорное доказательство с точки зрения допустимости с тем, чтобы принять законное и обоснованное решение, рассматривая заявленное ходатайство и руководствуясь другими исследованными доказательствами, при этом исследуя другие доказательства, которые имеют значение для оценки не только спорного доказательства, но и, при необходимости, иных, оценивая их в совокупности в совещательной комнате, о чем автор писал ранее¹⁵.

Согласно апелляционному определению от 03.02.2015 по уголовному делу № 35-АПУ15-1 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая данное дело в апелляционном порядке по жалобам осужденных Д. С. Капкова и Р. В. Плаксина, изменила приговор Тверского областного суда от 02.12.2014, но отказала Капкову в удовлетворении ходатайства о признании недопустимым доказательством протокола проверки его показаний на месте и показаний свидетеля С. Свой отказ Коллегия обосновала другими доказательствами, исследованными в судебном следствии, в частности тем, что его доводы о привлечении понятых при проверке показаний на месте с нарушением ст. 60 УПК РФ подтверждения не нашли. Понятой С. на момент указанного следственного действия участником уголовного судопроизводства (свидетелем) не являлся. В качестве такового он был допрошен позднее, т.е. после того, как был привлечен для участия в следственном действии в качестве понятого¹⁶.

Таким образом, для проверки ходатайства, заявленного Капковым, потребовалось исследование не только доказательства, допустимость которого оспаривалась, но и других доказательств, в частности протокола допроса свидетеля С., сопоставления времени производства проверки показаний Капкова на месте и времени допроса С. в качестве свидетеля.

Приведенный пример является подтверждением того, что формальный подход суда к оценке спорных доказательств может повлечь и нередко влечет ошибочное признание доказательств недопустимыми. Это, в свою очередь, в зависимости от значения данного доказательства (доказательств) для обоснования итогового решения суда зачастую является основной причиной отмены или изменения приговора либо иного судебного решения.

Требования Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ о необходимости объективного и неформального отношения к рассмотрению ходатайств о проверке ранее принятых решений о признании доказательств недопустимыми, а также о тщательном исследовании доказательств при разрешении заявленных ходатайств о признании их недопустимыми и исключении из процесса доказывания в ходе следствия сформулированы и при рассмотрении других дел. Так, Судебная коллегия отменила оправдательный приговор от 28.07.2016, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей Приморским краевым судом, и направила уголовное дело на новое судебное рассмотрение. Основаниями принятия данного решения явились нарушения, допущенные председательствующим при принятии решений о признании ряда доказательств недопустимыми и исключении их из уголовного дела, чем государственный обвинитель был ограничен в исследовании этих доказательств с участием присяжных заседателей. Как следует из апелляционного определения, принимая эти решения, председательствующий руководствовался решениями суда, который рассматривал данное дело ранее. Указывая на это обстоятельство, Коллегия в постановлении отметила, что «принятые решения о недопустимости доказательств другим судом, приговор по которому отменен, не освобождают председательствующего судью от обязанности проверить доводы, изложенные в рамках нового судебного разбирательства, а ранее принятые другим судьей по результатам рассмотрения ходатайств решения не имеют **преюдициального** значения при новом рассмотрении дела (полу-

¹⁴ Скрипов С. В. Пределы исследования доказательств судом с участием присяжных заседателей // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 23.

¹⁵ См.: Балакшин В. С. Неплохо для кого?! или К вопросу о порядке признания доказательств недопустимыми // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 19–20.

¹⁶ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 по уголовному делу № 35-АПУ15-1.

жирный мой. — В. Б.)». Проверив материалы уголовного дела, Коллегия пришла к выводу о неправильном исключении из числа допустимых доказательств протоколов очных ставок, протоколов предъявления для опознания, других доказательств. Вместе с тем конкретное решение об отмене постановлений председательствующего о признании данных доказательств недопустимыми Коллегия в апелляционном определении не сформулировала, указав в резолютивной части основное решение — об отмене оправдательного приговора и о направлении уголовного дела в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство¹⁷.

Здесь следует отметить, что приведенное определение представляет не только практический интерес, но и нормативно-теоретический. Вывод Коллегии о том, что ранее принятые судом решения по ходатайствам о признании доказательств недопустимыми либо, напротив, допустимыми не имеют **преюдициального** значения при новом рассмотрении уголовного дела, — еще одно подтверждение ранее сделанному заключению, что четкий, нормативно отрегулированный порядок проверки, оценки и пересмотра постановлений суда, выносимых как в порядке ст. 125, ч. 5 ст. 165 УПК РФ и в предварительном слушании, так и при рассмотрении уголовного дела по существу о признании доказательств, отсутствует. При наличии оснований для отмены или изменения этих решений они не отменяются и не изменяются. Суды, рассмотрев повторные ходатайства о проверке оцененных ранее доказательств, принимают решения о признании спорных доказательств допустимыми или, напротив, недопустимыми. Даже если ранее указанные решения были проверены и признаны законными и обоснованными апелляционной и кассационной инстанциями. Признавая данную практику не соответствующей общим правилам проверки

и оценки судебных решений, повторим, что эта практика получила признание вынужденно. Затем ее следует признать достаточно убедительным аргументом для **отмены** норм УПК РФ, предусматривающих проверку и оценку доказательств на их соответствие требованиям допустимости на досудебных стадиях и в предварительном слушании.

Наконец, еще одно теоретико-философское соображение, которое позволяет с убежденностью, может быть не совсем современного исследователя, сделать определенный вывод. Оно касается вопроса о моменте появления в уголовном деле феномена под названием «доказательство».

О понятии доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности советском и российском, написано не просто много, а очень много. Не будем перечислять труды немалого числа авторов. Полагаем, что достаточно сослаться на фундаментальные труды В. Я. Дорохова, И. Б. Михайловской, Ю. К. Орлова, С. А. Шейфера, С. В. Корнаковой, чтобы данный вывод признать достоверным¹⁸. Исследованию информационного, материального и процессуального аспектов доказательства посвящена одна из работ автора настоящей статьи¹⁹. С позиций момента появления доказательства в уголовном деле представляется интересной и познавательной статья Е. А. Доли, опубликованная в журнале «Законность». В ней Е. А. Доля делает вывод о том, что большинству доказательств свойственна «письменность». «В письменной форме заканчивается формирование сведений, образующих содержание доказательств, происходит их отделение от источников доказательств (эксперта, соответствующих властных субъектов, понятых, авторов иных документов), и они приобретают доказательственное значение»²⁰. Представляется, что для российского уголовного процесса данная позиция являет-

¹⁷ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.12.2016 по уголовному делу № 56-АПУ16-26СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: *Дорохов В. Я.* Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981; *Михайловская И. Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2008; *Орлов Ю. К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Проспект, 2000; *Он же.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009; *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009; *Корнакова С. В.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // *Lex russica.* 2023. Т. 76. № 1. С. 98–109.

¹⁹ См.: *Балакшин В. С.* Доказательства в российском уголовном процессе: материальный, процессуальный, информационный аспекты // *Российский юридический журнал.* 2008. № 6. С. 139–143.

²⁰ *Доля Е. А.* Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // *Законность.* 2016. № 10. С. 70.

ся определяющей. Если придерживаться этой точки зрения, то возникает простой, но практически значимый вопрос: что происходит с доказательствами, признанными недопустимыми и исключенными из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве? Они, что, утрачивают процессуальную форму? Или из источника как по мановению волшебной палочки исчезают сведения? Или, может быть, следственное и иное процессуальное действие, в результате производства которого сведения об обстоятельствах, имеющим значение для дела, придали соответствующую процессуальную форму, не проводилось вообще? Такое, конечно, может быть. Однако в этом случае необходимо решать вопрос не только о признании доказательства недопустимым, но и об ответственности, в том числе уголовной, соответствующего должностного лица органов предварительного расследования.

После вышеизложенного предвидим вопрос: для чего и зачем все эти рассуждения, сравнения, детализация, сопоставления? Попробуем ответить. Такое поспешно позаимствованное во многом из англосаксонского процесса свойство доказательств, как **допустимость**, — надуманное, слабо исследованное в российской процессуальной науке, аморфное качество, более 20 лет препятствующее выработке единообразной следственно-прокурорской и судебной практики, но позволяющее нередко им спекулировать в уголовном судопроизводстве, а главное — не дающее в полной мере реализовать принцип независимости судей, в частности, по такому важному моменту, как судебское усмотрение при оценке доказательств. А это, как представляется, очень серьезно. Даже, если объективно выражаться, возведенный в ранг не подлежащего критике принцип состязательности и равенства сторон против указанного выглядит слабовато. Поэтому для начала имеет смысл приостановить действие норм УПК РФ, которые предусматривают признание доказательств недопустимыми на стадии предварительного расследования и в предварительном слушании с вынесением соответствующих постановлений. Требования, установленные в данных нормах, не имеют научно обоснованного логического продолжения. Более того, некоторые закрепленные в них положения противоречат требованиям других норм. Например, как указано ранее, признание в судебном разбирательстве судом первой инстанции допустимым доказательства,

которое ранее в предварительном слушании было признано недопустимым и исключено из процесса доказывания в порядке, который не предусматривает отмены соответствующих ранее вынесенных постановлений судьи. И наоборот, когда согласно постановлению судьи доказательство было признано допустимым, но заявлено повторное ходатайство о признании его недопустимым.

Нормы, устраняющие данное противоречие, в законе отсутствуют. Не урегулирован в УПК РФ и вопрос о признании недопустимой части доказательства, если рассматривать его как систему, включающую как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, так и источник, в котором данные сведения закреплены. Например, когда часть показаний свидетеля, зафиксированных в протоколе допроса, основана на догадке, предположении, слухе, а остальные с этих позиций сомнений не вызывают.

С точки зрения толкования и особенно проблем правоприменения не может не обращать на себя внимание часть 4 ст. 236 УПК РФ. Смысл ее положений заключается в том, что если судья исключает доказательство и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении он должен указать не только исключаемое доказательство, но и материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства. Данное требование вопросов не вызывает. Однако далее в норме предусмотрен интересный момент, который иначе как «подводным» основанием для признания неоспариваемых доказательств недопустимыми назвать трудно. Поскольку в ней установлено, что в постановлении судья должен указать не только материалы уголовного дела, обосновывающие исключение доказательства, признанного недопустимым, но и материалы, которые *не могут исследоваться в судебном заседании и использоваться в процессе доказывания*, т.е. таким незамысловатым образом признать их недопустимыми доказательствами. Данное требование не может не вызывать вопросов и не порождать проблем у правоприменителя. Оно, по сути, без специального решения судьи дает основания сторонам утверждать, что указанные материалы также признаны недопустимыми, т.к. не могут исследоваться и использоваться в процессе доказывания. Между тем материалы, как правило, те же доказательства, решения дознавателя, следователя, позволяющие убедиться в их полномочиях на производство

следственных и иных процессуальных действий, решения о возобновлении производства предварительного расследования, другие важные документы. Эти материалы имеют отношение в большинстве случаев не только к исследованию исключенного доказательства, но и к фактическим обстоятельствам дела. Поэтому данная норма ставит преграду на пути их исследования. Разумеется, подобного в основополагающем нормативном акте быть не должно.

Кроме того, подводя итог исследованию, нелишне напомнить о том, что предусмотренный в настоящее время уголовно-процессуальным законом порядок проверки и оценки доказательств, прежде всего с точки зрения их допустимости, на досудебных стадиях входит в противоречие с одним из основополагающих принципов уголовного процесса, а именно с принципом свободы оценки доказательств и требованиями, направленными на обеспечение процессуальной независимости и самостоятельности следователя и дознавателя, а также прокурора и других должностных лиц органов предварительного расследования. В частности, действующая система оценки и признания доказательств недопустимыми судьями в порядке ст. 125 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ препятствует тому, чтобы органы предварительного расследования и прокурор оценивали доказательства «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом

и совестью» (ч. 1 ст. 17 УПК РФ) и, безусловно, с учетом данной оценки принимали решения.

С учетом изложенного представляется, что одним из вариантов решения данных коллизий было бы введение правил, предусматривающих заявление и рассмотрение ходатайств о признании доказательств недопустимыми и исключении их из процесса доказывания, при рассмотрении уголовного дела по существу. Такие возможности имеются у суда в подготовительной части судебного заседания. Однако оптимален для разрешения данных вопросов начальный этап судебного следствия, сразу после озвучивания стороной обвинения очередности доказательств, которые она намерена представить. В данный момент должны быть рассмотрены ходатайства о признании доказательств недопустимыми, заявленные как стороной защиты, так и стороной обвинения. Осуществление указанной процедуры не должно исключать заявление и рассмотрение таких ходатайств в ходе представления и исследования доказательств, поскольку нередко основания для заявления и разрешения подобных ходатайств возникают именно в процессе более полного и всестороннего исследования доказательств в судебном следствии. Необходимо, безусловно, закрепить и порядок обжалования вынесенных судом по таким ходатайствам решений только совместно с обжалованием итоговых решений, чтобы такими заявлениями не блокировать рассмотрение уголовного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балакшин В. С. Доказательства в российском уголовном процессе: материальный, процессуальный, информационный аспекты // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 139–143.

Балакшин В. С. Неплохо для кого?! или К вопросу о порядке признания доказательств недопустимыми // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 19–20.

Балакшин В. С. По щучьему велению... // Законность. 2012. № 4. С. 8–14.

Балакшин В. С. Признание доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимыми и исключение их из уголовного дела // Российский судья. 2018. № 1. С. 38–45.

Балакшин В. С. Уголовное преследование новых лиц в связи с вновь открывшимися обстоятельствами // Законность. 2010. № 5.

Баранова М. А, Григорян В. Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 122–127.

Доля Е. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10.

Дорохов В. Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981.

Корнакова С. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 98–109.

- Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013.
- Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : Проспект, 2008. 189 с.
- Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Проспект, 2000. 138 с.
- Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009. 175 с.
- Скрипов С. В. Пределы исследования доказательств судом с участием присяжных заседателей // Российская юстиция. 2022. № 3.
- Сутягин К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
- Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.
- Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 240 с.

REFERENCES

- Balakshin VS. Evidence in the Russian criminal procedure: substantive, procedural, information aspects. *Russian Juridical Journal*. 2008;6:139-143. (In Russ.).
- Balakshin VS. Not bad for who?! Or on the question of inadmissibility of evidence. *Rossijskaja Justicia*. 2022;3:19-20. (In Russ.).
- Balakshin VS. Po shchuchemu veleniyu. *Zakonnost*. 2012;4:8-14. (In Russ.).
- Balakshin VS. Rendering the evidence collected in breach of the criminal procedure law requirements inadmissible and its exclusion from a criminal case. *Russian Judge*. 2018,1:38-45. (In Russ.).
- Balakshin VS. Uголовное преследование novykh lits v svyazi s vnov otkryvshimisya obstoyatelstvami [Criminal prosecution of new persons in connection with newly discovered circumstances]. *Zakonnost*. 2010;5:4.
- Baranova MA, Grigoryan VL. Recognition of evidence inadmissible in court decisions in criminal cases: search for criteria. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2016;1(35):122-127. (In Russ.).
- Dolya E. Origin of evidence in criminal proceedings. *Zakonnost*. 2016;10:70. (In Russ.).
- Dorokhov VYa. Obshchee ponyatie dokazatelstva v sovetskom ugovolnom protsesse [The general concept of evidence in Soviet criminal proceedings]. Moscow; 1981. (In Russ.).
- Kornakova SV. Evidence and Proof in Criminal Proceedings: Problems of Understanding their Nature. *Lex Russica*. 2023;76(1):98-109. (In Russ.).
- Kozubenko YuV. Sources and system of criminal procedure law: criminal process: Proshlyakov AD, Balakshin VS, Kozubenko YuV (eds.). Moscow: Infotropic Media; 2016. (In Russ.).
- Lazareva VA. Proof in criminal proceedings. 4th ed. Moscow: Yurait Publ.; 2013. (In Russ.).
- Mikhailovskaya IB. The judge's handbook on evidence in criminal proceedings. Moscow: Prospekt Publ.; 2008. (In Russ.).
- Orlov YuK. Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow: Prospekt Publ., 2000. (In Russ.).
- Orlov YuK. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow: Yurist Publ.; 2009. (In Russ.).
- Shafer S A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow: Norma Publ., 2009. (In Russ.).
- Skipov SV. Limits of the study of evidence by the court with the participation of jurors. *Rossijskaja Justicia*. 2022;3. (In Russ.).
- Sutyagin KI. Grounds and procedural procedure for excluding inadmissible evidence in the course of pre-trial proceedings in a criminal case. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. St. Petersburg, 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балакшин Виктор Степанович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
balacshin.viktor@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor S. Balakshin, Dr. Sci. (Law), Full Professor, professor, Department of Court's Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
balacshin.viktor@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 11 октября 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 08.09.2024.

Revised 11.10.2024.

Accepted 15.03.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.052-062

Н. Ю. СкрипченкоСеверный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск, Российская Федерация

Ориентиры в уголовно-правовой оценке действий, образующих насильственное и вооруженное хулиганство, нуждаются в корректировке

Резюме. Законодательное расширение уголовно-правового диапазона действий, составляющих хулиганство, в 2020 г. актуализировало вопросы, связанные с определением объема вреда, образующего «насилие», и допустимости сохранения расширительного толкования признака «вооруженность», данного Пленумом Верховного Суда РФ применительно к прежней редакции ст. 213 УК РФ. Учитывая строгость санкций норм о преступлениях против личности из хулиганских побуждений и хулиганстве, автор к насилию относит побои и легкий вред здоровью. В работе предлагается ограничить психическое насилие при хулиганстве угрозами убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; приводятся аргументы в пользу изменения подхода к квалификации действий, связанных с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, в процессе сопротивления представителю власти. Закрепление насилия в числе альтернативно-обязательных признаков хулиганства и перенос вооруженности в квалифицированный состав требуют изменения правоприменительного подхода к определению вооруженности посредством исключения использования в процессе хулиганства оружия вне поражения живой цели, а также афиширования негодного, незаряженного и бутафорского оружия. Сохранение расширительного толкования указанного объективного признака нивелирует, по мнению автора, различия между криминообразующими и дифференцирующими признаками состава хулиганства. Существенные изменения ст. 213 УК РФ и норм, устанавливающих ответственность за смежные составы преступлений, объективизируют потребность принятия нового толкующего акта.

Ключевые слова: хулиганство; насилие; угроза применения насилия; применение оружия; конструктивный признак состава; квалифицирующий признак; судебное толкование; преступления против личности; общественный порядок

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. Ориентиры в уголовно-правовой оценке действий, образующих насильственное и вооруженное хулиганство, нуждаются в корректировке. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.052-062

Guidelines for the Criminal Law Assessment of Actions Constituting Violent and Armed Hooliganism Need to be Adjusted

Nina Yu. Skripchenko Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. The legislative expansion of the range of actions constituting hooliganism under criminal law in 2020 actualized issues related to determining the amount of harm constituting «violence» and admissibility of maintaining an expansive interpretation of the «armed» attribute given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to the previous version of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. Given the severity of the sanctions of the norms on crimes against the person out of hooligan motives and hooliganism, the author classifies beatings and minor harm to health as violence. The paper proposes to

© Скрипченко Н. Ю., 2025

limit mental violence in hooliganism with threats of murder or grievous bodily harm; arguments are made to change the approach to qualifying actions related to the use of violence that is not dangerous to life and health, in the process of resisting a representative of the authorities. The consolidation of violence among alternative mandatory elements of hooliganism and the transfer of armament to a qualified composition require a change in the law enforcement approach to determining armament by excluding the use of weapons in the process of hooliganism beyond the destruction of a living target, as well as promoting unsuitable, unloaded and fake weapons. Maintaining an expansive interpretation of this objective feature levels, in the author's opinion, the differences between crime-forming and crime-differentiating elements of the composition of hooliganism. Significant changes to Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and rules establishing responsibility for related *corpus delicti* objectify the need to adopt a new interpretive act.

Keywords: hooliganism; violence; threat of violence; use of weapons; structural feature of the composition; qualifying characteristic; judicial interpretation; crimes against person; public order

Cite as: Skripchenko NYu. Guidelines for the Criminal Law Assessment of Actions Constituting Violent and Armed Hooliganism Need to be Adjusted. *Lex russica*. 2025;78(4):52-62. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.052-062

Введение

Отличаясь практической востребованностью, норма, предусматривающая ответственность за хулиганство, вызывает критические замечания ученых, негативно оценивающих размытость криминообразующих признаков, угрожающую унифицированному правоприменению и позволяющую вменять ст. 213 УК РФ лицам, совершающим деяния, влекущие широкий общественный резонанс, но не укладывающиеся в границы действующих составов преступлений¹. Дискуссионным является и само решение законодателя возвести в ранг преступных действия, посягающие на общественный порядок. Одни представители правовой доктрины высказыва-

ются за декриминализацию состава хулиганства, не имеющего, по сути, специфической объективной стороны, поскольку социальный вред несут деяния, совершаемые из хулиганских мотивов², другие — усматривают высокий предупредительный потенциал статьи 213 УК РФ, порицающей забияк и дебоширов, безнаказанность которых зачастую влечет совершение новых, более тяжких преступлений³.

Повышенное внимание законодателя к норме, охраняющей общественный порядок, свидетельствует о неудовлетворенности публичной власти качеством запрета, а непоследовательность уголовно-правового регулирования хулиганства (частичная декриминализация хулиганства в 2003 г.⁴ сменилась расширением

¹ См., например: Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 17–22 ; Кашепов В. П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 105–118 ; Иванов Н. Г., Косырев И. И. Современный метаморфоз уголовно наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 34–38.

² См., например: Аустова Л. С. Хулиганство как преступление против личности // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 34–38 ; Иванов Н. Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 53–61 ; Иванцова Н. Перспектива хулиганства — его декриминализация // Законность. 2004. № 11. С. 37–40.

³ См., например: Колоколов Н. А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. С. 18–24 ; Кашепов В. П. Об особенностях современного уголовно-правового законодательства // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 74–87 ; Ильичев В. А. Несовершенство уголовно-правового законодательства снижает эффективность борьбы с преступностью // Право и политика. 2005. № 10. С. 115–117.

⁴ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ исключил из диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ применение насилия либо угрозу применения насилия и уничтожение или повреждение чужого имущества и отнес применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, к криминообразующим признакам хулиганства. Одновременно нормы, предусматривающие ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ) и умышленное уничтожение или повреждение имущества, были дополнены квалифицирующим признаком, устанавливающим более строгое наказание за совершение соответствующих посягательств из хулиганских побуждений.

криминообразующих признаков⁵) исключает стабильное правоприменение. Расширение присутствия «хулиганских побуждений» в нормах Особенной части УК РФ и отнесение экстремистских мотивов к атрибутивным признакам хулиганства детерминировали объективное сходство значительного числа составов с деяниями, описанными в ст. 213 УК РФ.

Принятый 30 декабря 2020 г. Федеральный закон № 543-ФЗ⁶ в очередной раз откорректировал содержание ст. 213 УК РФ, частично восстановив редакцию, действовавшую до 2003 г., отнеся насилие и угрозу применения насилия к конструктивным признакам хулиганства (п. «а» ч. 1), а применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, — к квалифицирующим (ч. 2). Реформирование запрета актуализировало вопросы, связанные с определением объема вреда, являющегося следствием насилия, применяемого в процессе хулиганства, и допустимостью сохранения подходов к оценке вооруженного хулиганства,

базирующихся на расширительном толковании Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака для целей реализации ст. 213 УК РФ в старой редакции.

Основная часть

Анализ сводных отчетов о состоянии судимости, аккумулируемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, позволяет констатировать значимый рост числа осужденных по ст. 213 УК РФ, детерминированный реверсией уголовно-правового регулирования хулиганства. Так, на фоне общей тенденции сокращения числа лиц, признанных судом виновными в совершении преступления⁷, являющейся следствием реформирования уголовного закона в русле гуманизации и дегрессией криминальной активности социума, показатель осужденных за хулиганство увеличился почти вдвое, с 531 до 952, за 2020–2023 гг. (см. таблицу ниже).

Число лиц, осужденных за хулиганство и преступления против здоровья, в том числе из хулиганских побуждений* (2017–2023 гг.)**

Год	Статья 213 УК РФ				Статья 116 УК РФ	Часть 2 ст. 115 УК РФ	Часть 2 ст. 112 УК РФ
	ч. 1	ч. 2	ч. 3	всего			
2023	119	830	3	952	430	7 918	2 181
2022	149	758	3	910	449	8 641	2 337
2021	321	280	2	603	511	8 866	2 377
2020	396	134	1	531	556	9 298	2 497
2019	524	137	2	663	643	9 914	2 715
2018	530	147	2	679	823	10 575	3 237
2017	561	156	1	718	3 409	10 938	3 311

* Составы ст. 116, ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 112 УК РФ в числе криминообразующих и квалифицирующих признаков предусматривают не только хулиганские побуждения. Неизменность законодательной конструкции указанных норм в период действия новой редакции ст. 213 УК РФ исключает существенное влияние других факторов на динамику применения рассматриваемых статей УК РФ.

** В таблице представлены статистические данные из сводных отчетов о состоянии судимости за 2017–2023 гг. по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» (URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.08.2024)).

⁵ Федеральный закон от 24.04.2007 № 211-ФЗ закрепил экстремистский мотив в числе альтернативно-обязательных признаков хулиганства (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ); Федеральный закон от 24.11.2014 № 370-ФЗ выделил использование взрывчатых веществ или взрывных устройств в особо квалифицированный состав хулиганства (ч. 3 ст. 213 УК РФ); Федеральный закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ отнес все виды транспорта общего пользования к альтернативно-обязательным признакам хулиганства (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 82.

⁷ В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. осуждению подверглось 697 054 лица, в 2023 г. — 555 743, разница в относительных показателях составляет 20,27 %.

Системный анализ данных, отражающих число осужденных за хулиганство и преступления против здоровья, потенциально входящие в содержание насилия, предусмотренного пунктом «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ⁸, свидетельствует о синхронных сдвигах в 2020–2023 гг.: последовательный рост на 55,78 % осужденных по ст. 213 УК РФ происходит на фоне сокращения на 50,16 % лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей 116, частью 2 ст. 115, частью 2 ст. 112 УК РФ. При этом статья 116 УК РФ о побоях потеряла в объемах применения 22,66 %; часть 2 ст. 115 УК РФ, порицающая умышленное причинение легкого вреда здоровью приотягчающих обстоятельствах, «просела» на 14,84 %, а часть 2 ст. 112 УК РФ об умышленном причинении вреда здоровью средней тяжести — на 12,66 %.

Замыкающая позиция ч. 2 ст. 112 УК РФ обусловлена спорностью отнесения вреда здоровью средней тяжести к последствиям насилия, охватываемого пунктом «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Единая максимальная граница основного наказания (пять лет лишения свободы), установленная санкциями указанных норм, исключает однозначный ответ на вопрос о допустимости отнесения вреда здоровью средней тяжести к объективной стороне хулиганства, что и определяет относительно небольшой процент сокращения объемов применения означенного состава в отличие от укладываемых в соответствующий способ статьи 116 и части 2 ст. 115 УК РФ.

В юридической литературе высказываются разные точки зрения относительно характера

вреда, который входит в содержание насилия, являющегося составной частью хулиганства. Обеспечение преемственности судебного толкования норм уголовного закона ориентирует, по мнению М. Н. Белова, на официальное определение аналогичного объективного признака, данное ранее Пленумом Верховного Суда РФ для целей реализации ст. 131 и 132 УК РФ. Высший судебный орган к насилию относит побои, причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью⁹.

Единая верхняя планка санкций ч. 2 ст. 112 и ч. 1 ст. 213 УК РФ¹⁰ исключает соотношение указанных составов как части и целого, а следовательно, как резюмирует Д. Д. Харламов, причинение в процессе хулиганства вреда здоровью средней тяжести должно квалифицироваться самостоятельно, образуя совокупность преступлений¹¹.

М. А. Жадяева и И. Ю. Янина оценивают нормы, предусматривающие наказание за насилие, неопасное для жизни и здоровья (ст. 116 УК РФ) и опасное (п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ), как специальные по отношению к п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, что исключает совокупность преступлений в силу приоритета специальной нормы, установленного частью 3 ст. 17 УК РФ¹².

Практика в этом вопросе вряд ли может претендовать на истину, демонстрируя не только разные подходы к определению физического вреда, входящего в категорию «насилие»¹³, но и ссылки на утративший актуальность в связи с изменением ст. 213 УК РФ пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007

⁸ При анализе не учитывались данные осужденных по ч. 2 ст. 111 УК РФ. Указанная норма предусматривает хулиганские побуждения в числе квалифицирующих признаков (п. «д»), однако строгость санкции (основное наказание — до 10 лет лишения свободы) ориентирует на дополнительную оценку тяжкого вреда здоровью, причиненного в процессе хулиганства, исключая ч. 2 ст. 111 УК РФ из норм, образующих насилие, предусмотренное пунктом «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

⁹ Белов М. Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2021. № 10. С. 25–28.

¹⁰ По мнению Д. Д. Харламова, при решении вопроса о квалификации преступления при конкуренции части и целого сравниваться должны санкция ч. 1 ст. 213 УК РФ и санкции в тех частях ст. 111 и 112 УК РФ, где предусматриваются квалифицирующие признаки, характеризующие наличие хулиганских побуждений, т.к. хулиганский мотив всегда подразумевается при причинении вреда здоровью в процессе совершения хулиганства.

¹¹ Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2022. № 6. С. 82–100.

¹² Подробнее см.: Жадяева М. А., Янина И. Ю. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2022. № 2. С. 21–26.

№ 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»¹⁴ (далее — постановление № 45), нацеливающий на дополнительную оценку по нормам гл. 16 УК РФ действий хулигана, причинившего физический вред, т.к. состав ч. 1 ст. 213 УК РФ не содержит такого объективного признака, как применение насилия¹⁵.

Отсутствие универсального подхода к реализации закона объективизирует потребность официальных разъяснений со стороны Верховного Суда РФ. Существенная содержательная трансформация ст. 213 УК РФ и увеличение числа норм, запрещающих деяния, объективно сходные с составом хулиганства, требуют принятия нового практикоориентирующего акта, а не модернизации действующего, как предлагают отдельные ученые¹⁶.

При определении насилия следует, на наш взгляд, исходить из того, что норма о хулиганстве не является общей по отношению к нормам о преступлениях против личности из хулиганских побуждений, т.к. по содержанию соответствующие составы гл. 16 УК РФ запрещают не разновидность хулиганства, что необходимо для верификации их в качестве специальных, а порицают действия, отличные от хулиганства и по непосредственному объекту, и по направленности умысла.

По конструкции состав п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ является сложным единичным преступлением, включающим несколько самостоятельных преступных деяний, причиняющих вред

общественному порядку и физической неприкосновенности, выступающих отдельными частями нормы-целого. Оценочный характер описания криминального способа в норме о хулиганстве ориентирует на широкий диапазон норм-частей, запрещающих причинение физического вреда: от побоев до тяжкого вреда здоровью. Решая вопрос о характере вреда, входящего в категорию насилия, предусмотренного пунктом «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, следует исходить из карательного потенциала санкций нормы-целого и норм-частей, принимая во внимание не только максимальный размер самого строгого наказания, но и наличие альтернативных видов наказаний и их репрессивность. Уступая в объеме наказуемости статье о хулиганстве, статья 116 и часть 2 ст. 115 УК РФ, безусловно, могут быть оценены в качестве норм-частей п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, не требующих вменения в силу приоритета нормы-целого. Альтернативность санкции части 1 ст. 213 УК РФ, закрепляющей четыре вида наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в качестве аналога лишения свободы, в том числе принудительные работы, заменяющие лишение свободы в силу специальных правил назначения (ст. 53.1 УК РФ), свидетельствует о меньшем репрессивном потенциале санкции нормы о хулиганстве по сравнению с безальтернативной относительно-определенной санкцией статьи об умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью. Следовательно, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в процессе хулиганства подлежит самостоятель-

¹³ Так, одни суды соглашались с квалификацией, данной органами предварительного расследования, вменяя совокупность п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ и соответствующую часть ст. 213 УК РФ лицам, причинившим легкий вред здоровью в процессе хулиганства. См., например: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2022 № 77-6406/2022, оставившее в силе приговор Балашихинского городского суда Московской области от 04.03.2022, и апелляционное определение Московского областного суда от 28.06.2022 в отношении Д. и Р., осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 112 и ч. 2 ст. 213 УК РФ. Другие суды исключают пункт «а» ч. 2 ст. 112 и статью 116 УК РФ из объема обвинения как излишне вмененные, привлекая нарушителя общественного порядка к ответственности по п. «а» ч. 1 или ч. 2 ст. 213 УК РФ. См., например: приговоры Воркутинского городского суда Республики Коми от 25.04.2022 по уголовному делу № 1-135/2022 ; Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 27.04.2022 по уголовному делу № 1-104/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

¹⁵ Выявленные судом апелляционной инстанции нарушения норм материального права, ссылки на утраченный актуальность в связи с изменением ч. 1 ст. 213 УК РФ пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 послужили основанием для отмены приговора Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 23.09.2021 в отношении Т. и С., осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 213 УК РФ. См.: апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 14.12.2021 по уголовному делу № 22-10204/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Подробнее см.: *Жадяева М. А., Янина И. Ю.* Указ. соч.

ной оценке, составляя совокупность с составом ст. 213 УК РФ.

Законодательной неопределенностью отличается не только физическое, но и психическое насилие, образующее объективную сторону хулиганства (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Отсутствие нормативных ограничений характера угроз, сопровождающих большинство демонстративно-агрессивных действий, нарушающих общественный порядок, позволяет вменять указанный состав лицам, угрожающим причинением незначительного физического вреда, что вряд ли соответствует той степени общественной опасности хулиганства, которую заложил законодатель, отнеся указанный состав к преступлениям средней тяжести.

На наш взгляд, криминообразующий характер имеют только угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при условии реальности и действительности. Ограничительное толкование анализируемого объективного признака в новом постановлении позволит выдержать анализируемый состав в рамках заданного законодателем уровня общественной опасности и исключит необоснованно широкое применение нормы о хулиганстве на практике.

Резюмируя настоящее исследование в части правовой оценки насилия, применяемого в ходе хулиганства, следует обратить внимание на спорный подход высшей судебной инстанции к квалификации физического вреда, причиненного дебоширом представителю власти, пресекающему грубое нарушение общественного порядка. Нацеливая в п. 9 постановления № 45 на вменение совокупности ч. 2 ст. 213 и соответствующей части ст. 318 УК РФ в случаях, когда сопротивление сопряжено с насилием, опасным и неопасным для жизни и здоровья представителя власти, флагман органов правосудия ориентирует на дублирование ответственности при оценке вреда, не повлекшего расстройства здоровья. Строгость санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ сигнализирует о необходимости дополнительной оценки действий хулигана, причинившего вред здоровью (любой тяжести) должностному лицу при исполнении. Состав же ч. 1 ст. 318 УК РФ и по содержанию атрибутивных признаков, и по репрессивности санкции

полностью укладывается в деяния, описанные частью 2 ст. 213 УК РФ. Ориентир органов уголовной юстиции в новом толкующем акте на исключение совокупности ч. 2 ст. 213 и ч. 1 ст. 318 УК РФ в случаях применения насилия, неопасного для жизни и здоровья, в процессе сопротивления представителю власти исключит кумуляцию уголовной ответственности, обеспечив реализацию принципа справедливости.

Переходя к анализу сложившихся подходов к определению «вооруженного» хулиганства, следует обратить внимание на существенные сдвиги в структуре виновных, привлекаемых к ответственности по ст. 213 УК РФ, которые произошли в связи с изменением закона в 2020 г. Данные, представленные в таблице, отражают растущий практический спрос на квалифицированный состав хулиганства, удовлетворяемый преимущественно не за счет сокращения основного состава, а за счет расширения применения ст. 213 УК РФ. Содержательная трансформация указанной нормы в 2020 г. повлекла двукратное увеличение числа осужденных за хулиганство (с 531 в 2020 г. до 952 в 2023 г.), при этом количество лиц, осужденных по ч. 2 ст. 213 УК РФ, возросло в шесть раз (с 134 до 830, что в относительных показателях составляет 519,40 %), а по ч. 1 — сократилось в два раза (с 321 до 119, что соответствует 62,93 %).

Сигнализируя о характерности соответствующего способа для действий, дестабилизирующих общественный порядок, выявленная динамика актуализирует вопрос обоснованности сохранения расширительного толкования признака «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» для целей реализации ст. 213 УК РФ в новой редакции.

Следует отметить, что дефинирование рассматриваемого объективного признака в постановлении № 45 вызывает критику представителей правовой доктрины, усматривающих отступление от буквы закона при конкретизации действий, образующих применение оружия в процессе хулиганства, а также нарушение логического закона тождества и системности права в оценке криминального использования негодного оружия и предметов, имитирующих оружие¹⁷. В частности, законодательное отне-

¹⁷ Подробнее см.: Волженкин Б. В. Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 25 ; Парог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 104–112 ; Сидоренко Э. Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 69–72.

сение поражающего конструктивного назначения в числе атрибутивных признаков оружия¹⁸ исключает, по мнению криминалистов, содержательное наполнение применения оружия и предметов, используемых в качестве оружия, действиями, выходящими за целевую эксплуатацию соответствующих средств¹⁹. Справедливости ради следует отметить, что на практике отсутствует единый подход к оценке действий лица, причинившего физический вред оружием, но без использования его конструктивных (боевых) характеристик, обеспечивающих поражение цели. Например, нанесение повреждения не острием, а рукоятью ножа, не в результате выстрела, а ударом пистолетом, в одних случаях квалифицируется как применение оружия²⁰, а в других — как применение предметов, используемых в качестве оружия²¹. Различаясь в части содержания инкриминируемого признака, оба подхода учитывают криминальное использование конструктивных свойств и функциональных характеристик соответствующих устройств, будучи ориентированными на более строгую санкцию квалифицированного состава.

В оценке действий, образующих хулиганство, Пленум Верховного Суда РФ к применению относит «действия, направленные на использование» оружия или предметов, используемых в качестве оружия для физического и психического воздействия на потерпевшего, а также «иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия» (п. 2 постановления № 45). Указанная трактовка, по справедливому замечанию Б. В. Волженкина, не вытекает из текста уголовного закона, т.к. действия, направленные на использование оружия, не есть использование, равно как действия, свидетельствующие о намерении применить оружие, далеко не применение, о котором говорит закон²².

Разъяснения Пленума, нацеливающие на вменение признака вооруженности лицу, за действующему в ходе нарушения общественного порядка незаряженное, негодное либо декоративное оружие (п. 4 постановления № 45), идут вразрез с его же пониманием использования бутафории и суррогатов оружия в процессе разбоя²³ и бандитизма²⁴, исключая

¹⁸ На основании ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» оружие — это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

¹⁹ Подробнее см.: *Корин И. С.* О криминалистической трактовке понятия применения огнестрельного оружия // *Российский следователь*. 2014. № 10. С. 3–6 ; *Галимов И. Х.* Ответственность за разбой: вопросы теории и практики // *Российский следователь*. 2003. № 10. С. 32–34 ; *Сидоренко Э. Л.* Указ. соч.

²⁰ Например, Президиум Верховного Суда РФ согласился с оценкой действий осужденного, нанесшего в процессе разбойного нападения потерпевшему телесные повреждения пистолетом, как применения оружия. См.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.09.2005 № 491П2005 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Например, судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда исключила квалифицирующий признак «с применением оружия» из обвинения М., использующему автомат АК-74 для нанесения ударов рядовому К., указав, что применение оружия охватывает использование только боевых свойств оружия, что напрямую следует из ст. 1 Федерального закона «Об оружии». См.: Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

²² *Волженкин Б. В.* Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях... С. 25.

²³ В соответствии с абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2), если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии другихотячающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью 1 ст. 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, — как грабеж.

²⁴ На основании п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997.

щим соответствующий объективный признак, ориентируя, по сути, на объективное вменение, что недопустимо в силу ч. 2 ст. 5 УК РФ.

Содержательная проработанность п. 2, 4 постановления № 45 свидетельствует об осознанной позиции флагмана органов уголовной юстиции в отношении расширительного толкования закона для целей реализации ч. 1 ст. 213 УК РФ в старой редакции. Соответствующий подход не только позволял использовать предупредительные резервы уголовного закона в ситуации декриминализации хулиганства, создавая условия для привлечения к ответственности «вооруженных» нарушителей общественного порядка, но и укладывался в содержание состава ч. 1 ст. 213 УК РФ, объективная сторона которого (в отличие от разбоя) не охватывала насилие, исключая безопасность жизни и здоровье из числа объектов дополнительной охраны, а именно данные блага страдают в случаях задействования поражающих свойств оружия и предметов, используемых в качестве оружия в криминальных целях. Общественный же порядок, выступая обязательным объектом хулиганства, подвергается деструктивному воздействию при применении оружия и его аналогов вне цели поражающего воздействия (например, беспорядочная стрельба в общественном месте).

Закрепление насилия в числе альтернативно-обязательных признаков хулиганства и перенос вооруженности в квалифицированный состав требуют ограничить определение анализируемого признака, исключив из него использование в процессе хулиганства оружия вне целевого назначения, а также демонстративное использование негодного, незаряженного и бутафорского оружия. Сохранение расширительного толкования признака вооруженности применительно к действующей редакции ст. 213 УК РФ сопряжено не только с игнорированием принципа системности права, но и с нарушением требований, предъявляемых

к содержанию квалифицированных составов преступлений.

По правилам юридической техники признак, отнесенный к квалифицирующим, должен обеспечивать существенный перепад в уровне общественной опасности деяния по сравнению с деянием основного состава²⁵. Применение же в процессе хулиганства негодного, бутафорского или игрушечного оружия не влечет существенного повышения степени опасности действий, нарушающих общественный порядок, т.к. фактически не угрожает жизни и здоровью потерпевшего, однако по действующей редакции постановления № 45 оцениваться они будут по ч. 2 ст. 213 УК РФ, входящей в категорию тяжких преступлений.

Следование позиции Пленума Верховного Суда РФ в определении вооруженности нивелирует различия между криминообразующими и дифференцирующими признаками состава. Распространенность использования в процессе нарушения общественного порядка оружия и мундштука не для поражения живой цели, а для дестабилизации общественного спокойствия, демонстрации пренебрежительного отношения к социальным нормам, привлечения внимания, исключает нетипичность соответствующего квалифицирующего признака для большинства деяний, закрепленных в основном составе. Игнорирование правил юридической техники о содержании квалифицированного состава в части требования нехарактерности квалифицирующего признака для деяний основного состава и существенного перепада в уровне общественной опасности квалифицированного состава по сравнению с основным сводит к минимуму сферу применения ч. 1 ст. 213 УК РФ и влечет искусственное повышение степени социальной опасности преступления, что уже наблюдается применительно к изучаемому составу, судя по статистическим данным, представленным в таблице, демонстрирующим растущую востребованность ч. 2 ст. 213 УК РФ и сокращение применения ч. 1.

№ 3) обязательным признаком банды, предусмотренным статьей 209 УК РФ, является вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия. Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.

²⁵ Подробнее см.: Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 182–183.

Заключение

Стимулируя практическую реализацию, очередное реформирование ст. 213 УК РФ в конце 2020 г. актуализировало вопросы, связанные с определением объема вреда, являющегося следствием насилия, применяемого в процессе хулиганства, и допустимостью пролонгации подходов к оценке «вооруженного» хулиганства, базирующихся на расширительном толковании Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака для целей реализации ст. 213 УК РФ в старой редакции.

Критически оценивая доктринальные подходы к дефинированию насилия для целей реализации п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, автор, учитывая карательный потенциал санкций норм о хулиганстве и преступлениях против личности, предлагает по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ квалифицировать действия, связанные с нанесением побоев или причинением легкого вреда здоровью.

Отсутствие нормативных ограничений характера угроз, сопровождающих большинство демонстративно-агрессивных действий, нарушающих общественный порядок, позволяет вменять состав ст. 213 УК РФ лицам, угрожающим причинением незначительного физического вреда, что вряд ли соответствует той степени общественной опасности хулиганства, которую заложил законодатель, отнеся указанный состав к преступлениям средней тяжести. В работе предлагается ограничительно толковать указанный объективный признак состава хулиганства, относя к нему только угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Выявленное в процессе исследования отсутствие универсального подхода к оценке действий, образующих насильственное хулиганство, объективизирует потребность в официальных разъяснениях в новом акте, ориентирующем следственно-судебные органы в вопросах применения законодательства об уголовной ответственности за хулиганство и иные преступления, совершаемые из хулиганских побуждений.

Единство практики обеспечит конкретизация в новом толкующем документе действий, образующих физическое и психическое насилие при хулиганстве, а ориентир на исключение совокупности ч. 2 ст. 213 и ч. 1 ст. 318 УК РФ в случаях применения насилия, неопасного для жизни и здоровья, в процессе сопротивления представителю власти исключит допускаемое сегодня удвоение ответственности.

Обязательность разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и сохранение вооруженности в числе признаков хулиганства в новой редакции ст. 213 УК РФ исключают критическую оценку органами уголовной юстиции официального толкования соответствующего объективного признака. Следуя ориентирам, заданным высшей судебной инстанцией, правоохранительные органы формально не нарушают закон, но фактически реализуют нормативные предписания без учета действующей редакции уголовного запрета. Содержательные изменения состава хулиганства в 2020 г. деактуализируют разъяснения высшей судебной инстанции признака вооруженности, т.к. толкуют положения закона, утратившие силу. Закрепление насилия в числе альтернативно-обязательных признаков хулиганства и перенос вооруженности в квалифицированный состав требуют ограничить определение анализируемого признака, исключив из него использование в процессе хулиганства оружия вне целевого назначения, а также демонстративное использование негодного и бутафорского оружия. Пролонгация расширительного толкования признака вооруженности не только влечет внесистемное применение закона, но и сопряжено с нарушением требований, предъявляемых к содержанию квалифицированных составов преступлений.

Игнорирование правил юридической техники в части требования о существенном перепаде в уровне общественной опасности квалифицированного состава и нехарактерности квалифицирующего признака для деяний основного состава исключает дифференцирующее значение квалифицирующего признака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аистова Л. С.* Хулиганство как преступление против личности // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 34–38.
Белов М. Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2021. № 10. С. 25–28.
Волженкин Б. В. Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // Уголовное право. 2008. № 1.

- Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 17–22.
- Галимов И. Х. Ответственность за разбой: вопросы теории и практики // Российский следователь. 2003. № 10. С. 32–34.
- Жадяева М. А., Янина И. Ю. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2022. № 2. С. 21–26.
- Иванов Н. Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 53–61.
- Иванов Н. Г., Косырев И. И. Современный метаморфоз уголовно наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 34–38.
- Иванцова Н. Перспектива хулиганства — его декриминализация // Законность. 2004. № 11. С. 37–40.
- Ильичев В. А. Несовершенство уголовно-правового законодательства снижает эффективность борьбы с преступностью // Право и политика. 2005. № 10. С. 115–117.
- Кашепов В. П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 105–118.
- Кашепов В. П. Об особенностях современного уголовно-правового законодательства // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 74–87.
- Колоколов Н. А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. С. 18–24.
- Корин И. С. О криминалистической трактовке понятия применения огнестрельного оружия // Российский следователь. 2014. № 10. С. 3–6.
- Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 300 с.
- Рарог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 104–112.
- Сидоренко Э. Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 69–72.
- Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2022. № 6. С. 82–100.

REFERENCES

- Aistova LS. Khuliganstvo kak prestuplenie protiv lichnosti [Hooliganism as a crime against the person]. *Kriminalist*. 2010;1(6):34-38. (In Russ.).
- Belov MN. Constituent elements of «hooliganism» in the Criminal Code of the Russian Federation: a tempol transformation. *Russian Judge*. 2021;10:25-28. (In Russ.).
- Galimov IKh. Responsibility for robbery: questions of theory and practice. *Russian Investigator*. 2003;10:32-34. (In Russ.).
- Ilyichev VA. Imperfection of criminal law reduces the effectiveness of the fight against crime. *Pravo i politika*. 2005;10:115-117. (In Russ.).
- Ivanov NG, Kosyrev II. Modern metamorphosis of criminal hooliganism. *Rossijskaja Justicia*. 2008;1:34-38. (In Russ.).
- Ivanov NG. Hooliganism as a crime: a critical view. *State and Law*. 2009;6:53-61. (In Russ.).
- Ivantsova N. The prospect of hooliganism is its decriminalization. *Zakonnost*. 2004;11:37-40. (In Russ.).
- Kashepov VP. On guarantees of criminal legal protection of personal security. *Journal of Russian Law*. 2005;12:105-118. (In Russ.).
- Kashepov VP. On the features of modern criminal law making. *Journal of Russian Law*. 2005;4:74-87. (In Russ.).
- Kharlamov DD. Debating issues of qualification of hooliganism. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2022;6:82-100. (In Russ.).
- Kolokolov NA. The fight against hooliganism: the crisis of legal regulation. *Russian Investigator*. 2004;11:18-24. (In Russ.).
- Korin IS. On the forensic interpretation of the concept of the use of firearms. *Russian Investigator*. 2014;10:3-6. (In Russ.).

Kruglikov LL, Vasilevsky AV. Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg: Legal Center-Press; 2002. (In Russ.).

Rarog AI. Binding Nature of Clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(5):104-112. (In Russ.).

Sidorenko EL. Armed hooliganism: paradoxes of criminalization. *Obshchestvo i parvo*. 2015;1(51):69-72. (In Russ.).

Volzhenkin BV. Decision of the Plenum of the Supreme Court on judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives. *Criminal Law*. 2008;1:25. (In Russ.).

Volzhenkin BV. Hooliganism. *Criminal Law*. 2007;5:17-22. (In Russ.).

Zhadyaeva MA, Yanina IYu. Public danger of «violent» and «armed» hooliganism: problems of legislative technology and law enforcement. *Russian Judge*. 2022;2:21-26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
д. 17, Северной Двины наб., г. Архангельск 163002, Российская Федерация
n.scripchenko@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina Yu. Skripchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation
n.scripchenko@narfu.ru

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 03.09.2024.

Revised 07.09.2024.

Accepted 15.03.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.063-079

С. Л. Кисленко

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Криминалистическое обеспечение выявления угроз нападения на объекты топливно-энергетического комплекса с использованием автоматизированных беспилотных комплексов

Резюме. Энергетические системы всех стран мира в условиях вооруженных конфликтов всё чаще подвергаются не только кибератакам, но и внешним физическим атакам, в том числе с использованием передовых технологий (например, беспилотных аппаратов). Поскольку от функционирования таких систем зависит национальная безопасность страны, актуализируются вопросы своевременного пресечения подобных атак и выявления лиц, их осуществляющих. Немаловажная роль в данном процессе отводится криминалистическим средствам, приемам и методам расследования преступлений. В этом направлении выделяются проблемные аспекты, связанные с характеристиками объектов энергетического комплекса, технологиями их функционирования, типами беспилотных аппаратов и их конструктивными особенностями, а также современными техническими и кадровыми возможностями правоохранительных органов по обеспечению процесса обнаружения, фиксации и изъятия следовой информации. На уровне деятельности правоохранительных органов криминалистика должна реализовывать свою обеспечительную функцию в аспектах совершенствования технических, тактических и методических разработок в области расследования актов незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетического сектора. Настоятельно требуют решения вопросы, связанные с технической оснащённостью следственных органов в целях эффективного выявления и сбора полной следовой и доказательственной информации.

Ключевые слова: энергетика; национальная безопасность; криминалистика; методика расследования преступлений; технико-криминалистические средства; беспилотные аппараты; топливно-энергетический комплекс; угроза; безопасность

Для цитирования: Кисленко С. Л. Криминалистическое обеспечение выявления угроз нападения на объекты топливно-энергетического комплекса с использованием автоматизированных беспилотных комплексов. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 63–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.063-079

Forensic Support for Identifying Threats of Attack on Objects of the Fuel and Energy Complex Using Automated Unmanned Systems

Sergey L. Kislenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In armed conflicts, energy systems of all countries of the world are increasingly exposed not only to cyber attacks, but also to external physical attacks, including attacks with the use of advanced technologies (for example, unmanned aerial vehicles). Since the national security of the country depends on the functioning of such systems, the issues of timely suppression of such attacks and identification of persons carrying them out are

© Кисленко С. Л., 2025

updated. An important role in this process is given to forensic means, techniques and methods of investigating crimes. In this regard, the paper determines problematic aspects related to characteristics of the objects of the energy complex, technologies of their functioning, types of unmanned vehicles and their design features, as well as modern technical and personnel capabilities of law enforcement agencies to ensure the process of detection, recording and seizure of trace information. At the level of law enforcement agencies, forensic science should exercise its security function in terms of improving technical, tactical and methodological developments in the field of investigating acts of illegal interference in the activities of energy sector facilities. Currently, there is an urgent need to address issues related to the technical equipment of investigative agencies in order to ensure the effective detection and collection of complete trace and evidentiary information.

Keywords: energy; national security; forensics; crime investigation methodology; technical and forensic means; unmanned vehicles; fuel and energy complex; threat; safety

Cite as: Kislenco SL. Forensic Support for Identifying Threats of Attack on Objects of the Fuel and Energy Complex Using Automated Unmanned Systems. *Lex russica*. 2025;78(4):63-79. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.063-079

Введение

Одним из ключевых критериев функционирования современного государства является его способность обеспечивать национальную безопасность. Важной составляющей последней выступает энергетическая безопасность, поскольку обеспечение населения энергией определяет устойчивость развития любого государства, защиту экономических, социальных, экологических и других ресурсов. В связи с этим энергетическую безопасность следует одновременно рассматривать и как элемент системы национальной безопасности¹ (наряду с экономической, социальной, оборонной и другими составляющими), и как самостоятельное многофакторное явление, отражающее экономические, управленческие и многие другие показатели страны в сфере стабильного функционирования национальной энергетической инфраструктуры. При этом в современных условиях растущих геополитических, экономических и социальных всплесков отмечается тенденция к расширению понятия «энергетическая безопасность» за счет интеграции энергетических аспектов в целый ряд практических сторон человеческой жизни (политика, экономика, экология, инфраструктура и др.)². В частности, современная энергетика должна отражать как национальные приоритеты, так и международные стратегии, которые гарантировали бы оперативное и скоординированное реагирование на экстренные ситуации, связанные с оборотом энергоресурсов.

Составляющие энергетической безопасности коррелируются с национальными особенностями и потребностями конкретного государства. От роли, которую играет страна на энергетическом рынке (производитель, потребитель, транзитное государство), зависят ее цели в области энергетической безопасности. В этом плане вопрос энергетической безопасности в Российской Федерации носит многоаспектный характер, поскольку наше государство занимает одно из ведущих мест как в области добычи, потребления, так и в сфере экспорта энергетических ресурсов. Поэтому отечественная энергетическая безопасность всё чаще сталкивается с системными вызовами, требующими обеспечения одновременно надежности, регулярности и достаточности добычи, переработки, поставки (транспортировки, транзита) энергетических ресурсов как на внутренний, так и на внешний рынок.

Мировой энергетический совет (МИРЭС) оценивает энергетическую безопасность с позиций способности любого государства удовлетворять текущие и перспективные потребности в энергии, а также противостоять и быстро, с минимальными потерями восстанавливаться в случаях системных потрясений. В этих целях им был введен в оборот «индекс энергетической трилеммы» (World Energy Trilemma Index, WETI), согласно которому каждому государству необходимо соблюдать баланс между тремя составляющими: энергетической безопасностью, энергетическим равенством (всеобщей

¹ См.: Гаврилин А. В. Системный подход к управлению топливно-энергетическим комплексом : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Саратов, 2004. С. 4.

² Мастепанов А. М., Чigareв Б. Н. The energy trilemma index как оценка энергетической безопасности // Энергетическая политика. 2020. № 8. С. 66–83.

доступностью энергии) и экологической устойчивостью (поиском решений в пользу доступной «зеленой» энергии)³.

При всей прогрессивности WETI нельзя не отметить декларативность ряда его принципиальных положений (например, «безопасность через партнерство», связь энергетической безопасности Европы со стабильностью и эффективностью развития и совершенствования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) РФ и др.), которые в последнее время утрачивают свою значимость. Отчасти это объясняется тем, что WETI — это инструмент внешнеполитического и экономического воздействия на государство. В частности, данный индекс учитывает основные макроэкономические показатели страны, характер управления, отражает стабильность национальной экономики и при-

влекательность страны для инвесторов. Так, в период 2018–2020 гг. Россия демонстрировала уверенный рост в мировой энергетической сфере (поднялась в индексе WETI на 30 позиций). Представляется, что такое положение дел не совсем устраивало наших западных «контрагентов». В результате в последнее время отмечается заметный рост актов незаконного вмешательства в функционирование объектов энергетической инфраструктуры. Целями атак становятся: объекты генерации электроэнергии, трансформаторные подстанции, нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ), нефте- и газопроводы и пр. Как и ранее, выбор таких объектов, согласно статистике Global Terrorism Database, соответствует целям и принципам террористической деятельности (см. данные в таблице)⁴.

Террористические атаки на объекты энергетики, 1970–2018 гг.

Цель	Число террористических актов	Нанесенный ущерб, тыс. долл.
Объекты электроэнергетики	4 282	45 731
Нефтяные объекты	1 230	234 551
Нефтегазовые энергетические компании	110	61 709
Газовые объекты	581	10 976
Нефтяные танкеры	23	1 956 522

Так, с начала мая 2024 г. удары с использованием беспилотных летальных аппаратов (БПЛА) пришлось по НПЗ ряда крупнейших российских компаний, таких как Рязанский НПЗ «Роснефти» (1 мая), НПЗ компании «Газпром нефтехим Салават» в Республике Башкортостан (9 мая), Волгоградский НПЗ ЛУКОЙЛа (12 мая), Туапсинский НПЗ «Роснефти» (17 мая) и т.д. Представляется, что такими действиями коллективный Запад пытается подорвать энергетическую стабильность нашего государства, нанести ему непоправимый урон в экономической сфере и дестабилизировать социум.

В отличие от МИРЭС, в Доктрине энергетической безопасности РФ⁵ понятие «энергетическая безопасность» рассматривается через призму состояния защищенности экономики и населе-

ния страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных отечественным законодательством требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств. Такой расширенный подход к пониманию энергетической безопасности во взаимосвязи с остальными элементами национальной безопасности государства вполне обоснован. Объясняется это отчасти тем, что в условиях современных геополитических и экономических вызовов посягательства на состояние стабильного функционирования энергетической системы России наносят ей непоправимый вред. Это может выражаться в потерях экономического (например, падение привлекатель-

³ См.: World Energy Council, World Energy Trilemma Index 2019. London, 2019. P. 13. URL: <https://www.marshmcclennan.com/assets/insights/publications/2019/sep/world-energy-trilemma-index-2019-full.pdf> (дата обращения: 25.08.2024).

⁴ См.: Лаврухин М. Терроризм в энергетической промышленности // Энергетическая политика. 2023. № 1. С. 24–37.

⁵ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

ности отечественного энергетического сектора для внешних инвесторов) и политического (утрата доверия потенциальных потребителей или транзитных государств) характера, социальных всплесках (вызванных падением стабильности обеспечения национальной инфраструктуры энергоресурсами) и пр.

В связи с этим угрозы и риски в области энергетической безопасности освещены в Доктрине в первую очередь через призму внешних (политических, экономических) вызовов России. Не умаляя опасность внутренних угроз, следует констатировать, что в современных геополитических реалиях — проведения специальной военной операции и санкционной политики западных держав в отношении России — именно внешние и трансграничные угрозы ставят отечественную энергетику перед лицом неизбежных и необходимых инновационных изменений. Они должны быть направлены на противодействие и минимизацию причиненного ущерба энергетической сфере, полученного в результате актов незаконного вмешательства. При этом недостаточная готовность организаций энергетического комплекса к функционированию в случае реализации военно-политических угроз, постоянные модификации технологий террористической и диверсионной деятельности со стороны злоумышленников, стремительное развитие цифровизации и автоматизации процессов в энергетической сфере создают плодородную почву для появления всё новых угроз инфраструктуре и объектам отечественной энергетики.

Постановка проблемы

События последних лет заставляют пересмотреть традиционные подходы к технологиям

обеспечения безопасности. На первый план выходит концепция защищенности и жизнеспособности объектов и инфраструктуры (особенно критической) энергетической системы в случае реализации угроз⁶.

Флагманская роль в данном процессе должна, конечно, отводиться законодательной инициативе, поскольку без модификации нормативных источников практически средства и методы в сфере обеспечения безопасности мертвы. И в этом плане отечественный законодатель не стоит на месте. В частности, был закреплен статус воздушного пространства над объектами ТЭК в качестве зон ограничения полетов⁷. А учитывая то, что безопасность объектов ТЭК обеспечивалась в 80 % случаев силами частных охранных предприятий, были внесены изменения в Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁸, согласно которым частным охранникам предоставлено право пресекать функционирование беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов при оказании охранных услуг⁹. Согласно Федеральному закону от 30.01.2024 № 2-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰ с 1 сентября 2024 г. правом пресекать работу беспилотных аппаратов в целях защиты объектов транспортной инфраструктуры наделяются подразделения транспортной безопасности.

Однако, несмотря на то что в России активно ведется работа по законодательному регулированию, а также совершенствованию и внедрению наиболее передовых средств и методов защиты объектов энергетики, следует констатировать, что любые системы защиты, как пра-

⁶ Яркий тому пример — постановление Правительства РФ от 01.03.2024 № 258 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) промышленности, находящихся в ведении или относящихся к сфере деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 11. Ст. 1512.

⁷ Постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1809 «Об обеспечении особого режима защиты от актов незаконного вмешательства в зонах безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, включенных в перечень отдельных объектов топливно-энергетического комплекса, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса с описанием местоположения границ таких зон» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7308.

⁸ Российская газета. 1992. 30 апреля.

⁹ Федеральный закон от 04.08.2023 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6172.

¹⁰ СЗ РФ. 2024. № 6. Ст. 765.

вило, догоняют технологии нападения. Кроме того, по словам заместителя Председателя Правительства РФ А. Новака, наличие систем защиты не исключает полностью попыток атак на объекты энергетики¹¹.

Последнее обстоятельство обуславливает необходимость постоянного совершенствования средств, приемов и методов как своевременного противодействия, так и оперативного выявления и расследования преступлений в анализируемой сфере. И здесь ключевая обеспечительная роль должна, по нашему глубокому убеждению, отводиться криминалистической науке, поскольку следование только правовым предписаниям не всегда позволяет эффективно решать задачи правоприменительной деятельности в соответствии с динамично развивающимися ситуациями. В связи с этим криминалистические технологии деятельности призваны конкретизировать, углублять, развивать правовые модели, формируя эффективные механизмы их реализации.

Проблемные аспекты концепции обеспечения безопасности объектов энергетического комплекса

Потенциальная связь концепции обеспечения безопасности объектов энергетического комплекса с криминалистической наукой объясняется тем, что современная криминалистика располагает обширным арсеналом эффективных технических, тактических и методических средств расследования, на базе которого могут формироваться практически любые технологии правоприменительной деятельности. Не является исключением и такая сфера криминалистического обеспечения, как предотвращение, выявление и расследование актов незаконного вмешательства в деятельность объектов ТЭК.

Тем более что большинство средств и технологий защиты, применяемых в данном направлении, имеет в качестве своего первоначального предназначения использование при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и проведении предварительного расследования. В частности, положения криминалистической методики эффективно себя зарекомендовали при расследовании целого ряда преступлений в сфере энергетики¹².

Следует отметить, что современные потребности обеспечения пресечения и расследования актов незаконного вмешательства в деятельность объектов ТЭК требуют соответствующей корректировки традиционных криминалистических рекомендаций с учетом особенностей таких объектов и механизмов преступных посягательств. И это касается не только методик выявления и расследования «традиционных» преступлений в данной сфере (хищений, коррупции, производства и продажи контрафактной продукции и пр.), рост которых в последнее время сопровождается совершенствованием технологий реализации их механизмов. В частности, преступники используют современные приемы маскировки криминальных врезок в магистральные нефте- и газопроводы, БПЛА для мониторинга их состояния, устройства для контролируемого слива нефтепродуктов и др.

Поэтому даже в рамках данных преступных посягательств необходимо учитывать, что отдельные составляющие методик их расследования детерминированы целым рядом факторов, относящихся как к характеристикам самих объектов посягательств, так и к механизмам их реализации¹³. Объекты энергетической инфраструктуры могут различаться по своим параметрам на площадные (например, НПЗ), линейные (например, газопроводы) и др. Последние (например, трансграничные трубопроводы) за-

¹¹ См.: А. Новак исключил стопроцентную защиту объектов ТЭК от атак // РБК Новости. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/05/2024/664e31359a794728b13d7d9c> (дата обращения: 25.08.2024).

¹² См.: *Нигметов Н. А.* Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса: на примере Северо-Западного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008 ; *Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И.* Расследование преступлений, совершаемых на предприятиях топливно-энергетического комплекса : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024.

¹³ Активное внедрение цифровых технологий Индустрии 4.0 в рамках внешнеторговой деятельности государств ЕАЭС и БРИКС способствовало появлению эффективных современных технологий в области противодействия и пресечения ряда преступных деяний (особенно хищения грузов). Например, оборудование морских, железнодорожных, авиационных и других контейнеров цифровыми маркерами позволяет непрерывно отслеживать нахождение внутри данного контейнера каждой единицы пере-

частую выступают объектами транснациональных криминальных деяний, когда посягательства на право собственности на энергоресурсы, принадлежащие одному государству, совершаются на территории другого государства. Это предопределяет необходимость модернизации ряда классических рекомендаций методик расследования преступлений в русле транснациональной природы отдельных их подвидов.

Транснациональный характер преступлений требует тщательного анализа как нормативно-правовой базы, регламентирующей функционирование объекта энергетического комплекса за пределами РФ, так и особенностей технологических процессов и пр. При этом непосредственное изучение характера деятельности таких предприятий и сбор сведений, характеризующих обстановку на исследуемом объекте, зачастую затруднены ввиду их нахождения за пределами РФ. Представляется, что ключевым организационным компонентом методики расследования анализируемых видов преступных деяний должно выступать тесное взаимодействие между подразделениями органов внутренних дел разных стран.

Необходимо учитывать, что система безопасности объектов энергетики, как правило, складывается из целого комплекса взаимосвязанных элементов (промышленного, экономического, экологического, информационного, кадрового и др.). Это требует четкой классификации внутренних и внешних угроз безопасности и их уровней в целях разработки практико-ориентированных мер, направленных на их предупреждение и нейтрализацию, а также своевременного выявления и расследования. Соответственно, и средства криминалистического противодействия данным угрозам могут

быть задействованы разные. Например, если речь идет об обеспечении кадровой безопасности¹⁴, то в данном направлении сто́ит обратиться к криминалистическим разработкам в области использования при скрининговых¹⁵ проверках сотрудников ТЭК современных возможностей почерковедческой диагностики (например, для выявления наличия у лица различного рода психоневрологических заболеваний и психопатологических состояний), а также психофизиологических исследований с применением полиграфа (например, для выявления фактов скрытия сведений: о незаконном хранении оружия и боеприпасов, подделке служебных документов, разглашении конфиденциальной информации, участии в запрещенных — политических, религиозных — организациях).

В целом под актом незаконного вмешательства в деятельность ТЭК понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт или покушение на его совершение, угрожающее безопасному функционированию объекта ТЭК, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, повреждение или уничтожение имущества либо создавшее угрозу наступления таких последствий¹⁶. Законодательство содержит достаточно широкий перечень потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства на объектах ТЭК. К ним могут относиться угрозы: хищения, захвата; взрыва; размещения на объекте взрывных устройств; поражения опасными веществами; блокирования; технического воздействия; нападения на объект с использованием автоматизированных беспилотных комплексов¹⁷.

Следует отметить, что в условиях специальной военной операции такие новые угрозы, как

возимого товара, а также поддерживает прослеживание движения самого контейнера по маршруту (см.: *Иншакова А., Гончаров А.* Межгосударственное регулирование применения цифровых технологий Индустрии 4.0 в ЕАЭС и БРИКС // *Право и управление.* XXI век. 2023. № 1. С. 15–22).

¹⁴ В условиях специальной военной операции данная проблема становится актуальной ввиду реальности реализации целого ряда внутренних угроз: умышленного вредительства на производстве или при исполнении служебных обязанностей на объектах энергетической инфраструктуры, применения разнообразных средств для остановки деятельности различных объектов или выведения их из работоспособного состояния и пр.

¹⁵ Скрининг (от англ. screening — просеивание, отсеивание) — это процесс проверки кандидата на должность с целью выявления факторов риска, препятствующих качественному выполнению своих обязанностей и содержащих угрозы работодателю и коллективу сотрудников в целом.

¹⁶ Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4604.

¹⁷ См.: постановление Правительства РФ от 02.10.2013 № 861 «Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса об угрозах совершения и о совершении актов

возможность несанкционированного доступа на объекты ТЭК для разрушения и причинения вреда при помощи беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств, а также иных автоматизированных беспилотных комплексов, приобретают особую актуальность и требуют модернизации не только средств противодействия, но и приемов, методов выявления и расследования. Применяя БПЛА для доставки взрывных устройств, преступники способны повредить трубопроводы для транспортировки газа, нефтепродуктов и резервуары для их хранения, технологическое оборудование, которое осуществляет переработку сырья, электрооборудование объекта, важные узлы транспортной инфраструктуры и др.

Одновременно к следственной деятельности предъявляются новые требования, связанные со знанием субъектами расследования как технических характеристик средств посягательства и типовых приемов реализации их механизмов, так и специфики функционирования инфраструктур разных отраслей ТЭК (особенно это касается информации о классификации потенциальных объектов посягательства). И здесь можно выделить комплексы проблемных вопросов, которые сказываются на эффективности процесса выявления и расследования криминальных актов незаконного вмешательства на объектах ТЭК.

Технологический аспект

В первую очередь следователь должен ориентироваться в особенностях объектов той отрасли ТЭК, где произошло криминальное событие, что объективно предполагает знание соответствующего законодательства и необходимость взаимодействия со специалистами из данных отраслей. Согласно ст. 2 Закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» под объектами ТЭК понимаются те объекты, которые задействованы в отраслях промышленности ТЭК: электроэнергетической, нефтяной, газовой, торфяной, угольной

и прочих, — а также сопутствующие объекты снабжения и обеспечения. Несмотря на то что указанный Закон не расшифровывает содержание данных объектов, их перечень содержится в ряде нормативных актов, относящихся к конкретной сфере энергетики. Например, в Законе «Об электроэнергетике»¹⁸ приводится перечень объектов электроэнергетики. Под ними законодатель понимает те объекты, которые используются на всех стадиях промышленных процессов электроэнергетики (производство, передача и оперативно-диспетчерское управление), а также объекты, используемые в электросетевом хозяйстве (электростанции, энергоблоки, энергоустановки, линии электропередачи и т.п.).

Как можно заметить, классификация объектов конкретной отрасли энергетики связана со стадиями ее промышленных процессов. Так, при добыче нефти задействуются: буровые скважины, морские нефтяные платформы, насосные станции и пр. К объектам переработки нефти будут относиться, например, нефтеперерабатывающие предприятия, а к объектам транспортировки — магистральные трубопроводы, пункты перекачки нефти, танкеры; к объектам распределения — нефтебазы. При этом каждый из представленных объектов, как правило, представляет собой сложное технологическое образование. Так, нефтеперерабатывающий завод является единым имущественно-технологическим комплексом, включающим сооружения, технологические установки, оборудование и обеспечивающим осуществление первичных и вторичных процессов переработки нефти, а также производство готовой продукции¹⁹.

В данной (довольно обширной) классификации отраслевых объектов ТЭК правоохранительные органы прежде всего интересуют те из них, которые чаще всего выступают целями преступных посягательств. В первую очередь классификация подобных объектов связана с видом преступного деяния и способом его реализации. Данная связь позволяет следователю придерживаться типовых тактико-организационных алгоритмов работы при расследовании. Например, среди хищений нефтепродуктов

незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2013. № 40. Ст. 5087.

¹⁸ Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

¹⁹ См.: постановление Правительства РФ от 21.12.2009 № 1039 «О порядке подключения нефтеперерабатывающих заводов к магистральным нефтепроводам и (или) нефтепродуктопроводам и учета нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. I). Ст. 6569.

выделяют кражи путем незаконного подключения к нефтепроводам (в большинстве случаев магистрального типа). Если такое преступление совершено, например, в результате криминальной врезки, то при осмотре места происшествия рекомендуется следовать алгоритму: определение координат врезки с привязкой к километражу трассы нефтепровода; выяснение особенностей конструкции врезки; установление параметров шурфа, способа укрепления его стенок от осыпания, средств маскировки, наличия отвода и его конструкции (изготовлен из труб, шланга, комбинированный, направление); выявление вероятных причин, в силу которых врезка осуществлена именно в данном месте (безлюдность, транспортная развязка, иные факторы), и др.²⁰

Кроме того, особенности объекта посягательства определяют выбор следователем направлений взаимодействия с соответствующими сотрудниками, которые владеют информацией об осматриваемом объекте. Например, в анализируемой нами ситуации хищения из магистрального нефтепровода целесообразно обеспечить участие в осмотре места происшествия работника линейной производственно-диспетчерской станции.

Что касается объектов, являющихся потенциальными целями актов незаконного вмешательства с использованием автоматизированных беспилотных комплексов, следователю необходимо ориентироваться в их категоризации с учетом специфики конкретной отрасли ТЭК. Такие знания (в том числе полученные от соответствующих специалистов) помогут ему выдвинуть наиболее обоснованные версии о механизме преступного посягательства и характеристиках причастных к нему лиц (например, оценить степень их осведомленности о характеристиках наиболее уязвимых узлов предприятия и подготовленности к преступлению). Как правило, злоумышленники для нанесения наибольшего ущерба функционированию какого-либо предприятия ТЭК в качестве объекта посягательства выбирают цели из следующих

категорий: критически важных, взрывоопасных или объектов жизнеобеспечения. Так, согласно Методическим рекомендациям по включению объектов топливно-энергетического комплекса в перечень объектов, подлежащих категорированию, к категории взрывоопасных объектов в электроэнергетике относятся системные электрические подстанции напряжением 220 кВ и выше; в нефтяной отрасли — резервуары, склады для хранения нефти, НПЗ, склады взрывчатых веществ и материалов; к критически важным объектам в газовой отрасли — промышленные площадки добычи (установки предварительной, комплексной подготовки газа, дожимные компрессорные станции) и транспортировки (компрессорные станции с узлами подключения, газораспределительные и газоизмерительные станции) газа, а к объектам жизнеобеспечения, например, в отрасли теплоснабжения — отопительные котельные при снабжении критически важных объектов, больниц, поликлиник, детских садов и школ²¹.

Категорирование объектов ТЭК проводится с учетом степени потенциальной опасности совершения акта незаконного вмешательства и его возможных последствий. Результаты категорирования отражаются в паспорте безопасности, который составляется субъектами ТЭК. Из данного документа следователь может почерпнуть информацию, отражающую характеристику объекта, возможные последствия в результате совершения акта незаконного вмешательства, категорию объекта, состояние системы его инженерно-технической, физической защиты, пожарной безопасности²².

При выдвижении и проверке версий о возможных механизмах реализации акта незаконного вмешательства, а также субъектах преступного посягательства, их целях, степени осведомленности об инфраструктуре объекта ТЭК и уровнях их защищенности следователь должен сопоставлять последствия реализации такого акта с документацией, отражающей информацию о степени защищенности конкретного объекта. Это могут быть: планы объекта с

²⁰ См.: Салеева Ю. Е., Гуськова А. В. Актуальные вопросы предупреждения и расследования преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25. № 3. С. 128.

²¹ Приказ Министерства энергетики РФ от 10.02.2012 № 48 «Об утверждении методических рекомендаций по включению объектов топливно-энергетического комплекса в перечень объектов, подлежащих категорированию» // СПС «Гарант» (дата обращения: 04.09.2024).

²² Распоряжение Правительства РФ от 03.12.2022 № 3722-р «Об утверждении формы паспорта безопасности объекта топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. IV). Ст. 8975.

указанием мест размещения пунктов хранения разных веществ и материалов (особенно взрывоопасных и легковоспламеняющихся), технологического оборудования; чертежи зданий; план охраны объекта с указанием размещения постов и караулов, оборудования инженерно-технических средств охраны (ИТСО); материалы по техническим и функциональным характеристикам ИТСО, применяемых на объекте; инструкции о пропускном режиме на объект, другие документы по организации охраны и защиты объекта и др.

Следователь должен быть осведомлен и о правилах действия сотрудников ТЭК, частной охраны при обнаружении актов незаконного вмешательства и ликвидации их последствий. Необходимость обращения к подобным актам (должностным инструкциям) позволит следователю оценить действия конкретных служб с точки зрения возникновения рисков утраты криминалистически значимой информации. Важно учитывать, что отдельные алгоритмы действий сотрудников ТЭК и методы ликвидации аварий порой приводят к утере криминалистически значимой информации и затрудняют установление причин и способов совершения преступления. Так, при повреждении нефтепровода на поврежденном участке (который подлежит следственному осмотру) могут проводиться неотложные монтажные работы по монтажу механизмов и оборудования (например, вантузы в количестве, необходимом для обвязки насосных агрегатов, на закачку воды и откачку нефти в параллельный трубопровод). Такие работы могут привести к утрате на подлежащем осмотру участке нефтепровода следов (например, воздействия взрывного устройства).

Опрос сотрудников ТЭК и охраны позволяет получить исходную информацию о происшедшем. Так, при поступлении сигнала о выходе нефти из магистрального трубопровода, как правило, формируется и выезжает на место аварии патрульная группа с целью подтверждения сведений о выходе нефти и сбора ремонтных бригад для локализации и ликвидации аварии²³. Поэтому опрос сотрудников, первыми прибывших на место аварии, позволит получить

исходную информацию об элементах обстановки происшествия: месте и характере истечения нефти, площади загрязнения, направлении распространения разлива нефти, обнаружении на аварийном участке посторонних объектов (например, деталей БПЛА, элементов, похожих на конструктивные части взрывного устройства) и лиц. А в случае падения или проникновения беспилотного аппарата на территорию охраняемого объекта опрос сотрудников охраны позволит получить сведения: о времени и месте его обнаружения; лицах, которые его обнаружили, и их действиях (трогали или передвигали беспилотный аппарат); об обнаружении взрывного устройства или похожего на него предмета, действиях по ограничению доступа людей в зону падения БПЛА и обеспечению охраны предмета и зоны падения до прибытия сотрудников правоохранительных органов и др.

Следователю необходимо помнить, что время, прошедшее с момента преступного события до осмотра места происшествия, негативно сказывается на эффективности данного неотложного следственного действия. И оно может коррелироваться с такими факторами, как локация объекта ТЭК, его тип, что порой сказывается на своевременности прибытия на место обнаружения акта незаконного вмешательства.

Криминалистический аспект

Рассматриваемый аспект тесно переплетается с предыдущим, поскольку моделирование следователем способов совершения преступлений, типизация лиц, их реализующих, а также следов, отражающих данные элементы, так или иначе связаны с объектами посягательства, технологиями их функционирования и степенью защищенности. Как правило, в энергетических отраслях угрозы совершения актов незаконного вмешательства и вероятные способы их осуществления определяются моделью нарушителя и характером акта незаконного вмешательства²⁴. В связи с этим по результатам анализа уязвимостей конкретного объекта и с учетом потенциальных угроз в отношении него фор-

²³ См.: приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 12.04.2018 № 169 «Об утверждении Руководства по безопасности “Инструкция по ликвидации возможных аварий на подводных переходах магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов”» // СПС «Гарант» (дата обращения: 04.09.2024).

²⁴ Поэтому модель преступника как совокупность качественных и количественных характеристик нарушителя, его мотивации и преследуемых им целей используется в энергетической сфере при формирова-

мируется перечень основных сценариев актов незаконного вмешательства в отношении критических элементов²⁵. Сопоставляя эти сценарии с реальным криминальным актом, следователь может конкретизировать версии о типичности или атипичности действий преступников. Для этого необходимо тщательно ознакомиться с материалами, относящимися к системе охранной сигнализации; системе контроля и управления доступом; наличию КПП, ограждений, постов охраны; техническим и функциональным характеристикам ИТСО, применяемых на объекте, и пр. Полученная информация позволит сопоставить способ совершения преступления с категорией защищенности конкретного объекта ТЭК и выдвинуть версию о типе личности преступника.

Следователю необходимо учитывать, что преступники в своих действиях могут модифицировать тактику действий, повышающую шансы совершения ими актов незаконного вмешательства. В целом типизация нарушителей безопасности на объектах ТЭК связана с внешними или внутренними угрозами разных уровней. Так, к внешним нарушителям, представляющим повышенную опасность, относятся специально подготовленные (в основном террористической направленности) группы, целью которых является совершение террористического акта. Такие преступники характеризуются: осведомленностью о системе физической защиты объекта, его критических элементах, а также их технологических особенностях; высокой вероятностью наличия оружия (в том числе автоматического), взрывных устройств; высоким уровнем подготовки к преодолению ИТСО. А к нарушителям внутреннего типа, как правило, относятся лица из числа работников объекта, имеющие санкционированный доступ на территорию объекта и к его критическим элементам, целью которых является совершение акта незаконного вмешательства. Данный тип характеризуется: осведомленностью о технологических особенностях объекта и его критических элементах; низкой вероятностью наличия огнестрельного оружия, взрывных

устройств; наличием легальных документов и возможностью беспрепятственного прохода²⁶. Необходимо учитывать, что внутренние нарушители могут оказывать содействие в координации действий преступников (в частности, информирование последних о наиболее уязвимых элементах инфраструктуры, лазерное наведение на них цели, отключение ИТСО, пропуск на территорию и др.).

Учитывая то, что доступ к информации, содержащейся в паспортах безопасности объектов ТЭК, ограничен, а наиболее вероятный способ действий внешнего нарушителя — скрытое или обманное (с использованием поддельных документов) проникновение на территорию объекта ТЭК, следователь должен тщательно устанавливать и проверять круг лиц, имеющих доступ к сведениям о безопасности предприятия. В данном аспекте целесообразно тесно сотрудничать с представителями служб собственной безопасности предприятия ТЭК.

Следует отметить, что способы совершения преступления и характеристики объектов посягательства определяют виды следовой информации, с которой приходится работать следователю. Но если относительно работы со следами применения таких «традиционных» криминальных средств посягательств, как оружие и взрывные устройства, а также со следами — последствиями их воздействия на объекты ТЭК (продуктами переработки нефти, такими как топливо, масла, синтетический каучук и пр.) у практиков обычно не возникает сложностей в обнаружении, фиксации и изъятии, то уровень подготовленности следователей в области обнаружения и осмотра следов использования БПЛА оставляет желать лучшего.

Если у сотрудников правоохранительных органов, работающих в районах, непосредственно прилегающих к линии боевого соприкосновения, имеются хотя бы общие представления о типах беспилотных аппаратов, то у следователей других регионов уровень технико-криминалистической подготовленности к работе с данными объектами на месте осмотра остается невысоким. Как свидетельствует практика,

нии соответствующего уровня защищенности ее объектов и выработке требований к системе защиты объекта и оценке ее эффективности.

²⁵ См.: постановление Правительства РФ от 05.05.2012 № 459 «Об утверждении Положения об исходных данных для проведения категорирования объекта топливно-энергетического комплекса, порядке его проведения и критериях категорирования» // СЗ РФ. 2012. № 20. Ст. 2556.

²⁶ См.: Категорирование объектов топливно-энергетического комплекса : методические рекомендации / Ю. И. Хамчиев, И. В. Кунилов [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Раменское : ИПК ТЭК, 2015. С. 16–19.

следователи не обладают достаточными знаниями, например, в отношении типов беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, их конструкции, способов функционирования и пр., в результате чего в ходе проведения следственных осмотров у них возникают сложности, связанные с определением объектов, подлежащих изъятию и имеющих значение для уголовного дела, привлечением для этого необходимых специалистов, а также с правильным их описанием в протоколе следственного действия, использованием верной (как правило, узкоспециализированной) терминологии и др. По данным отдельных авторов, 87 % следователей в случае обнаружения таких следов не представляют, каким образом их зафиксировать в протоколе²⁷.

В связи с этим следователи должны располагать информацией об основных технических параметрах БПЛА. К криминалистически значимым сведениям об этих объектах в литературе относят данные: о материале, из которого изготовлен аппарат; возможности раздельного управления полетом БПЛА и камерой; модификации аккумуляторов большой емкости и времени полета; наличии дополнительных съемных конструкций (например, несколько фото- и видеокамер, источники освещения, радиостанции, различные датчики и лазерные локаторы, крепления для транспортировки и др.); объеме полезной нагрузки; количестве и характеристиках двигателей; модификации гироскопа (отвечающего за пространственную ориентацию БПЛА); возможности отслеживания с GPS (а также ГЛОНАСС) траектории полета; наличии дополнительного (защищенного) шифрования между модулем контроля БПЛА и устройством управления²⁸.

Информация о характеристиках беспилотного аппарата позволяет следователю выдвинуть версии: о месте его наиболее вероятного запуска, связи конкретного типа БПЛА с характеристиками переносимого взрывного устройства и др. Наличие закономерных свя-

зей между типом БПЛА и свойствами личности преступника (например, технические навыки), а также местом его использования (город или отдаленная местность) позволяет объективизировать версии об отдельных обстоятельствах преступления. Так, при обнаружении беспилотного аппарата, изготовленного кустарным способом по типу промышленного, следует по возможности определить его изначальное целевое предназначение и внесенные в конструкцию изменения, что позволит смоделировать наличие профессиональных навыков у злоумышленников и целевой установки на реализацию акта незаконного вмешательства.

Типизация следственных ситуаций реализации криминальных актов незаконного вмешательства на объектах энергетики позволяет сформировать адаптивные алгоритмы действия следователя в их рамках. Так, нужно учитывать, что БПЛА, несущий боевой заряд, может быть сбит при подлете к объекту, при соприкосновении с ним, перехвачен с помощью средств радиоэлектронного подавления или с помощью дрона-перехватчика либо, сбросив заряд, вернуться на базу. Указанные ситуационные особенности влияют на выбор тактики проведения первоначальных следственных действий.

Если пресечение функционирования беспилотного аппарата было осуществлено посредством подавления или преобразования сигналов его дистанционного управления, то следователю (с привлечением специалиста) необходимо изъять из системы радиоэлектронного подавления информацию, которая позволит в последующем установить способ противодействия БПЛА, местоположение оператора БПЛА; координаты места запуска; траекторию, высоту, скорость, направление полета; серийный номер БПЛА и пр.

В ситуации, когда беспилотный аппарат был физически поврежден или уничтожен, нужно выяснить: кто пресек функционирование данного аппарата²⁹; с помощью каких специальных средств или огнестрельного оружия; како-

²⁷ См.: Варданян А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785–794.

²⁸ См.: Савельева М. В., Смушкин А. Б. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 237.

²⁹ Перечень работников частной охранной организации, которые вправе пресекать функционирование беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов, определяет руководитель частной

вы границы охраняемого объекта, нарушение которых является основанием для пресечения функционирования беспилотных аппаратов; способы, методы и средства установления факта нарушения указанных границ.

При опросе сотрудников охраны устанавливаются следующие данные: способ фиксации факта обнаружения беспилотного аппарата (визуальный или другой); время и место его обнаружения; примерная высота и удаленность от охраняемого объекта; скорость и направление полета (движения); характер движения, тип БПЛА, их количество, наличие опознавательных знаков, а также окраска, наличие признаков вооружения (боеприпасов, взрывных устройств, подвесных контейнеров и пр.)³⁰. При последующем осмотре сбитого беспилотника необходимо обращать внимание на имеющуюся на нем идентификационную информацию³¹ (последняя в зависимости от модификации аппарата может находиться: внутри блока для аккумуляторов, в аккумуляторном отсеке, под батареей, на носу или в хвостовой части беспилотного аппарата, на оси карданного подвеса и т.п.). Отдельное внимание следует уделить фиксации следов применения огнестрельного оружия для предотвращения функционирования БПЛА.

В целом знания об устройстве типа беспилотного аппарата позволяют следователю осуществить целенаправленный поиск и изъятие его конструктивных элементов (в ситуации его

разрушения), определить состав следственно-оперативной группы, включив в нее соответствующих специалистов (например, специалистов в компьютерной сфере и робототехнике). В ситуации разрушения беспилотного аппарата рекомендуется при изъятии объекта сортировать обнаруженные его конструктивные части и фрагменты переносимого им взрывного устройства³². Такая предварительная сортировка дает возможность непосредственно на месте осмотра реконструировать общий вид БПЛА, предварительно определить тип взрывного устройства, вероятный способ его изготовления, сопоставить отдельные характеристики БПЛА (например, полезная нагрузка) с видом взрывного устройства для проверки версии о том, что он действительно доставлен на объект ТЭК с помощью обнаруженного беспилотного аппарата.

Важно учитывать, что каждый блок бортового оборудования БПЛА содержит свой специализированный объем информации, которая может иметь значение для установления отдельных обстоятельств происшествия. Например, на картах памяти видеокамеры могут сохраниться фотографии и видеозаписи тренировочных полетов БПЛА³³. Данная информация может использоваться для выдвижения версий о месте запуска аппарата. Обнаружение и последующее исследование блоков управления и позиционирования БПЛА в пространстве позво-

---

охранной организации (см.: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 30 апреля).

³⁰ См.: Методические рекомендации по порядку принятия решений о противодействии беспилотным аппаратам на объектах, охраняемых частными охранными организациями (утв. Федеральной службой войск национальной гвардии РФ, 2023 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.09.2024).

³¹ Согласно Правилам государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 до 30 кг, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации, для постановки беспилотного воздушного судна на государственный учет необходимо предоставить сведения о его типе (наименовании, присвоенном изготовителем); серийном (идентификационном) номере; количестве установленных двигателей и их виде (электрический двигатель, газотурбинный двигатель, двигатель внутреннего сгорания), а также информацию об изготовителе и владельце (см.: постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограммов до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2824).

³² См.: Попов В. А., Рудакин А. А. Некоторые аспекты осмотра места происшествия при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 196.

³³ См.: Румянцев Н. В., Колотушкин С. М. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 4. С. 462.

лит установить типы протоколов управления, а вскрытие их содержимого — определить координаты запуска БПЛА.

В ситуации задержания сотрудниками охраны предположительного оператора беспилотного аппарата на территории охраняемого объекта ТЭК необходимо выяснить: время и конкретное место его задержания; является ли задержанный сотрудником предприятия или сторонним лицом³⁴; кем осуществлялись задержание, личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при задержанном (проводилась ли фотовидеофиксация), контактировали ли охранники с изъятыми у задержанного предметами и пр. Следует осмотреть место задержания с целью фиксации следов пребывания оператора беспилотного аппарата на территории охраняемого объекта. Повышенное внимание нужно уделить также фиксации и изъятию следов рук и биологических следов с элементов беспилотного аппарата и средств его управления для последующего установления факта контакта с ними задержанного.

Еще одна трудность, с которой сталкиваются следователи в анализируемой нами области, — это организация проведения осмотров «сложных объектов» энергетики: линейных (особенно участков подводных переходов трубопроводов) либо крупногабаритных инженерных сооружений³⁵. Здесь типовые сложности связаны с определением координат акта незаконного вмешательства, границ осмотра места происшествия; обнаружением следов на удаленном от места происшествия расстоянии и при риске для жизни и здоровья (особенно в ситуациях разлива или возгорания нефтепродуктов) и т.п.

Следователям необходимо учитывать, что по прибытии на место происшествия они не всегда имеют возможность незамедлительно приступить к поиску следовой информации. Причинами тому зачастую выступают последствия преступного посягательства, выражающиеся в

виде задымленности, пожаров и т.п. Так, при атаке БПЛА на нефтепровод, в результате которой произошло возгорание нефтепродуктов, вопрос о допуске членов следственно-оперативной группы к осмотру места происшествия будет решаться ответственным сотрудником линейной производственно-диспетчерской станции после устранения последствий (тушения пожара) и проведения анализа воздушной среды на содержание углеводородов.

Кроме того, объекты осмотра на момент прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы не всегда могут находиться в месте совершения акта незаконного вмешательства. Так, согласно приказу Минтранса РФ от 20.08.2009 № 140 «Об утверждении Общих правил плавания и стоянки судов в морских портах Российской Федерации и на подходах к ним» при возникновении чрезвычайных ситуаций на нефтеналивном судне сливо-наливные операции должны быть прекращены и нефтеналивное судно отведено от сливо-наливного причала³⁶.

В случае использования преступниками для криминального воздействия на трубопроводы беспилотных подводных и надводных судов возникает необходимость обследования труднодоступных мест происшествия в водоемах. Поэтому при подготовке к выезду на место осмотра в данной ситуации следователь должен позаботиться о привлечении для оказания помощи в поисковой деятельности водолазов. Как правило, при авариях в зоне подводных переходов магистральных нефтепроводов аварийные службы могут сами устанавливать светящиеся буи для обозначения положения трассы (либо проложить по дну трос белого цвета, который служит водолазу ориентиром)³⁷.

В любом случае до начала ремонтных работ на подводных трубопроводах ответственное лицо эксплуатирующей организации обязано ознакомиться с актом обследования водолазами или роботизированными подводными аппаратами участка ремонта трубопровода³⁸. По

³⁴ В данном аспекте отдельно выясняется, имеются ли сведения о несанкционированной передаче сторонним лицам в аренду или иное пользование зданий, строений или их частей, входящих в состав объектов ТЭК.

³⁵ Так, нефтебаза с возможностью хранения в 50 тыс. кубометров со всей инфраструктурой будет занимать земельный участок около 152 866 кв. м.

³⁶ СПС «Гарант» (дата обращения: 04.09.2024).

³⁷ См.: приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 12.04.2018 № 169.

³⁸ См.: приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 15.12.2020 № 534 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопас-

прибытии на место происшествия следователь должен тщательно ознакомиться с данным актом и опросить водолазов на предмет обнаружения объектов, сходных с беспилотным аппаратом, и признаков незаконного вмешательства (уточняются характеристики краев поврежденного участка трубопровода, наличие предметов, сходных с остатками взрывного устройства, и др.). При необходимости следователь принимает решение о проведении дополнительного обследования поврежденного участка трубопровода с использованием водолазов.

Особенности расследования актов совершения посягательств на объекты энергетического комплекса предполагают задействование не только целого ряда специалистов из разных областей, но и современных технологий, призванных повысить эффективность проведения следственных осмотров. Это касается оснащения следственно-оперативной группы современными поисковыми техническими средствами и средствами фиксации. К таковым относятся: различные магнитометры, позволяющие обнаружить металлические объекты на глубине (например, в водоеме); детекторы полупроводниковых элементов, дающие возможность установить наличие радиоэлектронных устройств в зоне поиска (например, видеокамер, радио-взрывателей и др.); детекторы паров взрывчатого вещества; газоанализаторы, позволяющие выявить участки локализации оставшихся следов органических веществ (в том числе нефтепродуктов); тепловизоры (например, в целях осмотра и выявления поврежденных элементов ЛЭП — изоляторов, узлов крепления, проводов и пр.) и др. При этом следователь не должен забывать и о «традиционных» технических средствах обнаружения и изъятия дактилоскопических и биологических следов, которые могут остаться на конструктивных элементах беспилотных аппаратов.

Особое внимание необходимо уделять современным возможностям технического сопровождения процесса фиксации обнаруженной следовой информации. В данном аспекте следователь должен помнить, что результаты осмотра места происшествия, зафиксированные как в протоколе, так и в приложениях к нему, выступают в качестве материалов для

последующих экспертных исследований, в ходе проведения которых (особенно ситуационных исследований) эксперту зачастую требуется большой объем сведений о месте происшествия: более детальное описание расположения объектов, расстояний между ними, их морфологические признаки и т.п. Представляется, что в таких случаях актуализируются цифровые технологии фиксации следовой информации, обеспечивающие перевод физической формы реального объекта фиксации в цифровую форму и выступающие весомым подспорьем в решении ряда экспертных задач.

В данном аспекте нужно отметить, что на результаты «традиционной» фотофиксации могут оказывать влияние погодные условия, время суток, а также последствия совершения акта незаконного вмешательства на объекте энергетики (например, задымленность в результате горения нефтепродуктов). На сегодняшний день наиболее прогрессивной технологией для сферической фиксации места происшествия является гибридная система, которая включает в себя не только фотовидеокамеру, но и систему светодиодов и лазеров. Эти элементы обеспечивают работу технологии LIDAR³⁹. В то время как традиционная фотограмметрия использует визуальные изображения для создания топографических карт и трехмерных моделей, LIDAR создает изображение с помощью лазерного луча, формируя его на основе тысяч точек с данными. Это позволяет достигать очень высокого качества съемки и предельной детализации объектов.

Важным преимуществом технологии LIDAR является способность функционировать в различных условиях, что делает ее незаменимым инструментом для фиксации места происшествия в любое время суток и при любой, даже самой неблагоприятной погоде. Кроме того, технология LIDAR может использоваться не только на земле, но и в воздухе, например на беспилотниках, что значительно расширяет возможности ее применения при осмотре мест происшествия. Особенно это касается труднодоступных их разновидностей, в частности объектов энергетики. Представляется, что фиксация в таких местах требует применения как раз специализированных технических

ности «Правила безопасности в нефтяной и газовой промышленности» // СПС «Гарант» (дата обращения: 04.09.2024).

³⁹ LiDAR (Light Detection And Ranging) испускает волну инфракрасных точек, измеряя время полета каждой до ближайшего объекта и обратно. Это позволяет определить размеры пространства.

средств, интегрированных с БПЛА. Сканирование (съемка) местности посредством дрона с высоты позволяет зафиксировать и увидеть то, что скрыто от человеческого глаза под кронами деревьев, в условиях слабого освещения, облачности, задымленности или из-за влияния других факторов, которые мешают традиционной аэрофотосъемке.

Дидактический аспект

Как уже отмечалось, у практикующих сотрудников правоохранительных органов часто возникают проблемы, связанные с их недостаточной технической грамотностью, отсутствием должных знаний нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность объектов энергетики, нехваткой соответствующего материально-технического обеспечения, неумением им пользоваться и др. Поэтому одной из ключевых задач современного обеспечения функционирования правоохранительных органов является их кадровое обеспечение. Представляется, что классическое юридическое образование в реалиях цифрового и высокотехнологического социума неспособно удовлетворить практику расследования анализируемых преступлений специалистами необходимого уровня.

В данном плане мы поддерживаем предложение Л. В. Бертовского о необходимости введения в образовательные программы дисциплин уголовно-правового профиля специализации, отражающей технический аспект данной проблематики (использование больших данных в энергетических секторах, нейротехнологий и искусственного интеллекта, возможностей робототехники и сенсорики, применяемых в сфере энергетики; технологий беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальностей и др.)⁴⁰. В рамках повышения квалификации следственных работников по вопросам расследования преступлений в сфере энергетики целесообразно задействовать не только

научно-педагогический состав юридических и технических вузов (особенно участников региональных проектов по созданию центров беспилотных систем⁴¹), но и представителей энергетических компаний, а также IT-специалистов. Это позволит ознакомить следователей с современными методами и приемами работы специалистов; существующими программными и аппаратными комплексами; средствами, предназначенными для обнаружения, перехвата, подавления функционирования беспилотных аппаратов, методиками предупреждения и ликвидации последствий совершения актов незаконного вмешательства на объектах энергетики; технологией функционирования объектов энергетического комплекса; принципами работы систем безопасности объектов критической информационной инфраструктуры; возможностями и направлениями взаимодействия с субъектами критической информационной инфраструктуры и пр.

Выводы

Таким образом, поскольку угрозы объектам энергетики могут быть самыми разными (внешними и внутренними, человеческими и техническими и др.), криминалистическое обеспечение безопасности функционирования таких объектов должно носить системный и многоуровневый характер. На уровне деятельности энергетических предприятий данный аспект связан с внедрением криминалистических средств и методик в деятельность разных служб (служба безопасности, HR-отдел, IT-отдел и др.) в целях решения комплексных задач по обеспечению безопасности со стороны как внешних угроз (физических, кибернетических), так и внутренних (персонала). На уровне деятельности правоохранительных органов криминалистика должна реализовывать свою обеспечительную функцию в аспектах совершенствования технических, тактических

⁴⁰ Бертовский Л. В. О некоторых проблемах расследования преступлений, совершаемых в сфере энергетики // Криминалистические чтения на Слобожанщине : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции, Белгород, 8 октября 2021 г. / под ред. Н. А. Жуковой. Белгород : БелГУ, 2021. С. 3–7.

⁴¹ Следует отметить, что, несмотря на то что данное направление набирает обороты, на сегодняшний день оно реализуется единичными участниками в сфере образования. Положительным примером может служить Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., являющийся участником регионального проекта по созданию центра беспилотных систем, который будет включать в себя все направления работы с БПЛА — от научно-конструкторских разработок до испытаний образцов и их запуска в серию.

и методических разработок в области расследования актов незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетического сектора. Настоятельно требуют решения проблемы, связанные с технической оснащенностью следственных органов, в целях обеспечения эффективного выявления и сбора полной следовой и доказательственной информации. Необходима корректировка тактических рекомендаций по проведению осмотров объектов энергетики с учетом их технологических особенностей, локации и механизма реализации актов незаконного вмешательства. Отдельное внимание криминалисты должны уделить вопросам формирования видовых методик расследования

преступлений в данной сфере (особенно носящих транснациональный характер).

Нельзя игнорировать и межуровневые связи, выражающиеся в специфике организации взаимодействия правоохранительных органов со специалистами энергетических компаний и другими сведущими лицами при расследовании разных видов преступных посягательств в данной сфере.

В любом случае лишь комплексный подход к решению анализируемых проблем позволит судить об эффективности применения криминалистических средств и методов выявления и пресечения угроз объектам энергетической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бертовский Л. В. О некоторых проблемах расследования преступлений, совершаемых в сфере энергетики // Криминалистические чтения на Слобожанщине : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции, Белгород, 8 октября 2021 г. / под ред. Н. А. Жуковой. Белгород : БелГУ, 2021. С. 3–7.

Варданян А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785–794.

Гаврилин А. В. Системный подход к управлению топливно-энергетическим комплексом : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Саратов, 2004. 22 с.

Иншакова А., Гончаров А. Межгосударственное регулирование применения цифровых технологий Индустрии 4.0 в ЕАЭС и БРИКС // Право и управление. XXI век. 2023. № 1. С. 15–22.

Категорирование объектов топливно-энергетического комплекса : методические рекомендации / Ю. И. Хамчичев, И. В. Кунилов [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Раменское : ИПК ТЭК, 2015. 52 с.

Лаврухин М. Терроризм в энергетической промышленности // Энергетическая политика. 2023. № 1. С. 24–37.

Мастепанов А. М., Чigareв Б. Н. The energy trilemma index как оценка энергетической безопасности // Энергетическая политика. 2020. № 8. С. 66–83.

Нигметов Н. А. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса: на примере Северо-Западного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 23 с.

Попов В. А., Рудавин А. А. Некоторые аспекты осмотра места происшествия при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 191–198.

Румянцев Н. В., Колотушкин С. М. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 4. С. 460–464.

Савельева М. В., Смушкин А. Б. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 235–241.

Салеева Ю. Е., Гуськова А. В. Актуальные вопросы предупреждения и расследования преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25. № 3. С. 125–130.

Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Расследование преступлений, совершаемых на предприятиях топливно-энергетического комплекса : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. 102 с.

REFERENCES

- Bertovskiy LV. On some problems of investigating crimes committed in the energy sector. Forensic Readings in Slobozhanshchina: *Proceedings of International Scientific and Practical Conference*, Belgorod, October 8, 2021. Zhukov NA (ed.). Belgorod: «BelSU» Publ.; 2021. (In Russ.).
- Vardanyan AV, Andreev AS. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in the criminal and post-criminal reality. *Russian Journal of Criminology*. 2018;12(6):785-794. (In Russ.).
- Gavrilin AV. Systematic approach to the management of the fuel and energy complex. Cand. Sci. (Economics) Diss. Author's Abstract. Saratov; 2004. (In Russ.).
- Inshakova A, Goncharov A. Interstate Regulation of the Use of Digital Technologies of Industry 4.0 in the EAEU and BRICS: Legal Risks. *Journal of Law and Administration*. 2023;19(1):15-22. (In Russ.).
- Classification of fuel and energy complex facilities: Guidelines. 2nd ed., Ramenskoye: FGAOU DPO «IPK TEK», 2015. (In Russ.).
- Lavrukhin M. Terrorism in the energy industry. Energy policy. 2023. № 1. S. 24–37.
- Mastepanov AM., Chigarev BN. The energy trilemma index as an assessment of energy security. Energy Policy. 2020;8:66-83. (In Russ.).
- Nigmatov NA. Operational-search support for the prevention and disclosure of crimes in the field of the fuel and energy complex: on the example of the North-West Federal District. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. St. Petersburg; 2008. (In Russ.).
- Popov VA, Rudavin AA. Some aspects of scene examination in the investigation of terrorist acts committed with the use of unmanned aerial vehicles. Forensics: *Yesterday, Today, Tomorrow*. 2024;2:191-198. (In Russ.).
- Rumyantsev NV, Kolotushkin SM. Features of detection, fixing and withdrawal of traces on the unmanned aircraft brought down over territories of organizations of penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2018;26(1-4):460-464. (In Russ.).
- Savelyeva MV, Smushkin AB. Unmanned aerial vehicle as a special technical and forensic tool and an object of forensic investigation. *Tomsk State University Journal*. 2020;461:235-241. (In Russ.).
- Saleeva YuE, Guskova AV. Topical issues of prevention and investigation of crimes in the field of the fuel and energy complex. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2015;25(3):125-130. (In Russ.).
- Eksarkhopulo AA, Makarenko IA, Zainullin RI. Investigation of crimes committed at enterprises of the fuel and energy complex. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кисленко Сергей Леонидович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ser-kislenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Kislenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ser-kislenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 21 сентября 2024 г.
Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 10.09.2024.
Revised 21.09.2024.
Accepted 15.03.2025.

Д. В. Пономарёва

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Противодействие генетической дискриминации: опыт государств — членов Африканского Союза

Резюме. Статья посвящена детальному анализу реализации принципа недискриминации по признаку генетического статуса в рамках Африканского Союза, а также его государств-членов. Автором рассмотрены правовые основы противодействия генетической дискриминации в контексте ведущего регионального интеграционного объединения на Африканском континенте, исследованы ключевые наднациональные механизмы защиты от дискриминации. Особое внимание в исследовании уделено комплексному обзору опыта государств — членов Африканского Союза в части противодействия дискриминационным и стигматизирующим практикам. Опыт Малави, Южно-Африканской Республики, Судана демонстрирует не только приверженность концептуальным подходам в отношении запрета на генетическую дискриминацию, сложившимся на глобальном уровне, но и возможности реализации принципа недискриминации в рассматриваемой сфере в национальном разрезе. Автором сформулированы тенденции развития наднационального и национального регулирования в области противодействия генетической дискриминации на Африканском континенте, предложена рецепция лучших практик для совершенствования релевантной регуляторики в Российской Федерации и интеграционных объединениях с ее участием.

Ключевые слова: генетическая дискриминация; косвенная дискриминация; множественная дискриминация; биотехнологии; защита прав человека; международный договор; международное право; генетическое тестирование; трудоустройство; страхование; вспомогательные репродуктивные технологии; Африканский Союз

Для цитирования: Пономарёва Д. В. Противодействие генетической дискриминации: опыт государств — членов Африканского Союза. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 80–89. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.080-089

Countering Genetic Discrimination: African Union Member States Experience

Daria V. Ponomareva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to a detailed analysis of the implementation of the principle of non-discrimination based on genetic status within the framework of the African Union, as well as its member states. The author examines the legal framework for countering genetic discrimination in the context of the leading regional integration association on the African continent, and examines key supranational mechanisms for protection against discrimination. The study focuses on a comprehensive review of the African Union member states experience in countering discriminatory and stigmatizing practices. The case study of Malawi, the Republic of South Africa, and the Sudan demonstrates not only a commitment to conceptual approaches regarding the prohibition of genetic discrimination that have developed at the global level, but also the possibility of implementing the

principle of non-discrimination in this area from a national perspective. The author articulates development trends as to supranational and national regulation in the field of countering genetic discrimination on the African continent, and suggests that best practices be adapted in order to for improve relevant regulation in the Russian Federation and integration associations with its participation.

Keywords: genetic discrimination; indirect discrimination; multiple discrimination; biotechnology; human rights protection; international treaty; international law; genetic testing; employment; insurance; assisted reproductive technologies; African Union

Cite as: Ponomareva DV. Countering Genetic Discrimination: African Union Member States Experience. *Lex Russica*. 2025;78(4):80-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.080-089

Введение

Развитие генетических исследований во всем мире является фактором, повышающим риск распространения различных дискриминационных практик. Данные, получаемые в результате генетического тестирования, могут свидетельствовать о наличии предрасположенности лица к тому или иному заболеванию и использоваться в дальнейшем работодателями, страховыми, образовательными и иными организациями для принятия значимых для субъекта решений¹. Особенно уязвимую позицию в этом отношении демонстрируют этнические сообщества, в среде которых могут быть распространены наследственные заболевания генетического происхождения. Участвуя в научных исследованиях, представители таких сообществ могут подвергаться дискриминации². Такая проблема не является уникальной для этнических сообществ Африки, которые часто принимали участие в генетических исследованиях, включая проект по изучению разнообразия генома человека³.

Проявления дискриминационных практик и стигматизации связаны с получением в результате генетического исследования информации, которая представляет собой сведения частного характера, является деликатной. Так, геномные данные могут информировать научное сообщество об истинном происхождении

людей, их групповой родословной, что является значимыми сведениями для характеристики наследственной предрасположенности к тому или иному заболеванию. Кроме того, результаты геномных исследований могут служить инструментом противодействия предрассудкам, которые по настоящее время существуют в традиционных обществах Африки⁴. Проявления дискриминационных практик, потенциальные риски возникновения случаев стигматизации требуют надлежащего нормативного ответа. Настоящее исследование посвящено детальному анализу опыта африканских государств, входящих в крупнейшее региональное интеграционное объединение на континенте — Африканский Союз, в сфере противодействия дискриминации по признаку генетического статуса.

1. Правовые основы противодействия генетической дискриминации в Африканском Союзе

Проблематика противодействия дискриминации по признаку генетического статуса в рамках Африканского Союза раскрывается через региональный механизм защиты прав человека. Базовым элементом данного механизма выступает Африканская хартия прав человека и народов, принятая в 1981 г. и вступившая в силу в 1986 г.

¹ См.: *Eltis K.* Genetic determinism and discrimination: a call to re-orient prevailing Human Rights discourse to better comport with the public implications of individual genetic testing // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2007. Vol. 35. P. 282–294.

² См.: *Dupras C., Ravitsky V.* Epigenetics in the neoliberal «regime of truth»: a biopolitical perspective on knowledge translation // *Hastings Center Report*. 2016. Vol. 46. P. 26–35.

³ См.: *Reardon J.* Race to the Finish. Identity and Governance in an Age of Genomics. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2005. 312 p.

⁴ Одним из убедительных примеров является генетическое исследование, предлагающее изучить наследственное нейродегенеративное заболевание, сцепленное с X-хромосомой, широко распространенное в одном из небольших городов в сельской местности Западной Африки. По результатам исследования группа ученых пришла к выводу, что основатель деревни, вождь племени, страдал от этого заболевания. У вождя было много жен, и он передал заболевание своим потомкам. Состояние представителей

В настоящее время в Хартии участвует 53 из 54 государств — членов Африканского Союза.

Статья 2 Хартии предусматривает, что «каждый человек имеет право пользоваться правами и свободами, признаваемыми и гарантируемыми настоящей Хартией, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, этнической принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»⁵. Не используя напрямую термин «дискриминация», законодатель фактически сформулировал запрет на реализацию дискриминационных практик по неограниченному кругу оснований, что предполагает включение запрета дискриминации по признаку генетического статуса. Понятие дискриминации в данном документе встречается лишь применительно к запрету такого поведения в отношении женщин, что коррелирует с положениями ключевых международных документов в указанной области (например, Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.⁶).

Согласно ст. 66 Хартии государства-участники могут заключать специальные протоколы или соглашения, когда это необходимо, чтобы дополнить ее положения. Так, в 2003 г. был принят Протокол к Африканской хартии прав человека и народов в отношении прав женщин в Африке (Протокол Мапуту)⁷. Его принятие было связано с конкретизацией механизмов защиты, предоставляемой женщинам Хартией. Несмотря на предусмотренные Хартией гарантии

защиты от дискриминации по признаку пола, равенства перед законом и ликвидацию всех форм дискриминации в отношении женщин, она не формулирует конкретные нарушения прав женщин, которые являются результатом дискриминации. Тем не менее и данный документ не содержит указания на такое возможное основание дискриминации и стигматизации, как генетические характеристики.

Еще одним значимым элементом механизма защиты прав человека в рамках Африканского Союза выступает Африканская комиссия. Благодаря прогрессивному толкованию Хартии Комиссия сформулировала государствам-участникам указания относительно содержания их обязательств, ведь в ряде государств Хартия выступает неотъемлемой частью национального законодательства⁸. Комиссия способствовала развитию содержания ряда положений Хартии. Так, в своем Консультативном заключении по Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов Комиссия рассмотрела вопрос относительно обеспокоенности государств — членов Африканского Союза в части присоединения к данному документу и таким образом способствовала его окончательному принятию большинством стран Африки⁹. Африканская комиссия также приняла Типовой закон о доступе к информации в Африке в апреле 2013 г. на своей 53-й очередной сессии¹⁰. Несмотря на тот факт, что выводы и заключительные замечания Комиссии формально не являются юридически обязательными, государства принимают их во внимание¹¹.

племени ухудшается с каждым поколением. Сами жители города в соответствии с традиционными верованиями связывают возникновение заболевания с проклятием, подействовавшим на вождя, поэтому прибегают к народным способам исцеления. Очевидно, что генетические исследования предлагают контрнарратив этому объяснению. Вместе с тем результаты геномных исследований могут повлиять на социальный статус вождя племени, его семьи и потомков, а также на политическую стабильность сообщества (см.: *De Vries J., Landouré G., Wonkam A. Stigma in African genomics research: Gendered blame, polygamy, ancestry and disease causal beliefs impact on the risk of harm // Social Science & Medicine. 2020. Vol. 258. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113091*).

⁵ URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 05.02.2024).

⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 05.02.2024).

⁷ URL: https://web.archive.org/web/20110724024951/http://www.achpr.org/english/women/protocol_women.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

⁸ Такая ситуация, в частности, сложилась в Нигерии, законодательные органы которой сделали Хартию частью внутреннего законодательства.

⁹ URL: <https://digitallibrary.un.org/record/662318?ln=ru> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁰ URL: <https://achpr.au.int/en/node/873> (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ Например, решение по делу Endorois привело к интенсивному национальному диалогу о размещении коренных общин в Кении.

Протоколом к Хартии¹² предусмотрено создание Африканского суда по правам человека. Судебный институт был учрежден в 1998 г. в целях дополнения защитного мандата Комиссии. Решения Суда являются окончательными и обязательными для государств — участников Протокола. Юрисдикция Суда распространяется только на государства, ратифицировавшие Протокол. Суд рассматривает споры, касающиеся толкования и применения Африканской хартии, Протокола и любого другого договора по правам человека, ратифицированного соответствующим государством. Кроме того, Суд уполномочен способствовать мирному урегулированию дел, находящихся на его рассмотрении. В полномочия Суда входит толкование принятых им судебных решений. Помимо судебных решений, Суд может выносить консультативные заключения по любому вопросу, входящему в его юрисдикцию. Консультативное заключение Суда может быть запрошено Африканским Союзом, его органами, государствами-членами, а также любой другой африканской организацией, признанной Африканским Союзом.

Правовые основы защиты от дискриминации содержатся и в таких документах Африканского Союза в области защиты прав человека, как Африканская хартия прав и благосостояния ребенка 1990 г.¹³, Конвенция о беженцах 1969 г.¹⁴, Торжественная декларация о гендерном равенстве в Африке 2004 г.¹⁵ и т.д. Вместе с тем генетические характеристики как возможное основание дискриминации в данных документах не упоминаются.

Отсутствие упоминания генетических характеристик (генетического статуса) в качестве

возможного основания для дискриминации участников генетических исследований в Африканском Союзе (его государствах-членах) объясняется увязкой генетического статуса с расовой и этнической принадлежностью¹⁶. Несмотря на масштабное участие африканских сообществ в генетических исследованиях, о чем свидетельствует Африканское общество генетиков (англ. The African Society of Human Genetics — AfSHG)¹⁷, на наднациональном уровне по-прежнему первоочередное значение придается иным основаниям дискриминации. Это показывает и практика Африканского суда по правам человека, которая затрагивает права этнических меньшинств на генетические ресурсы. При этом, в отличие, например, от австралийской юрисдикции¹⁸, в Африке принадлежность к этническим меньшинствам рассматривается через призму соблюдения представителями таких меньшинств культурных традиций, генетическая же составляющая является вторичной и не представляет никакого интереса. Так, в деле *African Commission on Human and Peoples' Rights v. Republic of Kenya* Африканский суд по правам человека и народов установил факты нарушения правительством Кении семи статей Африканской хартии прав человека и народов, которые выразились в отказе в признании прав народа огиек на землю, а также их религиозных, хозяйственных и культурных традиций. Данное решение последовало за определением Суда, согласно которому народ огиек был признан «коренной этнической группой меньшинства»¹⁹. Основанием для признания выступили общие культурные ценности и традиции, генетический статус оказался за рамками рас-

¹² URL: <https://au.int/en/treaties/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and> (дата обращения: 05.02.2024).

¹³ URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36804-treaty-african_charter_on_rights_welfare_of_the_child.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁴ URL: <https://au.int/en/treaties/oa-convention-governing-specific-aspects-refugee-problems-africa> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁵ URL: https://www.mrfcj.org/pdf/Solemn_Declaration_on_Gender_Equality_in_Africa.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁶ См.: Attitudes and beliefs regarding race-targeted genetic testing of Black people: A systematic review / A. S. Iltis, L. Rolf, L. Yaeger [et al.] // *Journal of Genetic Counseling*. 2023. Vol. 32 (2). P. 435–461 ; Joly Y., Dalpe G. Genetic discrimination still casts a large shadow in 2022 // *European Journal of Human Genetics*. 2022. Vol. 30. P. 1320–1322.

¹⁷ См.: URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9582635/> (дата обращения: 09.02.2024).

¹⁸ См.: Пономарева Д. В., Сорокина Е. М. Проблемы генетической дискриминации и геномные исследования: законодательство и практика : монография / под ред. Д. В. Пономаревой. М. : Русайнс, 2022.

¹⁹ URL: <https://www.escr-net.org/caselaw/2017/african-commission-human-and-peoples-rights-v-republic-kenya-acthpr-application-no/> (дата обращения: 09.02.2024).

смотрения указанного вопроса. Вместе с тем в рамках отдельных национальных юрисдикций государств — членов Африканского Союза принцип недискриминации по признаку генетического статуса получил свое развитие.

2. Опыт государств — членов Африканского Союза в части реализации принципа недискриминации в сфере генетических исследований

Наиболее продвинутым государством — членом Африканского Союза в части закрепления принципа недискриминации в сфере биотехнологий (включая генетические исследования) является **Малави**. Малави — одно из немногих африканских государств²⁰, которое приняло законодательный акт именно в сфере генетической дискриминации. Речь идет о Требованиях к политике, процедурам и руководящим принципам для проведения и обзора генетических исследований человека (дополнения к Закону о науке и технологиях № 16 от 2003 г.). В документе отмечается, что «использование генетической информации, больше, чем любой другой информации о здоровье, имеет вредные социальные последствия для отдельных лиц и членов их семей при использовании в сфере трудоустройства, страхования и миграции»²¹.

Отмечаются многочисленные случаи, когда люди с бессимптомной генетической предрасположенностью к определенным заболеваниям столкнулись с проявлениями дискриминации или стигматизации в свой адрес, когда проходили собеседование при приеме на работу или обращались в страховую организацию. Именно поэтому документ призывает исследователей обеспечить и поддерживать защиту конфиденциальности генетических данных таким образом, чтобы не допустить разглашения такой информации и реализации дискриминационных практик. Как видим, запрет дискри-

минации сформулирован в общем контексте, адресован исследователям и затрагивает конкретные сферы проявления дискриминации и (или) стигматизации: занятость, страхование, трудоустройство.

Любопытно, что в качестве возможных сфер реализации дискриминационных практик законодательство Малави не упоминает исследования, ведь для африканских сообществ, принимающих участие в проектах по изучению наследуемости различных заболеваний, именно фактор участия в научных проектах является определяющим. Здесь интерес представляет опыт Южно-Африканской Республики (ЮАР), в законодательстве которой запрет дискриминации по признаку генетического статуса не сформулирован. Вместе с тем действует ряд актов общего характера, которые содержат запрет дискриминации: Закон о поощрении равенства и запрете несправедливой дискриминации (разд. 9)²², Закон о медицинских программах²³. Кроме того, косвенная защита от дискриминации по признаку генетического статуса предусматривается Законом о равенстве при трудоустройстве 1998 г.²⁴ Общие законодательные положения распространяются и на случаи генетической дискриминации.

Однако необходимо отметить, что южноафриканский законодатель сформулировал запрет именно в отношении «несправедливой» дискриминации, которая далеко не всегда охватывает случаи использования генетических данных для таких сфер, как трудоустройство или научные исследования²⁵. До сих пор неясно, будет ли использование генетической информации страховой организацией квалифицироваться как дискриминационное, поскольку законодательство ряда зарубежных юрисдикций разрешает дискриминацию, основанную на разумных актуарных расчетах. В настоящее время эти вопросы относятся к уровню локального регулирования — так, страховые организации могут самостоятельно определять политику

²⁰ К государствам, принявшим специальные акты о противодействии дискриминации по признаку генетического статуса, относятся Сенегал, Марокко и Тунис.

²¹ URL: <https://www.ncst.mw/wp-content/uploads/2014/03/Human-Genetic-Research-Procedures-and-Guidelines.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

²² URL: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2000-004.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

²³ URL: https://www.saflii.org/za/legis/num_act/msa1998126.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

²⁴ URL: <https://www.labour.gov.za/DocumentCenter/Acts/Employment%20Equity/Act%20-%20Employment%20Equity%201998.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

²⁵ См.: Gomez F., Hirbo J., Tishkoff S. A. Genetic variation and adaptation in Africa: implications for human evolution and disease // Cold Spring Harbor Perspectives in Biology. 2014. Vol. 6 (7).

использования генетической информации, в частности через принятие этических кодексов, положения которых должны соблюдаться работниками организации. Поскольку надлежащего механизма контроля за соблюдением принципа недискриминации по признаку генетического статуса не выработано, высок риск его нарушения, тем более в условиях отсутствия эффективной регламентации деятельности транснациональных корпораций в пределах национальной юрисдикции²⁶.

При этом во избежание возникновения ситуаций дискриминации и стигматизации в ЮАР действует комплексное нормативное регулирование обращения генетической и геномной информации. Здесь речь идет о необходимости защиты права на неприкосновенность частной жизни, элементом которого является защита конфиденциальности данных, полученных в результате научных исследований.

Право на неприкосновенность частной жизни в качестве содержательного аспекта включает в себя право контролировать распространение личной информации. В данном контексте право на неприкосновенность частной жизни гарантируется Конституцией Южно-Африканской Республики 1996 г., а конкретизируется на уровне таких законодательных актов, как Закон о национальном здравоохранении № 61 от 2003 г.²⁷, а также Правила использования биологического материала человека 2012 г.²⁸ Положение 13 указанных Правил предусматривает принципы хранения и передачи генетической информации. В частности, медицинские учреждения, которые хранят или раскрывают сведения о генетическом материале и другую информацию, позволяющую идентифицировать личность или состояние ее здоровья, должны, помимо прочего, обеспечить конфиденциальность и анонимность информации при использовании в исследовательских целях, а также получение письменного информированного

согласия перед раскрытием конкретной информации о человеке любому заинтересованному лицу. Указанная норма выступает своего рода гарантией от дискриминации, которая может возникнуть в случае раскрытия генетической информации.

Защита персональных данных в ЮАР длительное время регламентировалась главой VIII Закона об электронных сообщениях и транзакциях 2002 г.²⁹, которая посвящена информации, полученной в результате электронных транзакций. Именно поэтому ее применение к сфере генетических исследований выглядело по меньшей мере спорным. Кроме того, отдельные положения этого Закона становились предметом дискуссий из-за того, что принципы защиты данных не соответствуют принятым международным стандартам (так, Закон обходит стороной вопрос конфиденциальности данных) и их соблюдение носит добровольный характер. В целях устранения недостатков регулирования в 2013 г. был принят Закон о защите персональных данных³⁰, который обеспечивает более высокий уровень безопасности, открытости и подотчетности, а также проводит различие между стандартной и «особой персональной» информацией, которая включает в себя информацию, относящуюся к генетическим исследованиям, и поэтому требует явного согласия на обработку. Законодательство ЮАР в рассматриваемой области всецело соответствует регуляторике, принятой в отношении персональных данных в Европейском Союзе и других юрисдикциях, нормативные акты которых содействуют формированию эффективной системы обеспечения конфиденциальности при проведении генетических исследований.

В Судане вопросы противодействия дискриминации по признаку генетического статуса нашли отражение в документах рекомендательного характера, содержащих этические нормы. Национальные этические правила проведения

²⁶ См.: Ethical issues in genomic research on the African continent: experiences and challenges to ethics review committees / M. Ramsay, J. de Vries, H. Soodyall [et al.] // *Human Genomics*. 2014. Vol. 8 ; *Smith B. Intersectional Discrimination and Substantive Equality: a comparative and theoretical perspective* // *The Equal Rights Review*. 2016. Vol. 74 (1). P. 73–99.

²⁷ URL: <https://www.sahpra.org.za/wp-content/uploads/2020/02/National-Health-Act.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

²⁸ URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/35099rg9699gon177.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

²⁹ URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a25-02.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

³⁰ URL: <https://popia.co.za/> (дата обращения: 09.02.2024).

исследований с участием человека 2008 г.³¹ включают перечень принципов проведения научных исследований, которые также выступают гарантиями защиты от дискриминационных практик и стигматизации. Правила предусматривают следующие принципиальные положения:

1. Все исследования с участием людей должны проводиться в соответствии с **тремя основными этическими началами, а именно: уважение к человеку, непричинение вреда и справедливость**. Данные начала определяют подготовку этически обоснованных предложений для научных исследований. При этом уважение к человеку предполагает уважение к автономии личности, ее способности обдумывать свой личный выбор. Непричинение вреда связано с обязательством максимизации пользы от научного исследования и минимизации возникновения возможных негативных последствий. Риски исследования должны быть разумными в свете ожидаемых выгод, а исследователи — быть компетентными для проведения исследования и обеспечения благополучия субъектов исследования. Справедливость же — отношение к человеку в соответствии с нормами этики и морали, в рассматриваемой сфере данное начало относится к справедливому распределению выгод от участия в научных исследованиях.

2. Прежде чем проводить биомедицинские исследования с участием людей, необходимо убедиться в их научной обоснованности: исследования должны базироваться на общепринятых научных принципах, подкрепляться корректно проведенными лабораторными экспериментами на животных и учитывать современные научные знания в данной области.

3. Все протоколы медицинских исследований с участием людей подлежат обязательной предварительной экспертизе и одобрению независимого, признанного на национальном уровне этического комитета.

4. Этический комитет имеет право утвердить научный проект, потребовать внесения в него изменений либо отклонить его.

5. Детализированный протокол исследования, описывающий планируемые экспериментальные процедуры с участием людей, должен быть представлен в национальный комитет по этике исследований для рассмотрения и одобрения.

6. Проведение биомедицинских исследований с участием людей допускается исключительно квалифицированными специалистами под контролем компетентного лица с клиническим медицинским образованием, утвержденным соответствующим комитетом.

7. Ответственность за благополучие испытуемого всегда лежит на медицинском работнике и не может быть переложена на самого испытуемого, даже при наличии его согласия на участие в исследовании.

8. Должно быть обеспечено соблюдение права субъекта исследования на защиту целостности личности. Необходимо принимать все надлежащие меры, чтобы обеспечить конфиденциальность данных субъекта и минимизировать влияние исследования на физическое и психическое здоровье и целостность личности.

9. Врач не должен участвовать в исследованиях с людьми, не имея полного представления о потенциальных рисках. Он обязан прекратить исследование, если риск для испытуемого превышает ожидаемую пользу.

10. При публикации результатов своего исследования врач обязан обеспечивать точность результатов.

11. Перед началом исследования с участием человека необходимо предоставить каждому потенциальному участнику полную информацию о целях, методах, ожидаемой пользе и возможных рисках. Следует сообщить о праве отказаться от участия или отозвать свое согласие в любой момент. После этого врач должен получить добровольное информированное согласие, предпочтительно в письменной форме.

12. При недееспособности участника информированное согласие дает его законный представитель в соответствии с национальным законодательством. В случаях, когда недееспособность исключает возможность получения согласия или если участник несовершеннолетний, разрешение законного представителя заменяет согласие участника согласно национальному законодательству.

13. Отказ пациента от участия в исследовании не должен негативно влиять на его взаимоотношения с врачом.

14. Врач может совмещать медицинское исследование с оказанием профессиональной помощи для получения новых знаний только в том случае, если это оправдано потенциальной

³¹ URL: https://healthresearchwebafrica.org.za/en/sudan/ethics_doc (дата обращения: 09.02.2024).

диагностической или терапевтической ценностью исследования для данного пациента.

15. Исследователь должен доказать, что риски для участников исследования не являются неоправданными или несоразмерными ожидаемой пользе, которая может и не распространяться непосредственно на них. Риск определяется как вероятность наступления неблагоприятного исхода и его тяжесть. Пренебрежимо малый риск незначительного вреда допустим, однако высокий риск серьезного вреда неприемлем, за исключением случаев, когда исследование является единственной надеждой для неизлечимо больных. Исследователи обязаны адекватно оценивать и контролировать риски. При неизвестном риске продолжение проекта недопустимо до получения надежных данных из лабораторных исследований или экспериментов на животных.

16. Медицинские исследования с участием людей должны быть научно обоснованными и иметь потенциал для достижения значимых результатов. Методологически несостоятельные или малоперспективные проекты недопустимы.

17. При проведении медицинских исследований с участием людей приоритетной задачей врача является защита жизни, здоровья и благополучия каждого участника.

18. При оценке исследовательских проектов необходимо учитывать их социальную ценность. Научная и общественная значимость цели исследования должна быть выше рисков и обременений для испытуемых.

19. В исследованиях с участием человека интересы науки и общества никогда не должны преобладать над аспектами, связанными с благополучием субъекта исследования.

Принципиальные положения, содержащиеся в указанных Правилах, не только являются гарантиями, обеспечивающими реализацию принципа недискриминации в сфере генетических исследований, но и представляют собой результат успешной имплементации стандартов Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации — рекомендации для врачей по проведению биомедицинских исследований на людях 1964 г.³², которая хотя и выступает актом «мягкого» права, но рассматривается в качестве ориентира для регуляторов различных уровней при разработке правил проведения исследований с участием человека. Правила, действующие в Судане, — лишь первый шаг для

данного государства на пути легитимации принципа недискриминации в сфере генетических исследований, за которым может последовать принятие юридически обязательного акта.

Заключение

Государства — члены Африканского Союза демонстрируют разный уровень развития нормативного регулирования в области противодействия генетической дискриминации. Проанализированные в статье примеры представляют как минимум три группы государств в отношении легитимации принципа недискриминации в области генетических исследований:

а) государства, в которых действует специализированное законодательство в области противодействия генетической дискриминации (Малави, Марокко, Сенегал);

б) государства, в которых отсутствует специализированное законодательство в области противодействия генетической дискриминации, но есть общие положения о запрете дискриминационных практик, содержащиеся в других актах (Южно-Африканская Республика);

в) государства, в которых запрет дискриминации по признаку генетического статуса прямо или косвенно сформулирован в документах рекомендательного характера (Судан, Эфиопия).

При этом африканские государства успешно имплементируют принципиальные положения релевантных документов глобального и регионального характера. В частности, речь идет о развитии законодательства в области обеспечения конфиденциальности генетической информации, которое содержит гарантии реализации принципа недискриминации в области генетических исследований. Здесь ориентиром для африканских государств выступает Европейский Союз и его государства-члены, на территории которых действуют комплексные нормативные акты в сфере защиты персональных данных.

Осуществляя успешную рецепцию европейского опыта, государства — члены Африканского Союза оставляют далеко позади институты и органы Африканского Союза, вовлеченные в нормотворческую деятельность в рамках ведущего интеграционного объединения на континенте. Правовые основы противодействия дискриминации по признаку генетического статуса, сформулированные на уровне Африканского

³² URL: <http://www.bioethics.ru/rus/library/id/387/> (дата обращения: 09.02.2024).

Союза, содержат общие формулировки о запрете дискриминации без конкретизации такого основания, как генетические характеристики. Вместе с тем в рамках Африканского Союза действует эффективный механизм защиты прав человека, который потенциально может быть задействован в контексте противодействия «генетическим» дискриминационным практикам, что успешно подтверждается отдельными случаями из практики Африканского суда по правам человека и народов.

Африканский опыт может оказаться полезным при разработке соответствующего нормативного правового регулирования в Российской Федерации и интеграционных объединениях с его участием. В контексте распространения генетического тестирования и потенциального расширения сфер использования его результатов

целесообразно рассмотреть вопрос о закреплении в международных документах Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств и (или) Союзного государства принципа недискриминации по признаку генетического статуса первоначально в документах так называемого мягкого права для последующей имплементации данного положения во внутригосударственное законодательство. При этом содержание актов «мягкого» права (рекомендации, модельные законы) не следует сводить лишь к формулировке общего запрета дискриминационных практик, важно также предусмотреть гарантии реализации такого запрета. Разрешение этого вопроса невозможно без наличия комплексного наднационального и национального регулирования обращения генетической и геномной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пономарева Д. В., Сорокина Е. М. Проблемы генетической дискриминации и геномные исследования: законодательство и практика : монография / под ред. Д. В. Пономаревой. М. : Русайнс, 2022. 105 с.

Attitudes and beliefs regarding race-targeted genetic testing of Black people: A systematic review / A. S. Iltis, L. Rolf, L. Yaeger [et al.] // *Journal of Genetic Counseling*. 2023. Vol. 32 (2). P. 435–461.

De Vries J., Landouré G., Wonkam A. Stigma in African genomics research: Gendered blame, polygamy, ancestry and disease causal beliefs impact on the risk of harm // *Social Science & Medicine*. 2020. Vol. 258. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113091.

Dupras C., Ravitsky V. Epigenetics in the neoliberal «regime of truth»: a biopolitical perspective on knowledge translation // *Hastings Center Report*. 2016. Vol. 46. P. 26–35.

Eltis K. Genetic determinism and discrimination: a call to re-orient prevailing Human Rights discourse to better comport with the public implications of individual genetic testing // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2007. Vol. 35. P. 282–294.

Ethical issues in genomic research on the African continent: experiences and challenges to ethics review committees / M. Ramsay, J. de Vries, H. Soodyall [et al.] // *Human Genomics*. 2014. Vol. 8.

Gomez F., Hirbo J., Tishkoff S. A. Genetic variation and adaptation in Africa: implications for human evolution and disease // *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*. 2014. Vol. 6 (7).

Joly Y., Dalpe G. Genetic discrimination still casts a large shadow in 2022 // *European Journal of Human Genetics*. 2022. Vol. 30. P. 1320–1322.

Reardon J. *Race to the Finish. Identity and Governance in an Age of Genomics*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2005. 312 p.

Smith B. Intersectional Discrimination and Substantive Equality: a comparative and theoretical perspective // *The Equal Rights Review*. 2016. Vol. 74 (1). P. 73–99.

REFERENCES

De Vries J, Landouré G, Wonkam A. Stigma in African genomics research: Gendered blame, polygamy, ancestry and disease causal beliefs impact on the risk of harm. *Social Science & Medicine*. 2020;258:113091.

Dupras C, Ravitsky V. Epigenetics in the neoliberal «regime of truth»: A biopolitical perspective on knowledge translation. *Hastings Center Report*. 2016;46:26-35.

Eltis K. Genetic determinism and discrimination: A call to re-orient prevailing Human Rights discourse to better comport with the public implications of individual genetic testing. *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2007;35:282-294.

Gomez F, Hirbo J, Tishkoff SA. Genetic variation and adaptation in Africa: Implications for human evolution and disease. *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*. 2014;6(7).

Iltis AS, Rolf L, Yaeger L, Goodman MS, DuBois JM. Attitudes and beliefs regarding race-targeted genetic testing of Black people: A systematic review. *Journal of Genetic Counseling*. 2023;32(2):435-461.

Joly Y, Dalpe G. Genetic discrimination still casts a large shadow in 2022. *European Journal of Human Genetics*. 2022;30:1320-1322.

Ponomareva DV, Sorokina EM. Problems of genetic discrimination and genomic research: Legislation and practice. A monograph. Ponomareva DV, editor. Moscow: Rusains Publ.; 2022. (In Russ.).

Ramsay M, de Vries J, Soodyall H, Norris S, Sankoh O. Ethical issues in genomic research on the African continent: Experiences and challenges to ethics review committees. *Human Genomics*. 2014:8.

Reardon J. Race to the Finish. Identity and Governance in an Age of Genomics. Princeton and Oxford: Princeton University Press; 2005.

Smith B. Intersectional Discrimination and Substantive Equality: a comparative and theoretical perspective. *The Equal Rights Review*. 2016;74(1):73-99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарёва Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой практической юриспруденции, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dvponomareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head, Department of Practical Law, Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 марта 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 11.09.2024.

Revised 13.03.2025.

Accepted 15.03.2025.

А. С. Киселев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация

Тенденции правового регулирования искусственного интеллекта в сфере культуры в России и зарубежных странах

Резюме. В статье рассматриваются положительные и отрицательные аспекты текущего регулирования технологий в области культуры и искусства, основанных на элементах искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность темы диктуется стремительным развитием и всё более широким применением технологий ИИ в современном обществе. В работе выделены основные преимущества и риски, которые несет использование ИИ в культурной сфере жизни общества, а также предложены правовые меры для максимизации полезных тенденций и предотвращения отрицательных последствий. Установлено, что в правовой доктрине относительно применения ИИ при создании произведений искусства и культуры одним из самых обсуждаемых является вопрос закрепления авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ (картины, песни, программные коды, книги). Немаловажной признается проблема защиты прав авторов, на чьих произведениях ИИ обучается и затем в разной степени копирует их стиль или отдельные элементы. Содержание права интеллектуальной собственности и порядок их защиты различаются от страны к стране, что вызывает затруднения при обсуждении вопросов защиты авторских прав на произведения, созданные посредством генерации ИИ. Результаты разрешения всех этих вопросов в законодательствах разных стран окажут значительное влияние и на культуру, и на право будущего. Отмечается, что создание общеобязательных государственных стандартов при использовании ИИ может стать ключом к эффективному правовому регулированию.

Ключевые слова: законодательство; искусственный интеллект; искусство; культура; право; регулирование; сфера культуры; интеллектуальная собственность; правовое регулирование; право будущего

Для цитирования: Киселев А. С. Тенденции правового регулирования искусственного интеллекта в сфере культуры в России и зарубежных странах. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 90–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.090-104

Trends in Artificial Intelligence Regulation in the Field of Culture in Russia and Foreign Countries

Alexander S. Kiselev

Financial University under the Government of the Russian Federation
State University of Education
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the positive and negative aspects as to current regulation of technologies in the field of culture and art based on elements of artificial intelligence (AI). The relevance of the topic is determined by the rapid development and increasing use of AI technologies in modern society. The paper highlighted the main advantages and risks of using AI in the cultural sphere of society, as well as proposed legal measures to maximize

beneficial trends and prevent negative consequences. It was found that in the legal doctrine regarding the use of AI in the creation of works of art and culture, one of the most discussed is the issue of securing copyrights to works created with the help of AI (paintings, songs, program codes, books). An important issue is the protection of the rights of authors, whose works AI learns from and then copies their style or individual elements to varying degrees. The content of intellectual property rights and the procedure for their protection differ from country to country, which makes it difficult to discuss issues of copyright protection for works created through AI generation. The results of resolving all these issues in the legislatures of different countries will have a significant impact on both culture and the law of the future. It is noted that the creation of generally binding state standards for the use of AI can be the key to effective legal regulation.

Keywords: legislation; artificial intelligence; art; culture; law; regulation; cultural sphere; intellectual property; legal regulation; law of the future

Cite as: Kiselev AS. Trends in Artificial Intelligence Regulation in the Field of Culture in Russia and Foreign Countries. *Lex Russica*. 2025;78(4):90-104. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.090-104

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) начинает играть всё более значимую роль в современной культуре. С его помощью создаются уникальные произведения искусства, разрабатываются инновационные культурные проекты, посредством специальных компьютерных программ проводятся исследования в области музыки, изобразительного искусства, архитектуры, колоссальное влияние искусственный интеллект оказывает на сферу кинематографа и дизайна. Сегодня сложно представить анимацию многих сцен в фильмах и сериалах без использования ИИ. Искусственный интеллект давно повсеместно используется для сбора и анализа данных, что помогает понять предпочтения и вкусы аудитории самых разных проектов.

Как показывает практика, технологии, основанные на элементах ИИ, укореняются даже в музейном и библиотечном деле¹. Удерживать внимание современного человека на статичном изображении становится всё труднее. Поэтому с помощью ИИ многие неподвижные изначально экспонаты «оживают». Так, уже сейчас в музеях о себе могут рассказать анимированные модели цифровых образов личности А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. В. Ломоносова, А. Эйнштейна, И. Ньютона, Д. И. Менделеева, Петра I, Николая II, В. И. Ленина, А. Ф. Керенско-

го и других исторических личностей (в Интернете с помощью подобных программ пользователи создают дипфейки — неотличимые от реальных поддельные видеоролики с участием современных знаменитостей — в целях развлечения или дезинформации).

За последние несколько лет прошла виртуальная метавыставка в Эрмитаже, состоялся VR-квест на Куликовом поле, Зоологический музей МГУ обзавелся цифровым двойником. Складывается ситуация, при которой тренды в сфере цифровизации уже фактически превратились в необходимость. Современный зритель приучен к умным алгоритмам соцсетей с их бесконечным удобным организованным развлекательным контентом; молодежи, как говорят некоторые наблюдатели, сложно сфокусироваться на неподвижных экспонатах, требуется наличие динамики, интерактива.

А. А. Вартеванян отмечает, что «сфера творчества и художественного сознания никогда не остается вне сильнейшего воздействия на нее научно-технического прогресса. В этой области искусственный интеллект, нацеленный в направлении художественного творчества, показывает особенный интерес как потенциальный инструмент сохранения и развития культуры»². Без преувеличения, именно сегодня сфера искусства претерпевает самые значительные изменения за всю историю, поскольку меняются

¹ Губанова Е. В., Фатеева Т. Н., Елкина М. А. Проблемы и перспективы развития искусственного интеллекта в сфере культуры, науки и образования // Калужский экономический вестник. 2022. № 4. С. 29–34; Иванова Л. М., Крылова М. С. Цифровизация организаций, оказывающих услуги в области культуры и развлечений // Научно-образовательная среда как основа развития интеллектуального потенциала сельского хозяйства регионов России : материалы III Междунар. науч.-практ. конференции, Чебоксары, 8 сентября 2023 г. Чебоксары : Чувашский государственный аграрный университет, 2023. С. 585–588.

² Вартеванян А. А. Особенности становления искусственного интеллекта в современной культуре // Образование и наука в современных реалиях : сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конфе-

подходы к взаимодействию зрителей с экспонатами, трансформируются способы донесения информации до посетителей, принципы организации работы музейно-выставочных учреждений. Современные технологии предоставляют каждому пользователю Интернета возможность не только посещать музеи не выходя из дома, но и самому создавать произведения искусства высокого качества, а также любые пародии на уже существующие произведения, их компиляции и модификации, не обладая при этом никакими профессиональными навыками.

Расширение доступа граждан к потреблению и созданию произведений искусства — явление несомненно положительное. Отметим и другие безусловно положительные аспекты воздействия технологий ИИ на сферу культуры в целом. Среди особенностей ИИ следует выделить способность улавливать тенденции, которые могли бы ускользнуть от взора человека. Благодаря своим вычислительным мощностям и следующим из них возможностям в аналитике искусственный интеллект может предсказывать изменения в культурных предпочтениях населения как отдельного населенного пункта, так и целой страны, прогнозировать спрос на конкретные виды искусства.

Например, Е. Н. Живицкая и О. В. Гуринович в своей работе описывают информационные системы прогнозирования продаж, которые активно применяются в коммерческой среде для повышения прибыли³. Вполне логично, что подобные системы можно внедрять и, с целью прогнозировать спрос на искусство, получать информацию о том, какие предпочтения есть у современного зрителя театра и кино, слушателя музыки и радиопередач, посетителя картинной галереи, музея и пр. Удивительно, что, несмотря на коммерческую и культурную перспективность применения ИИ в искусстве, научных исследований в этой сфере крайне мало по сравнению с массой научных работ, посвященных его применению в других видах деятельно-

сти. Тем не менее считаем, что оценка спроса на произведения искусства и культуры — перспективное направление, которое требует развития, а значит, в скором времени такое развитие непременно последует.

Общая характеристика современных процессов применения искусственного интеллекта в сфере культуры

С учетом многих объективных факторов и тенденций, учреждения культуры в скором времени непременно будут вынуждены повсеместно прибегать к использованию ИИ не только для проведения выставок, анимации экспонатов, создания виртуальных пространств, но и в управленческой деятельности, как и все прочие организации, — для планирования своей работы.

Принципиальное отличие технологий, основанных на элементах ИИ, от других цифровых технологий состоит в том, что искусственный интеллект имеет потенциал для творческого развития человека. Данное обстоятельство открыло совершенно новые перспективы в области живописи. Например, нейронное произведение «Театр космической оперы» Дж. Аллена получило широкую известность благодаря победе на конкурсе цифрового искусства. Этот случай интересен тем, что в отличие от других французских художников Аллен представил произведение, созданное известной и популярной среди современных художников нейросетью Midjourney, тем самым продемонстрировав ее большую творческую свободу⁴.

С помощью ИИ создаются уникальные музыкальные композиции. В судебном решении «по делу IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited HCA 14 (22 April 2009)» указано, что оригинальность произведения требует, чтобы литературное произведение было создано автором и чтобы оно не было просто скопировано с другого произведения⁵.

ренции, Чебоксары, 17 декабря 2017 г. / ред. кол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : Интерактив плюс, 2017. С. 30.

³ Живицкая Е. Н., Гуринович О. В. Автоматизированная система прогнозирования спроса // Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. 2007. № 1 (17). С. 125–126.

⁴ См.: Колесник М. А., Ситникова А. А., Андрюшина Я. Д. Искусственный интеллект как инструмент и соавтор в творчестве современных художников: примеры художественных практик и анализ произведений визуального искусства // Социология искусственного интеллекта. 2023. Т. 4. № 1. С. 37.

⁵ High Court of Australia. IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited HCA 14 (22 April 2009) // URL: <https://www.hcourt.gov.au/assets/publications/judgment-summaries/2009/hca14-2009-04-22.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).

Стоит отметить, что сегодня существуют онлайн-программы, находящиеся в свободном доступе, с помощью которых можно создавать свои собственные композиции. Ярким примером является Suno Ai: любой человек может написать слова будущей песни, указать жанры, в каких он хотел бы услышать исполнение, придумать название, а искусственный интеллект за считанные секунды сгенерирует композицию. Далее автор текста может скачать мелодию, созданную искусственным интеллектом, а после этого со своим собственным голосом записать песню. Казуальным остается вопрос: кому будут принадлежать интеллектуальные права на данное произведение? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Так, например, «в Великобритании на объекты творчества, созданные компьютером, но с помощью человека, распространяется авторское право программиста, который написал компьютерный код, на основании которого компьютер создал произведение»⁶, хотя очевидным было бы считать автором оператора ИИ.

Один из широко распространенных практических примеров использования ИИ в сфере культуры — создание компьютерных программ, способных анализировать художественные произведения. Например, с использованием алгоритмов машинного обучения была разработана программа Smartify, способная определять авторство картин⁷. Ее скорость обработки информации очень высока, это позволяет исследователям и экспертам быстро и точно идентифицировать не только автора, но и дату создания произведения искусства.

Другой пример — использование ИИ в написании музыки. С помощью нейронных сетей музыканты могут создавать уникальные мелодии и композиции, основанные на образцах из классических произведений или современных аудиозаписей. Такие технологии позволяют расширять творческие возможности исполнителей, а также развивать новые подходы к созданию музыки. Приведем примеры нейросетей, которые пишут музыку: Riffusion, Mubert, Soundraw, Melobytes, Humtap, AIVA, hmusika!, MuseNet, Amper Music, MusicLM. Некоторые нейросети в состоянии генерировать композиции по фото, например Image to Music и

Imaginary Soundscape. Существуют программы, способные создавать видеоряд к конкретным композициям в зависимости от текста песни, темпа, лада, жанра и других параметров звука аудиозаписи.

В области кино также наблюдается значительное влияние ИИ. Алгоритмы машинного обучения широко используются для анализа данных о предпочтениях зрителей и популярности кинофильмов и сериалов. Большинство российских и зарубежных стриминговых сервисов применяют подобные программы для продвижения платных услуг. Технологии, основанные на ИИ, позволяют киностудиям и режиссерам прогнозировать успех фильма и адаптировать свое производство и маркетинговую стратегию в соответствии с пожеланиями аудитории.

В последние годы создаются нейросети, умеющие работать с видеоформатами: переводить речь актеров и подстраивать движения их губ под речь, генерировать новые видео на основе статичных изображений или текстовых заданий. Качество таких видеороликов стремительно растет и уже близко к настоящему видео. Такие технологии ставят под сомнение подлинность всего видеоконтента, что, например, настоятельно требует пересмотра критериев судебных доказательств.

Вне всякого сомнения, сегодня констатируется факт, что самостоятельной воли и желания творить у ИИ на текущем уровне развития нет (так как это всё еще слабый ИИ), однако многие картины, фильмы и литературные произведения сегодня уже не обходятся без применения алгоритмов ИИ. В целом использование ИИ в культурной сфере открывает новые грандиозные возможности для творчества и популяризации искусства.

Приведенные нами примеры иллюстрируют высокую степень интеграции «интеллектуальных» технологий во многие процессы создания музыки, фильмов и сериалов. Искусственный интеллект значительно ускоряет и упрощает творческий процесс. Однако для обеспечения высокого качества произведений искусства важно сохранять устаревающие классические навыки творчества, обучать им людей и уметь находить баланс между технологическими инновациями и сохранением важных традиций

⁶ Ишутин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. «Нейронное искусство» как объект авторского права // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3). С. 142.

⁷ Ершова Д. Е. Новая музейная коммуникация в пространстве сетевой культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 182.

в сфере культуры. На сегодняшний день это особенно актуально, так как в произведениях встречаются ошибки, которые человек должен уметь исправить. Классическим примером здесь является нынешнее плохое умение многих нейросетей-художников «рисовать» анатомически правильные человеческие пальцы, а также буквы, особенно не содержащиеся в английском алфавите. Изображения с такими ошибками должны быть откорректированы человеком-художником, прежде чем использоваться в серьезных проектах. Свои ошибки есть и в произведениях, созданных искусственным интеллектом в других жанрах искусства.

Значение правового регулирования в сфере искусственного интеллекта

Как мы уже отмечали ранее, перспективы использования ИИ в сфере культуры колоссальны. Однако вмешательство ИИ в культурную (а значит, и идеологическую) сферу также вызывает определенные опасения и влечет вполне серьезные вызовы, которые требуют государственного регулирования.

На начало 2024 г. в России действуют следующие нормативные правовые акты, связанные с рассматриваемой темой: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁸, Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”»⁹. Помимо того, более 100 национальных стандартов в сфере ИИ разработано и утверждено в течение 2021–2023 гг., еще 11 международных стандартов разработано и утверждено при участии российских специалистов за этот же период.

Однако указанные законы, национальные и международные стандарты не обеспечивают в полной мере комплексного регулирования деятельности ИИ в сфере искусства и культуры. На

наш взгляд, это является большим упущением: в ближайшем будущем, ввиду отсутствия нормативного регулирования, неизбежно будут образовываться пробелы в праве, соответственно, суды будут выносить неоднозначные и спорные решения в некоторых случаях неправомерного использования ИИ.

Безусловно приоритетной темой, когда речь идет о значимости государственного регулирования ИИ в сфере культуры, в западной литературе является защита авторских прав. Учитывая, что искусственный интеллект уже массово используется для создания и распространения произведений искусства и при этом обучается на очень большом количестве чужих произведений, что приводит к копированию им некоторых элементов, стилей и т.д., важно обеспечить защиту результатов интеллектуальной деятельности авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Кроме того, необходимо защитить авторские права творцов, использовавших в своей работе ИИ в качестве инструмента. Идут дебаты и вокруг вопроса о наделении авторскими правами самого ИИ¹⁰.

О высокой значимости последнего говорит следующий случай из зарубежной практики, приведенный В. О. Калятиным: «...в ходе теста в Рутгерском университете (США) в 2017 г. группа экспертов в области информатики и историков искусств не смогла отличить картины, созданные искусственным интеллектом, от картин, созданных человеком; иногда картины, созданные искусственным интеллектом, оценивались выше»¹¹.

Очевидно, что искусственный интеллект может быть использован как на протяжении всего процесса создания нового произведения искусства, так и для решения отдельно взятых задач, например поиска наиболее подходящего фона для картины. Ввиду невозможности без компьютерной техники отличить результаты интеллектуальной деятельности от произведений, созданных человеком, считаем, что требуется разработать государственный стандарт, обязывающий маркировать любую картину, созданную с помощью ИИ. Это позволит избежать зло-

⁸ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

⁹ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5159.

¹⁰ Ишутин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. Указ. соч. С. 139–142.

¹¹ Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 27.

употреблений при использовании технологий, а также обеспечит защиту прав интеллектуальной собственности.

Из вышесказанного следует логичный вывод: органам власти будет необходимо проводить процедуру верификации изображений. Полагаем, что проверять все произведения, которые в настоящее время есть в открытом доступе в Интернете, не представляется возможным. Но необходимость в верификации будет возникать в тех случаях, когда произведения должны будут выставляться в картинных галереях, на различных официальных выставках. Согласно этическим нормам было бы справедливо, чтобы посетители картинных галерей и музеев знали, какое произведение было создано искусственным интеллектом, а какое — человеком. Таким образом, речь идет о защите прав интеллектуальной собственности как человека, так и фактически ИИ тоже, хотя последний и не признается пока что субъектом правоотношений.

Если человек создает произведение, а искусственный интеллект выступает только в качестве инструмента, то оно может признаваться результатом интеллектуальной деятельности человека. Произведения, созданные с помощью нейросетей, в случае выявления отсутствия творческого участия человека, вероятно, не должны признаваться объектами авторского права человека. С другой же стороны, нейросети создают свои произведения (пока что) всегда на основе точных запросов — промтов (англ. *prompt*), заданных человеком. Так что нейросети вполне можно относить к инструментам, а не к авторам. В законодательстве США прямо указано, что авторским правом может обладать только человек¹², соответственно, не рассматривается возможность ИИ быть субъектом права. В Германии законодатели пошли по аналогичному пути¹³. В противовес указанным нормам существует интересный прецедент (Китай,

2019 г.): суд в Шэньчжэне (провинции Гуандун) постановил, что произведение, созданное с помощью ИИ, подлежит защите авторскими правами¹⁴.

Другой важнейшей проблемой применения ИИ в сфере культуры является регулирование его использования с целью изучения, реставрации и сохранения объектов исторического и культурного наследия. Искусственный интеллект активно используется для анализа, восстановления и сохранения культурных ценностей, однако важно контролировать процессы использования данной технологии, поскольку особенно важно не допустить утрату, порчу, искажение смысла исторических произведений различных видов искусства.

Возможности ИИ в этом направлении позволяют делать замечательные вещи. Так, например, в 2023 г. 21-летний студент одного из университетов успешно применил технологии ИИ для расшифровки части текста, записанного на свернутом в рулон сильно обугленном папирусном свитке, который был найден в древнеримском городе Геркуланум, уничтоженном при извержении вулкана Везувий вместе с городом Помпеи в 79 г. н. э. Свиток был поврежден настолько, что раскрытие привело бы к его уничтожению. Ученые сохраняли его в том виде, в котором он был найден. Кроме того, была объявлена награда тому, кто сможет его прочитать, не разрушая. И вот в 2023 г. правильно примененные технологии ИИ позволили прочесть несколько букв в практически сожженном свернутом свитке¹⁵. Еще несколько лет назад подобное казалось фантастикой.

Пример из отечественной практики: специалисты «Сбера» смогли расшифровать почерк Петра I с помощью IT-технологий. Объектом исследования стали каракули царя, над расшифровкой которых ученые-историки бились 150 лет¹⁶. Причиной столь медленной работы по расшифровке был неразборчивый почерк

¹² Compendium of U. S. Copyright Office Practices. 2017. Sept. 29. No. 306. URL: <https://www.copyright.gov/com3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 26.01.2024).

¹³ Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz, geändert durch das Gesetz vom 01.09.2017) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17676> (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁴ Primary People's Court of Nanshan District, China (2019): Tencent Company v. Yingxun Company, Case No. Y0305MC, No. 14010 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/1775> (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁵ Marchant J. AI reads text from ancient Herculaneum scroll for the first time // Nature. 2023. Oct. 12. DOI: 10.1038/d41586-023-03212-1.

¹⁶ Новоселова Е. Бесценные каракули Петра // Родина. 2022. № 3. С. 2–3.

первого российского императора. Нейросеть, сделавшая это, обучалась на датасете из 10 тыс. строк писем и заметок Петра I. В итоге точность распознавания ею его почерка составила рекордные 97,6 %. Полагаем, что подобные технологии ИИ могут быть полезны не только при расшифровке текстов прошлых эпох, но и в археологической деятельности, где осуществляется моделирование местности, анализ найденных при раскопках образцов и пр., а также в других областях человеческой деятельности, где требуется расшифровка письменных или поврежденных текстов: в криминалистике, медицине и т.д.

Однако, поскольку эти технологии применяются к очень ценным объектам, часто не имеющим копий, четкое правовое регулирование такой деятельности представляется крайне необходимым.

Стоит отметить, что государственное регулирование ИИ в сфере культуры необходимо и для обеспечения доступа к культурным ценностям для всех слоев населения. Здесь важно учитывать интересы, потребности, возможности и другие особенности различных социальных групп. Одной из главных проблем может стать цифровое неравенство. И хотя и в этом направлении есть значительные сдвиги, для доступа широких слоев населения, в том числе жителей отдаленных городов и сел, что особенно актуально для нашей страны, требуется существенная экономическая и организационная помощь со стороны государства, комплексное развитие территорий и т.д.¹⁷

Увеличение доступности для населения объектов и произведений культуры и искусства повышает образованность людей, что потенциально ведет к большему стремлению приобретать профессии, связанные с творчеством. Особенно это актуально для детей школьного возраста, так как они находятся на этапе выбора жизненного пути: знакомство с лучшими достижениями человечества может быть крайне полезно для них и общества, в котором они будут жить и работать в дальнейшем¹⁸. Кроме того, широкий доступ населения

к культурным ценностям и лучшим образцам искусства благотворно сказывается на настроениях общества, что является важным стабилизирующим фактором в политике, в некоторой степени снижая недовольство людей и отток населения в другие страны. Доступность потребления объектов культуры и искусства привлекает туристов, творческих людей и бизнес других стран, то есть несет прямые экономические выгоды.

Полагаем, что, с учетом необходимости культурного развития отдаленных населенных пунктов, требуется корректировка и дополнение федерального проекта «Цифровая культура»¹⁹. Доступ к культурным ценностям может быть организован также в виде цифровых выставок, VR-технологий и технологий дополненной реальности (AR). Безусловно, реализация такого проекта потребует значительных финансовых вложений, чтобы музеи, библиотеки, дома культуры и иные учреждения получили соответствующее современное оборудование. Возможность реализации данного проекта существует давно, однако у жителей крупных городов и отдаленных сел должны быть одинаковые условия доступа к культурно-историческим ценностям нашей страны. Только в таком случае достижимо равномерное культурное просвещение населения и обучение нового поколения в условиях цифровизации и вызовов современности. Это необходимо для воспитания патриотизма, знания истории своей страны и т.д.

Таким образом, государственное регулирование ИИ в сфере культуры играет важнейшую роль в обеспечении защиты авторских прав, сохранении исторических и культурных ценностей, а также обеспечении равного доступа к культурным ценностям для всего общества. Важно разработать эффективные законы и подзаконные нормативные правовые акты, которые позволят достичь баланса между развитием технологий, основанных на элементах ИИ, и обеспечением безопасного для людей и культурных ценностей, устойчивого и эффективного использования ИИ в сфере культуры.

¹⁷ *Прончатов А. О.* Проблемы реализации государственной политики цифровизации в области культуры в современное время // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. № 1 (314). С. 87.

¹⁸ *Алферьева-Термсинос В. Б.* Виртуальные музейные экспозиции как средство социокультурного развития младших школьников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-1. С. 188–190.

¹⁹ URL: <https://digital-culture.ru>.

Влияние искусственного интеллекта на культурное разнообразие

Вполне закономерно, что влияние ИИ на культурное разнообразие может быть как положительным, так и негативным. Раскроем, на наш взгляд, наиболее очевидные положительные факторы:

— *сохранение и восстановление поврежденных и утраченных исторических объектов.* Искусственный интеллект может быть использован для реставрации и аутентификации исторических произведений искусства. С помощью ИИ можно восстановить недостающие части фрески, искусственно воссоздать фрагменты древних рукописей, восстанавливать целые объекты по имеющимся чертежам и другим изображениям, проводить анализ археологических раскопок, что может быть крайне важно для сохранения культурного наследия, а также для создания виртуальных музейных экспозиций²⁰. Например, руководство «Сбера» заявило о том, что их нейросеть занимается восстановлением второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя²¹, хотя несколько лет назад, очевидно, такие заявления казались бы большинству граждан невозможными. Однако важно учитывать этические аспекты использования информационных технологий по вопросам сохранения культурного наследия, чтобы избежать потенциальных искажений и потери аутентичности произведений. При этом не стоит безусловно верить результатам реставрации произведений с помощью ИИ: требуется оценка экспертов и специалистов в конкретной области искусства. Некоторые специалисты небезосновательно с опасением и недоверием относятся к «творчеству» ИИ, которое посягает на классические произведения искусства, как в случае с Н. В. Гоголем и др. Поэтому данный фактор можно смело отнести как к положительным, так и к отрицательным;

— *перевод на иностранные языки.* Искусственный интеллект уже играет значительную роль в реализации технологий машинного перевода, в том числе имеется возможность осуществлять перевод с мертвых и искусственных языков, а также устаревших диалектов на достаточно высоком уровне. Кроме того, как отмечалось выше, искусственный интеллект может распознавать малопонятные вследствие некачественного исполнения и поврежденные тексты. Очевидно, эти технологические возможности применимы и в других сферах чело-

веческой деятельности, например в криптографии, журналистике, криминалистике и многих других;

— *искусственный интеллект может помочь сохранить и ретранслировать знания о традиционных ремеслах и искусстве.* Современным людям бывает сложно понять быт и условия жизни, а значит, и действия людей, которые жили несколько веков назад. В исторической науке даже существует «принцип историзма», означающий, что исторические процессы необходимо рассматривать в контексте времени, в котором они происходили, то есть как бы смотреть на события глазами их современников. Это трудная задача, решение которой осложняется ошибками мышления современного человека и ограниченностью информации. Искусственный интеллект помогает преодолевать подобные ограничения быстрее и эффективнее, чем человек, что может привести к новым открытиям в исторической науке. Например, он в состоянии проанализировать тексты летописей, созданных в течение нескольких веков, выявить закономерности в поведении людей, что может пролить свет на некоторые неизвестные до настоящего времени традиции прошлого;

— *нейросети, в случае наличия достаточного для обучения материала, могут быть полезны и в образовательном процессе.* Преподаватель истории или, например, экскурсовод с помощью ИИ может более наглядно показать, какими ремеслами занимались люди прошлого, и даже продемонстрировать посредством цифровых технологий процесс создания предметов (какими были одежда, украшения, обряды).

Возможные негативные факторы влияния ИИ на культурное разнообразие:

— *унификация творчества.* Использование ИИ в различных видах искусства может привести к появлению определенных шаблонов, что может значительно уменьшить культурное разнообразие. Так, существует опасение, связанное с тем, что, например, использование идентичных программ для генерации музыки спровоцирует ситуацию, в которой все музыканты будут придерживаться сходных стандартных приемов, исчезнет мотивация самостоятельно создавать новые уникальные композиции, поскольку это требует больших усилий, большего уровня музыкального образования и, самое главное, желания. Об этих рисках в XXI в. говорят и теоретики, и практики. Более того, подобные тен-

денции наблюдаются сейчас в танцевальных жанрах музыки, где творческое участие человека сводится к минимуму. С другой стороны, те композиторы и исполнители, которые действительно любят заниматься своим делом, всё равно будут подходить к своей работе более творчески и, соответственно, будут выделяться на фоне тех, кто следует моде. В принципе, так искусство и развивалось, поэтому бояться указанного влияния ИИ не стоит;

— *глобализация культуры, утрата культурных ценностей отдельных народов.* Данный риск, на наш взгляд, имеет место и вне контекста применения ИИ. Как мы уже отмечали ранее, искусственный интеллект может выступить лишь в качестве одного из факторов, который только ускорит этот процесс. Глобализация неизменно влияет на малые народы, проживающие по всему миру, они неизбежно культурно интегрируются сначала в национальную, затем в мировую культурную среду, постепенно забывая некоторые традиции, затем стираются этнографические особенности, такие как письменность и язык. Напротив, искусственный интеллект может помочь сохранить наследие малых народов в цифровой форме, даже если оно будет забыто всеми носителями.

Важно то, как конкретные люди и организации будут использовать ИИ, на что будут направлены их усилия. Поэтому считаем, что обозначенные негативные тенденции могут быть преодолены с помощью того же ИИ.

Риски использования искусственного интеллекта в процессе создания и распространения произведений культуры и искусства

М. А. Бакуменко полагает, что «благодаря повсеместному применению интеллектуальных информационных систем человек может постепенно утратить свои важнейшие навыки, в том числе навыки к творческой деятельности»²². Вне всякого сомнения, подобные опасения частично

оправданны, ведь только от самого человека зависит, как он будет применять ИИ. На наш взгляд, искусственный интеллект на данном этапе развития представляет собой прикладной инструмент, который должен быть незаменимым помощником художника, скульптора, писателя и т.д. Вероятнее всего, применение ИИ не отберет у человека его профессиональные навыки, а лишь изменит их.

Уже сегодня доказано, что без постоянного участия человека в творческом процессе творческий потенциал ИИ падает, результаты его деятельности ухудшаются, именно поэтому полностью полагаться на ИИ не стоит. Исследователи и непрофессиональные наблюдатели всегда замечают, что искусственный интеллект делает что-то примерно так же хорошо, как человек, но редко осознают, что этот результат достигается именно вследствие того, что оператор-человек, используя свои знания и творческое мышление, точно формулирует задание для ИИ и корректирует его результаты.

Приведем в качестве примера следующую позицию исследователей: «...преобразование текста между несколькими языками есть оригинальная задача, для решения которой в случае человека применяются креативные методы. Языковые системы людей не имеют формальной основы, а конструкции речи действуют вне каких-либо регламентов. И самые передовые нейросети до сих пор значительно уступают человеку во всех аналогичных ситуациях и задачах»²³. Эта мысль неверна, так как некоторые, и весьма жесткие, «регламенты» в человеческих языках обязательно присутствуют — это грамматика, фонетика и другие правила, известные всем, кто изучал языки на научной основе. Языки человеческого общения, конечно, непрерывно меняются и применяться могут довольно свободно, но, как говорил А. де Сент-Экзюпери, свобода ходить по комнатам создается ограничениями стен.

Кроме того, не следует забывать, что современные нейросети, генерирующие тексты, —

²⁰ Алферьева-Термсинос В. Б. Указ. соч. С. 188–189 ; Пичкурова И. А., Кутькина О. П. Информационно-коммуникационные технологии и их возможности в музейном мире // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 276–278.

²¹ Нейросеть «Сбера» восстановит второй том «Мертвых душ» Гоголя // URL: <https://tass.ru/obschestvo/21719829> (дата обращения: 31.08.2024).

²² Бакуменко М. А. Современные технологии искусственного интеллекта и сфера культуры // МедиаВектор. 2022. № 3. С. 7.

²³ Мильгизин И. Э., Баева Л. В. К вопросу о креативности в нейросетях искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2017. № 1 (13). С. 65.

это языковые модели, такие же по принципу работы, как те, что используются в современных мобильных телефонах для подсказки продолжения слова или фразы, просто более сложные. Языковая модель не придумывает текст, как человек, — она просто подбирает наиболее вероятные слова, которые могут идти за имеющимся словом. И делается это на основе статистики, алгоритмов и данных, по которым эта нейросеть была создана и обучалась. А с тех пор как была высказана процитированная выше мысль, нейросети получили значительное развитие, так что и предположение о том, что они значительно уступают человеку во всех аналогичных ситуациях и задачах, теперь тоже крайне сомнительно.

Буквально за последние два года нейросети развились настолько, что устарел тест Тьюринга — беседу с ИИ теперь бывает очень сложно отличить от разговора с человеком. То же касается и других продуктов, созданных с помощью ИИ. Примеры этого можно найти в соцсетях, которые всё больше наполняются разноформатным контентом, сгенерированным искусственным интеллектом, и часть пользователей не отличают произведения, сгенерированные ИИ, от созданных людьми, даже если более опытные пользователи указывают на это.

Возникают даже целые бизнес-стратегии, вполне успешные, построенные на эксплуатации обмана пользователей в виде выдачи искусственно сгенерированного контента за созданный человеком. Например, на популярных интернет-сайтах или страницах создаются аккаунты, зарабатывающие известность, популярность и доверие пользователей с помощью регулярной публикации фейкового контента, который вызывает значительный положительный отклик у местной аудитории (это тоже можно легко просчитать с помощью ИИ). Затем такой аккаунт, уже имеющий высокую репутацию, продается и далее эксплуатируется в своих интересах покупателями — политическими или коммерческими агентами.

Тем не менее одним из главных рисков использования ИИ в культурной сфере является утрата оригинальности произведений. Алгоритмы ИИ используются для создания произведений поп-культуры, в свою очередь, это может привести к появлению множества массовых, но деперсонализированных произведений искусства, лишенных индивидуальности. Возникнет иллюзия бурного развития искусства, но на самом деле это будет просто производством мно-

жества мало чем отличающихся друг от друга продуктов среднего качества.

Эта иллюзия может побудить людей, финансирующих искусство, к сокращению числа занятых специалистов. С массовым внедрением ИИ перестройка рынков не только продукции, но и труда в сфере культуры и искусства неизбежна так же, как и в других отраслях экономики. Многие работники потеряют свои места в ближайшем будущем. Так, музыканты, писатели и художники вполне могут лишиться своей работы и возможности заработка из-за конкуренции с автоматизированными системами, основанными на ИИ.

Причем это касается не только самих творцов, но и множества людей, обслуживающих творчество, например тех, кто занимается переводом и озвучиванием фильмов, технической обработкой звука в музыкальных произведениях, написанием кода и тестированием ошибок при создании видеоигр, анализом успешности продуктов у пользователей и т.д. Проблема шире, чем кажется на первый взгляд. Очевидно, что всё это окажет непосредственное влияние и на развитие искусства, и на общественно-экономическую ситуацию. Поэтому наша страна, а также все государства мира должны контролировать подобные процессы хотя бы на уровне введения стандартов и правил работы с ИИ в конкретных организациях, процессах, профессиях.

Пути совершенствования правового регулирования применения искусственного интеллекта в сфере культуры

Полагаем, что в текущих условиях требуется реализация следующих мер регулирования государством применения ИИ в сфере культуры и искусства:

1. Совершенствование нормативных правовых актов. Крайне важно обеспечить законный доступ к созданным с помощью ИИ произведениям искусства. Это означает, что стоит создать правовой режим защиты результатов интеллектуальной деятельности, полученных с помощью ИИ. Следует обеспечить исполнение принципов открытости и прозрачности при использовании ИИ в сфере культуры, чтобы избежать мошеннических действий.

Нами было отмечено ранее, что в законодательстве РФ на текущий момент (2024 г.) нет специального закона, который бы регулировал применение ИИ в сфере культуры. Данный

закон, по нашему представлению, необходим. Он должен закреплять области применения ИИ; устанавливать процедуры и общие требования к разработке и использованию новых информационных технологий в сфере культуры; защищать интересы людей, занятых в этой сфере, а также потребителей; и при этом не ставить значительных преград на пути развития технологий, а лучше — стимулировать бизнес, общество и отдельных специалистов к совершенствованию полезных и перспективных технологий, способов их использования. Несомненно, подобный закон должен широко и открыто обсуждаться в целях наибольшего учета интересов всех сторон.

Считаем необходимым дополнить ст. 1228 Гражданского кодекса РФ пунктом 5 следующего содержания: «Автором результата интеллектуальной деятельности по итогам компьютерной экспертизы может быть признан правообладатель искусственного интеллекта, выступающего в качестве автора созданного произведения либо соавтора человека, творческим трудом которого был создан такой результат интеллектуальной деятельности».

Конечно, должны быть внесены изменения и в другие нормативные правовые акты, регулирующие деятельность культурных и образовательных организаций — государственных и негосударственных, коммерческих и некоммерческих. Корректировке должны подлежать законы, на основе которых ведется археологическая деятельность, работа по охране памятников истории и культуры и т.д.

2. *Создание институциональной базы.* Необходимо организация специализированных учреждений, ответственных за контроль и регулирование применения ИИ в сфере культуры. Эти учреждения будут координировать деятельность по внедрению и контролю использования новых технологий, а также предоставлять консультационную поддержку для организаций и физических лиц, желающих применять ИИ в своей деятельности с целью создания новых произведений искусства. Но здесь необходимо избежать возможных негативных последствий в виде коррупции, цензуры и др.

К примеру, существующие возможности ИИ в области аналитики данных колоссальны. Процедуры прогнозирования и моделирования могут быть использованы для анализа

предпочтений аудитории и создания персонализированного кино, музыки и развлекательного контента. Однако при этом возникает необходимость учитывать риски применения таких технологий в целях манипуляции сознанием населения и даже для формирования монополий на произведения культуры и искусства.

Напротив, если правильно направить ИИ и контролировать его использование, то можно открыть доступ к культурному богатству и наследию мира для всех и каждого. В этой связи приведем размышления В. Н. Маслова: «Одним из принципиальных положений, декларируемых в трансгуманистической концепции, является мысль о том, что интенсивное развитие высоких технологий, тотальная цифровизация и прогресс в целом изменит биосоциальную природу человека, что повлечет за собой открытый доступ к ресурсам для каждого человека»²⁴. Вполне очевидно, что культура представляет собой один из самых важных ресурсов для человечества. С развитием достаточной институциональной базы вполне возможно использовать ИИ в благих целях.

3. *Создание государственных национальных стандартов и нормативов по использованию ИИ в сфере культуры, которые будут закреплять правила правомерного использования таких технологий, обеспечивать защиту интеллектуальной собственности и др.* Например, полагаем, что выставка картин, созданных с помощью общедоступного ИИ, может быть бесплатной, а вырученные от их продажи средства должны быть направлены на благотворительные цели. На наш взгляд, подобные этико-правовые стандарты следует формировать непременно с учетом мнения представителей широких слоев населения, а результаты обсуждений обобщать на общественных слушаниях. Вполне справедливо, чтобы всё общество выразило свою волю по вопросам будущего применения ИИ в сфере культуры. Потому что если этого сделано не будет, то культура окажется оторванной от реальных потребностей общества, а значит — нежизнеспособной. Такая культура, несомненно, проигрывает в конкуренции с более живыми и демократическими образцами других обществ.

Кроме того, согласно п. 1–2 ст. 26 Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стан-

²⁴ Маслов В. Н. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2014. С. 9.

дартизации в Российской Федерации» ГОСТы в нашей стране носят рекомендательный характер²⁵. Таким образом, стандарты разработки и применения ИИ также будут носить рекомендательный характер. Возможно, так как риски, которые несет ИИ (не только в сфере культуры), могут быть очень высоки, следует пересмотреть приведенное положение об обязательности ГОСТов в сфере регулирования деятельности, связанной с ИИ.

4. *Проведение мониторинга и анализа.* Министерство культуры РФ и подведомственные ему органы власти и учреждения, с учетом предполагаемых и других возможных изменений, должны будут в будущем осуществлять мониторинг и проводить анализ применения ИИ в сфере культуры, чтобы оперативно выявлять проблемные ситуации и принимать меры по их разрешению. От скорости и качества такой работы будет зависеть сохранность ценных объектов культуры и истории. Полагаем, что отдельные функции можно реализовывать на местном уровне — органами муниципальной власти при должном техническом оснащении и с учетом достаточной квалификации муниципальных служащих.

Заключение

Технологии ИИ сегодня оказывают значительное влияние на производство и распространение самых разных произведений искусства, на изучение и восстановление объектов культурного наследия. Искусственный интеллект широко применяется в образовательной деятельности, для организации выставок, фестивалей и других мероприятий. Эти тенденции сохранятся и усилятся в ближайшем будущем.

Технологии ИИ значительно меняют не только рынки культурно-развлекательной продукции, но и рынок труда, и сам процесс работы деятелей культуры и искусства. Эти эффекты повлияют на всё общество. Кроме того, искусственный интеллект несет не только новые возможности, но и значительные риски, что требует особого внимания к этим технологиям со стороны государства и общества.

На сегодняшний день законодательство в области ИИ находится на стадии становления не только в России, но и во всех других странах мира. Единого закона, регулирующего применение ИИ в сфере культуры и искусства, в действующем российском законодательстве на сегодняшний день нет. И в других государствах тоже. Такой закон должен быть разработан при активном общественном обсуждении, которое поможет учесть неочевидные для законодателя проблемы²⁶. Массовое внедрение ИИ требует также внесения правок в действующие нормативные правовые акты.

Разработка соответствующей нормативно-правовой базы и этических стандартов в сфере регулирования ИИ представляет собой важнейшую задачу, решение которой необходимо для обеспечения устойчивого развития отечественной культуры и всего общества в целом. Несмотря на все имеющиеся преимущества, использование ИИ в сфере культуры вызывает и определенные опасения. Возникают вопросы о том, можно ли считать произведения искусства, созданные с его помощью, творческими, поскольку они не имеют человеческого начала. Искусственный интеллект фактически не может сострадать, проявлять эмпатию, эмоции, мыслить, как человек. Он способен точно копировать стиль творчества конкретных людей, но самостоятельно, без помощи человека творить пока что не в состоянии.

Сегодня самыми обсуждаемыми вопросами в юридической науке (особенно на Западе) касательно применения ИИ в искусстве являются вопросы защиты авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ²⁷, а также авторских прав авторов, на чьих произведениях ИИ обучается и затем в разной степени копирует их стиль или какие-либо элементы. Обсуждается проблема предоставления ИИ собственных авторских прав и даже особого, нового юридического статуса «электронного лица». Содержание авторских прав, в принципе, различается от страны к стране, что оказывает существенное влияние на обсуждение вопроса об авторских правах на произведения ИИ.

Необходимо создать и закрепить в законодательстве многие новые дефиниции, связанные с ИИ, такие как цифровое искусство, ци-

²⁵ Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

²⁶ Прончатов А. О. Указ. соч. С. 87–89.

²⁷ Ишутин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. Указ. соч. С. 139–142.

фровое произведение, цифровая платформа, цифровой актив и др.²⁸

Результаты разрешения всех этих вопросов в законодательствах разных стран окажут значительное влияние и на культуру, и на право будущего.

У некоторых исследователей возникают опасения относительно «потери культурной идентичности» под влиянием ИИ, многие наблюдатели говорят об «отсутствии души» в произведениях, созданных искусственным интеллектом, их шаблонности. Тем не менее уже складывается ситуация, в которой творить без применения ИИ экономически невыгодно. Процесс создания любого произведения человеком занимает дни, месяцы и даже годы. Искусственный интеллект может справиться с теми же задачами за считанные секунды.

Помимо этого, судя по тенденциям развития технологий, потребитель самого ближайшего будущего уже не сможет отличать произведения, созданные искусственным интеллектом, от созданных человеком и предпочтет платить тем, кто быстрее предоставит ему желаемый контент. Именно поэтому уже сегодня важно найти баланс между использованием технологий, выгодой и необходимостью сохранения культурного наследия, а также выбрать оптимальный путь развития всей сферы культуры в новых технологических условиях. Очевидно, развитие и применение ИИ требуют создания новых государственных стандартов, правил и структур. А наибольшую устойчивость человечества к новым вызовам можно обеспечить при выработке общеобязательных международных стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алферьева-Термсикос В. Б. Виртуальные музейные экспозиции как средство социокультурного развития младших школьников // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2022. № 5-1. С. 188–191.

Бакуменко М. А. Современные технологии искусственного интеллекта и сфера культуры // *МедиаВектор.* 2022. № 3. С. 4–9.

Вартевян А. А. Особенности становления искусственного интеллекта в современной культуре // *Образование и наука в современных реалиях : сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конференции, Чебоксары, 17 декабря 2017 года / ред. кол.: О. Н. Широков [и др.].* Чебоксары : Интерактив плюс, 2017. С. 30–33.

Губанова Е. В., Фатеева Т. Н., Елкина М. А. Проблемы и перспективы развития искусственного интеллекта в сфере культуры, науки и образования // *Калужский экономический вестник.* 2022. № 4. С. 29–34.

Ершова Д. Е. Новая музейная коммуникация в пространстве сетевой культуры // *Общество: философия, история, культура.* 2017. № 12. С. 181–184.

Живицкая Е. Н., Гуринович О. В. Автоматизированная система прогнозирования спроса // *Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.* 2007. № 1 (17). С. 125–132.

Иванова Л. М., Крылова М. С. Цифровизация организаций, оказывающих услуги в области культуры и развлечений // *Научно-образовательная среда как основа развития интеллектуального потенциала сельского хозяйства регионов России : материалы III Междунар. науч.-практ. конференции, Чебоксары, 8 сентября 2023 года.* Чебоксары : Чувашский государственный аграрный университет, 2023. С. 585–588.

Ишутин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. «Нейронное искусство» как объект авторского права // *Социальные новации и социальные науки.* 2021. № 1 (3). С. 133–144.

Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. № 4. С. 24–50.

Колесник М. А., Ситникова А. А., Андрюшина Я. Д. Искусственный интеллект как инструмент и соавтор в творчестве современных художников: примеры художественных практик и анализ произведений визуального искусства // *Социология искусственного интеллекта.* 2023. Т. 4. № 1. С. 37–51.

Маслов В. Н. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2014. 38 с.

²⁸ *Михалёва Т. Н.* Правовое обеспечение цифровизации искусства // *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки».* 2023. № 1. С. 119, 122–123.

Мильгизин И. Э., Баева Л. В. К вопросу о креативности в нейросетях искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2017. № 1 (13). С. 62–71.

Михалёва Т. Н. Правовое обеспечение цифровизации искусства // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2023. № 1. С. 117–134.

Новоселова Е. Бесценные каракули Петра // Родина. 2022. № 3. С. 2–3.

Пичкурова И. А., Куткина О. П. Информационно-коммуникационные технологии и их возможности в музейном мире // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 274–279.

Прончатов А. О. Проблемы реализации государственной политики цифровизации в области культуры в современное время // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. № 1 (314). С. 85–91.

Marchant J. AI reads text from ancient Herculaneum scroll for the first time // Nature. 2023. Oct. 12. DOI: 10.1038/d41586-023-03212-1.

REFERENCES

Alferyeva-Termsikos VB. Virtual museum exhibitions as a means of socio-cultural development of primary school students. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2022;5-1:188-191. (In Russ.).

Bakumenko MA. Modern artificial intelligence technologies and cultural sphere. *MediaVektor*. 2022;3:4-9. (In Russ.).

Ershova DE. New museum communication in the space of online culture. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2017;12:181-184. (In Russ.).

Gubanova EV, Fateeva TN, Elkina MA. Problems and prospects of artificial intelligence development in the sphere of culture, science and education. *Kaluzhskiy ekonomicheskii vestnik*. 2022;4:29-34. (In Russ.).

Ishutin AV, Kosarimov SV, Chikirka EV. «Neural art» as an object of copyright. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki*. 2021;1(3):133-144. (In Russ.).

Ivanova LM, Krylova MS. Digitalization of organizations providing services in the field of culture and entertainment. In: Scientific and educational environment as a basis for the development of the intellectual potential of agriculture in the regions of Russia. Proceedings of 3rd International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, September 8, 2023. Cheboksary: Chuvash State Agrarian University Publ.; 2023. Pp. 585–588. (In Russ.).

Kalyatin VO. Definition of the subject of rights to an intellectual product created with artificial intelligence. *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. Pravo [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2022;4:24-50. (In Russ.).

Kolesnik MA, Sitnikova AA, Andryushina YaD. Artificial intelligence as a tool and co-author in the work of contemporary artists: Examples of artistic practices and analysis of works of visual art. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*. 2023;4(1):37-51. (In Russ.).

Marchant J. AI reads text from ancient Herculaneum scroll for the first time. *Nature*. 2023. Oct. 12. DOI: 10.1038/d41586-023-03212-1.

Maslov VN. High technologies and the phenomenon of the posthuman in modern society. Dr. Sci. (Philosophy) Diss. Author's Abstract. N. Novgorod; 2014. (In Russ.).

Mikhaleva TN. Legal support for the digitalization of art. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2023;1:117-134. (In Russ.).

Milgizin IE, Baeva LV. On the issue of creativity in artificial intelligence neural networks. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*. 2017;1(13):62-71. (In Russ.).

Novoselova E. Peter's priceless scribbles. *Rodina*. 2022;3:2-3. (In Russ.).

Pichkurova IA, Kutkina OP. Information and communication technologies and their possibilities in the museum world. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. 2020;53:274-279. (In Russ.).

Pronchatov AO. Problems of implementation of the state policy of digitalization in the field of culture in modern times. *Vestnik dygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya» [The Bulletin of the Adyghe State University. Regional studies: Philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies]*. 2023;1(314):85-91. (In Russ.).

Vartevanyan AA. Features of the formation of artificial intelligence in modern culture. Education and science in modern realities. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 17, 2017. Shirokov ON et al., editors. Cheboksary: Interactive Plus Publ.; 2017. Pp. 30–33. (In Russ.).

Zhivitskaya EN, Gurinovich OV. Automated demand forecasting system. Reports of the *Doklady Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta informatiki i radioelektroniki*. 2007;1(17):125-132. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и публичного права юридического факультета, старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения
д. 24, Веры Волошиной ул., г. Мытищи, Московская обл. 141014, Российская Федерация
alskiselev@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Kiselev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International and Public Law, Faculty of Law, Senior Researcher, Center for Research and Expertise, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Constitutional and Civil Law, Faculty of Law, State University of Education, Mytishchi, Moscow Region, Russian Federation
alskiselev@fa.ru

Материал поступил в редакцию 31 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 27 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 31.08.2024.

Revised 27.09.2024.

Accepted 15.03.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.105-123

О. Ф. Гаврилов

Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Российская Федерация

Е. О. Гаврилов

Кемеровский государственный медицинский университет
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Российская Федерация

Философско-правовые аспекты мер уголовной ответственности в сфере выражения религиозных убеждений и отношения к религии в России

Резюме. В исследовании осуществлено соотнесение норм УК РФ и норм Конституции РФ, регулирующих отношения, связанные с выражением религиозных убеждений и отношения к религии, в контексте социокультурных оснований тех процессов, на которые эти нормы распространяются. Показано, что за последние 30 лет законодательство в этой области претерпело изменения в направлении от буквальной трактовки принципов светского общества к конфессионально ориентированным предпочтениям. В статье приводятся аргументы сторонников и противников этих трансформаций права в статьях УК РФ, призванных защитить верующих и их святыни от нападок. Обосновано, что эта мера, выделяющая субъектов религиозности и объекты их почитания в особо охраняемую группу, только отчасти соответствует заявленной цели. В действительности происходит внедрение мер государственного принуждения в систему взаимодействия субъектов религиозной жизни, представителей религии и светского общества в целях усиления контроля со стороны власти над сферой религиозных отношений. Критикуются идеи о преодолении эксцессов в этой сфере не только путем многоступенчатой правовой регламентации сферы религиозных отношений, но и посредством совершенствования норм права в направлении «положительного» или «отрицательного» цензурирования (дискриминации). Каждый из этих способов имеет свои существенные недостатки и может быть расценен как тупиковый. Возможно, взвешенная государственная политика в данной сфере лежит в стороне и от ужесточения карательных мер за выражение религиозных убеждений, и от попустительства вседозволенности форм выражения отношения к религии, чреватых социальными конфликтами.

Ключевые слова: богохульство; кощунство; ненависть; язык вражды; дискриминация; экстремизм; равенство; свобода совести; плюрализм; принудительная толерантность; конформизм

Для цитирования: Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Философско-правовые аспекты мер уголовной ответственности в сфере выражения религиозных убеждений и отношения к религии в России. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 105–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.105-123

Philosophical and Legal Aspects of Criminal Liability Measures in the Sphere of Expression of Religious Beliefs and Attitudes towards Religion in Russia

Oleg F. Gavrilov

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Evgeny O. Gavrilov

Kemerovo State Medical University
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The study correlates the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the norms of the Constitution of the Russian Federation governing relations as to the expression of religious beliefs and attitudes towards religion in the context of the socio-cultural foundations of the processes to which these norms apply. It is shown that over the past 30 years, legislation in this area has undergone changes in the direction from a literal interpretation of the principles of a secular society to confessional-oriented preferences. The paper presents the arguments of supporters and opponents of these transformations of law in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, designed to protect believers and their shrines from attacks. It is proved that this measure, which distinguishes subjects of religiosity and objects of their veneration into a specially protected group, only partially corresponds to the stated goal. In fact, state coercion measures are being introduced into the system of interaction between subjects of religious life, representatives of religion and secular society in order to strengthen government control over the sphere of religious relations. The ideas of overcoming excesses in this area are criticized not only by means of multi-stage legal regulation of the sphere of religious relations, but also by improving the norms of law in the direction of «positive» or «negative» censorship (discrimination). Each of these methods has its own significant drawbacks and can be regarded as a dead end. Perhaps a balanced state policy in this area lies apart from the tightening of punitive measures for the expression of religious beliefs, and from condoning permissiveness of forms of expression of attitudes towards religion, fraught with social conflicts.

Keywords: blasphemy; heresy; hatred; hate speech; discrimination; extremism; equality; freedom of conscience; pluralism; forced tolerance; conformism

Cite as: Gavrilov OF, Gavrilov EO. Philosophical and Legal Aspects of Criminal Liability Measures in the Sphere of Expression of Religious Beliefs and Attitudes towards Religion in Russia. *Lex Russica*. 2025;78(4):105-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.105-123

Введение

В современном чрезвычайно дифференцированном социуме особую остроту приобретает вопрос об условиях баланса интересов разных социальных групп. Его актуальность наиболее очевидна в контексте поиска социальной справедливости в сфере религиозной активности, что оказывает влияние на состояние всего общества. Субъектами коллизий на религиозной почве, нередко заряженных высоким конфликтным потенциалом, выступают представители разных религиозных объединений, власти, институтов гражданского общества. Государство использует различные способы предотвращения эксцессов в этой области. Одним из таких способов является правовое регулирование, препятствующее перерастанию этих конфликтов в открытые столкновения.

Для реализации данной цели в российском законодательстве создан ряд охранительных норм, в первую очередь уголовного права, выделяющих некоторые социальные взаимодействия в обособленную группу по религиозному признаку. Эти нормы устанавливают меру соотношения интересов отдельных антагонистических социальных групп, государства, общества в целом. Однако оценка их целесообразности и эффективности в значительной степени зависит от того, какой модели отношений между религией, обществом и государством придерживается тот или иной специалист. Так, в разнообразии оценок можно выделить позиции клерикализма, секуляризма, различных вариантов традиционализма и др. Естественно, что в ракурсе этих многочисленных подходов меры правового регулирования могут быть истолкованы и толкуются как недостаточные или

как избыточные, то есть как неадекватные специфике регулируемых отношений.

Проблема состоит в том, что оценка данных правовых инструментов сугубо в рамках юридиклизма либо, напротив, с позиции мировоззренческих предпочтений ограничивает возможность выбора адекватных средств регулирования религиозных отношений. Ее решение видится на пути включения содержания правовых мер противодействия конфликтам на религиозной почве в социокультурный контекст современной России. Сделать это можно только в рамках философской экспертизы, обладающей возможностями интегрального подхода.

Теоретические основы

Целью настоящего исследования является определение соответствия норм уголовно-правового регулирования выражения религиозных убеждений и отношения к религии ценностям, закрепленным в Конституции РФ и культуре современного российского общества. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

1. Совместить формально-юридический подход с возможностями философской экспертизы посредством включения содержания правовых мер противодействия конфликтам на религиозной почве в социокультурный контекст современной России.

2. Выработать взвешенную оценку уголовно-правового противодействия социальным конфликтам на религиозной почве.

3. Охарактеризовать возможности повышения эффективности правовой регламентации сферы религиозных отношений.

В свою очередь, решение этих задач предполагает обращение к ряду исследовательских вопросов. Прежде всего следует выделить стороны конфликтов в религиозной сфере и тем самым сформулировать их типологию. Значительными информативными возможностями располагает обращение к зарубежному и отечественному опыту законодательного регули-

рования тех сторон религиозных отношений, которые содержат конфликтогенный потенциал. Заслуживают внимания тенденции, проявляющиеся в этой области в динамике правовой системы России и за рубежом. Наконец, решению поставленных задач и сформулированной цели исследования будет способствовать формально-юридический и философский анализ определенных норм УК РФ, призванных предотвращать эксцессы социальных контактов в сфере религии в контексте современной социокультурной ситуации.

Источниками исследования стали работы отечественных и зарубежных специалистов в области социальной философии, религиоведения, лингвистики, норм международного права и законодательства зарубежных стран и России. В качестве иллюстративного материала привлечены резонансные конфликтные ситуации, возникшие на религиозной почве и нашедшие отражение в СМИ. Некоторые из них можно рассматривать как информационный повод для развития правотворческой деятельности в том или ином направлении.

В качестве философского методологического основания данного исследования преимущественно принят деятельностный подход. Его элементы прослеживаются еще в античной философии, а в более разработанном виде он встречается в трудах представителей немецкой классической философии XVIII–XIX вв., К. Маркса («практика»), М. Вебера, Т. Парсонса («социальное действие»). Его актуализации в отечественных социально-философских исследованиях способствовали, в частности, В. А. Лекторский¹ и Т. В. Науменко. Согласно Т. В. Науменко, «...субъекты, объединенные общей и единой целью, в основе которой лежат одинаковые ценности и потребности и для достижения которой определяются одинаковые средства, субъекты, которые ожидают единого общего результата, то есть заинтересованы в общем продукте их деятельности, могут относиться к категории коллективного субъекта, ибо они совместно реализуют собственную программу»². Этот ракурс соответствует направлен-

¹ Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65 ; Он же. Деятельностный подход: начало и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1 (75). С. 13–16.

² Науменко Т. В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Журнальный клуб «Интелрос» Credo new. 2013. № 1. URL: <https://intelros.ru/readroom/credonew/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html> (дата обращения: 25.08.2024).

ности нашего исследования и позволяет рассматривать конфликты в религиозной сфере, а также меры противодействия им как духовно-практическую деятельность, ведущую к определенным результатам, оцениваемым с точки зрения эффективности или неэффективности. Важнейшим условием деятельности является свобода, что ориентирует нас на анализ этого феномена в контексте юриспруденции, конфликтологии, философии культуры.

Методология исследования конкретных правовых инструментов, используемых государством с целью профилактики конфликтов в области религии, предполагает анализ корректности формулировок соответствующих норм, меры их адекватности, наличия коллизий, явной и имплицитной мотивации законодателя. Взвешенная оценка эффективности юридических средств подразумевает выход за границы нормативно-догматического анализа законодательства и дополнение его принципами философско-правового подхода.

1. Конфликты на религиозной почве как отношение альтернатив общественного устройства: типологические характеристики

Конфликты на религиозной почве разнообразны, но могут быть разделены в самом общем виде на две группы в зависимости от содержания мировоззренческих позиций их сторон. Первая из них представляет собой столкновение интересов религиозных объединений с представителями светского общества. Вторая — противоречия, возникающие между различными религиозными сообществами или внутри этих сообществ³. Рассмотрим их более подробно.

Некоторые аспекты деятельности религиозных объединений воспринимаются частью со-

временного российского общества как наступление на светские ценности и светский образ жизни, складывающийся на их основе. В частности, сторонники светской модели общества протестуют против введения в школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики», массового строительства религиозных сооружений, включения теологии в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, радикальных высказываний отдельных священнослужителей по поводу проявления светскости, отдельных публичных аспектов религиозной активности (демонстрации символов, соблюдения предписаний, проведения ритуалов и пр.). В качестве иллюстрации резонансных поводов для социального конфликта можно указать ношение никаба или хиджаба, религиозные шествия и публичные молебны, резкое публичное осуждение «пороков» светского общества и др.⁴ Эти и подобные им факты рассматриваются как нарушение конституционных прав граждан, закрепляющих светский характер государства. Результатом такого восприятия религиозного поведения становится нигилизм, а порой и агрессия по отношению к религии в целом и отдельным конфессиям, любым проявлениям религиозности. Нередко эта позиция приобретает провокационные формы⁵. Исходя из этого выдвигаются требования ограничить любую религиозную активность стенами религиозных сооружений, исключить демонстрацию религиозной принадлежности и убеждений.

В свою очередь, представители религиозных сообществ рассматривают некоторые особенности светскости как покушение на нравственность, на основы вероучения, на святыни и, следовательно, на права верующих свободно исповедовать свою религию и выражать соот-

³ Данная типология достаточно условна. Ее можно представить также в виде трех групп, выделив конфликты внутри религиозных объединений в отдельную группу. Однако для достижения целей исследования важно выделить противопоставление взглядов людей верующих и неверующих, а также верующих с верующими без дополнительных подразделений. Это и задает критерий деления религиозных конфликтов на две группы.

⁴ *Зубов И.* В РПЦ нашлись священники, осудившие жертв теракта за нарушение Великого поста // Новые Известия. 2024. 26 марта. URL: <https://newizv.ru/news/2024-03-26/v-rpts-nashlis-svyaschenniki-osudivshie-zhertv-terakta-za-narushenie-velikogo-posta-428572> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵ *Шакиров А.* Уголовное дело возбуждено против блогерши, оголившей грудь перед храмом Василия Блаженного // Комсомольская правда. 2021. 23 октября. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4489199/> (дата обращения: 25.08.2024); *Мусульманки призвали обдумать принятие мер в отношении людей, снимающихся в полуголом виде у храмов* // Говоритмосква.ру. 2022. 20 января. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/302427/> (дата обращения: 25.08.2024).

ветствующие убеждения. Следствием этой оценки становится нетерпимость по отношению к различным сторонам светской жизни, интерпретация их как проявлений «греховности». Это мнение выражается в осуждении ссудного процента, абортов, генной инженерии, светского брака, многих произведений искусства и др. Более радикальные сторонники этой позиции призывают к замене светской этики и законов государства на свод религиозных норм. В некоторых случаях так и происходит⁶. Наиболее радикальным представителям некоторых религиозных объединений средством достижения этой цели видится применение насилия вплоть до террора или репрессий.

Высоким потенциалом конфликтности характеризуются отношения и в среде самих верующих. Это касается как взаимоотношений традиционных конфессий друг с другом, с новыми религиозными течениями, так и расхождений в рамках одной конфессии. Причиной конфликта в первом случае часто бывает конкуренция на поле духовного окормления и естественная установка каждой религии на единоличное обладание сакральной истиной и благодатью. Во втором случае подоплекой могут служить вопросы власти, а также мировоззренческие разногласия. При всей очевидности этих причин их следует понимать как поверхностные мотивации. За ними скрываются более глубокие предпосылки.

Основа всех столкновений, которые происходят в пространстве религиозных отношений и в которые вовлечены самые разные стороны, — различное понимание оппонентами принципов организации жизни общества. Именно этот фундаментальный вопрос обуславливает остроту конфликтов на религиозной почве и многообразие их форм в диапазоне от выражения пренебрежения до открытого насилия,

нейтрализация которого требует проведения спецопераций. Поэтому такого рода конфликты следует обязательно рассматривать в связи с общемировыми процессами в области политики, экономики, экологии и пр. В качестве иллюстрации включенности религиозной проблематики в «гражданскую» повестку дня можно привести резонанс, который возникает между наступлением представителей православной среды на движение экуменизма как «лобби оккультных глобалистов» и усилиями государства, направленными на защиту суверенитета в условиях расширяющейся глобализации⁷. Более того, сугубо религиозная проблематика не просто созвучна проблемам других сфер общественной жизни. Она может трактоваться как неотъемлемая часть и даже маркер общесоциальных процессов⁸. В этой связи становится понятно, почему государство не остается в стороне от религиозных отношений, а оказывается их деятельным участником.

Полемика вокруг религиозной тематики может при определенных условиях перерасти в жесткое противостояние. Опыт человечества в целом и история России в частности показывают, насколько эти ситуации могут быть опасными, как легко они трансформируются в кровавые эксцессы, выход из которых оказывается чрезвычайно трудным. Естественно, что российское государство ищет способы снизить напряженность, вызванную религиозными факторами, но одновременно использует ее в своих целях, применяя для этого, помимо прочего, средства правового регулирования. В поле правового регулирования попадают конфликты, вызванные оскорблением чувств верующих, а также разжиганием ненависти и вражды по религиозному признаку, которые предусматривают уголовную ответственность. Определим, насколько эти меры соответствуют декларируемым целям.

⁶ Шариат и адат: по каким законам живут мусульмане Кавказа // Российское агентство правовой информации. 2022. 4 апреля. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20220404/307852546.html (дата обращения: 25.08.2024).

⁷ Павленко В. Суверенитет против глобализма — главная дилемма XXI века // Regnum. 2019. 30 января. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2562074.html> (дата обращения: 25.08.2024).

⁸ Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФЦИН России, 2015. С. 118–132 ; Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Жукова О. И. Христианский теологический дискурс в современной России: области приложения, актуальные проблемы // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 28–29. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.3.2>.

2. Ответственность в сфере выражения отношения к религии: зарубежный и отечественный опыт

Законодательное урегулирование конфликтов на религиозной почве в основном касается двух взаимосвязанных аспектов религиозной жизни. Первый касается законодательной защиты чувств верующих и их святынь, а второй — розни на религиозной почве и религиозного экстремизма. Разделение этих аспектов в правовых актах осуществляется не всегда последовательно, что приводит к их совмещению.

Обращение к зарубежному опыту правового регулирования конфликтов на религиозной почве показывает, что применение мер уголовно-правовой защиты чувств верующих является распространенной практикой в мусульманских странах Ближнего Востока и Северной Африки, странах Евросоюза, а также нашего ближнего зарубежья⁹. Более того, Организация исламского сотрудничества, объединяющая 57 исламских стран, неоднократно поднимала в ООН вопрос о закреплении в международно-правовых актах запрета на оскорбление верующих¹⁰. В свою очередь,

ООН с 1999 г. периодически принимает соответствующие резолюции, направленные против религиозной вражды, не имеющие, правда, обязательного характера¹¹.

В такого рода воззваниях содержится противопоставление ценности религиозных чувств свободе мнения и самовыражения, что может быть истолковано как требование ограничить свободу слова. В целом международные стандарты исходят из приоритета свободы слова и свободы вероисповедания как базовых общечеловеческих ценностей, но и они содержат статьи об ограничении свободы убеждений и выражения своего мнения «для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (см. ч. 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах)¹². Это создает предпосылки для разнообразных интерпретаций: от права на богохульство до обоснования необходимости ограничить формы выражения религиозных убеждений и в целом отношения к религии¹³. Причем богохульство в одних интерпретациях отделяется от религиозной ненависти, а в других ассоциируется с критикой или клеветой на религиозную орга-

⁹ Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний в уголовно-правовой семье религиозного права на примере современных мусульманских государств // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 9 (113). С. 401–411; Ермакова Т. Н., Петухов К. В. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 70–75; Зайцев И. А. Уголовно-правовой и административно-правовой способы охраны конституционного права на свободу совести и вероисповедания по законодательству Российской Федерации и некоторых стран СНГ // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 497–501; Хулап В. Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2 (35). С. 150–171; Смерть за вероотступничество и принудительная стерилизация: как в странах мира нарушают право на свободу религии // Новости ООН. 2020. 3 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1389692> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁰ ОИС больше не будет требовать запрета богохульства // Islam.ru. 2012. 18 октября. URL: <https://islam.ru/news/2015-09-04/33867?ysclid=lrctnglqoc924566094> (дата обращения: 25.08.2024).

¹¹ Организация исламского сотрудничества приветствует принятие резолюции об актах религиозной ненависти в Совете по правам человека / Организация исламского сотрудничества, 13 июля 2023 г. // URL: <https://una-oic.org/ru/генеральный-секретариат/2023/07/13/Организация-исламского-сотрудничества-высоко-оценивает-принятие/> (дата обращения: 25.08.2024).

¹² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // United Nations Treaty Series. Vol. 999. P. 225–240. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.08.2024).

¹³ Богохульство как свобода // Интерфакс. 2009. 1 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/82866> (дата обращения: 25.08.2024); День богохульства (Международный день права на богохульство) // Повседневная жизнь. При поддержке Anyday Guide. URL: <https://anydaylife.com/calendar/2533> (дата обращения: 25.08.2024); Сажать в тюрьму за богохульство предложил петербургский священник // Аргументы и факты. 2012. 11 июля. URL: <https://spb.aif.ru/society/694330> (дата обращения: 25.08.2024); Отношение Русской православной церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес церкви //

низацию. Очевидно, что обе интерпретации открывают путь для социальных манипуляций.

Что касается уголовно-правового противодействия религиозной розни или ненависти по религиозному признаку, то в значительном числе стран на волне борьбы с международным терроризмом, начало которой положили теракты 11 сентября 2001 г. в США, появилось и развивалось законодательство, направленное против экстремизма и терроризма¹⁴. В многочисленных актах ООН, международных договорах закрепляется запрет на дискриминацию по признаку веры, а также различные проявления экстремизма и терроризма¹⁵. Однако, хотя в международных актах религиозная составляющая обычно упоминается в ряду других факторов социальной розни и насилия, общий характер документов подчеркивает недопустимость дискриминации по различным признакам, включая религиозные убеждения.

Охранительные нормы зарубежного и международного права в сфере религиозных отношений можно разделить на четыре группы. Первая группа норм направлена на пресечение деяний, разжигающих религиозную рознь, вто-

рая — на защиту верующих от дискриминации, третья — на охрану основ вероучения, четвертая — на защиту светского характера общества. В ряде стран предусмотрена уголовная ответственность за данные деяния. То есть законодательство некоторых современных стран не только предусматривает ответственность за разжигание религиозной розни или за оскорбление чувств верующих, но и относит эти деяния к категории преступлений.

В то же время, что отражено в четвертой группе норм, для значительного числа стран охраняемым социальным институтом является светский образ жизни, что закономерно ведет к ограничениям в способах выражения религиозных чувств. Более того, в начале XXI в. ответственность за деяния, относимые к богохульству, кощунству, оскорблению религиозных чувств, была отменена некоторыми государствами (Великобритания, Исландия, Дания, Ирландия)¹⁶. В целом практика показывает, что опыт зарубежных стран в области правового регулирования религиозных конфликтов не говорит о наличии однозначно эффективных инструментов разрешения антагонизма между религиозными

Фома. 2015. 17 августа. URL: <https://foma.ru/otnoshenie-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-k-namerennomu-publichnomu-bogohulstvu-i-klevete-v-adres-tserkvi.html> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Абрамов А.* Борьба против диффамации религий в резолюциях ООН // Журнал Московской патриархии и Церковный вестник. 2022. № 6. URL: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/ (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁴ *Бидова Б. Б.* Анализ вопросов борьбы с религиозным экстремизмом: сравнительно-правовой анализ // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 45–49 ; *Гамидов Р. Т.* Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 28–32.

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, А/CONF.187/4/Rev.3) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (КНР, Шанхай, 2001) // Законодательство России. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=201020008&collection=1&ysclid=lru4de1998965281541 (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁶ *Geller R. N.* Goodbye to Blasphemy in Britain // Institute for Humanist Studies. 2008. 14 May. URL: <http://humaniststudies.org/enews/?id=348&article=0> (дата обращения: 25.08.2024) ; В Исландии отменили закон о запрете богохульства // Фома. 2015. 6 июля. URL: <https://foma.ru/v-islandii-otmenili-zakon-o-zaprete-bogohulstva.html?ysclid=lru662buv5307283385> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Дивеева Ю.* В Дании отменили уголовное наказание за богохульство // Комсомольская правда. 2017. 3 июля. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2765419/> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Козалов Ю.* Жители Ирландии разрешили себе богохульничать // Российская газета. 2018. 28 октября. URL: <https://rg.ru/2018/10/28/zhiteli-irlandii-razreshili-sebe-bogohulnichat.html> (дата обращения: 25.08.2024).

чувствами и свободой слова. Об этом свидетельствуют не только теракты или акты агрессии, но и резонансные судебные процессы¹⁷.

Проблема противодействия конфликтам на религиозной почве актуальна и для России. Деятельность религиозных организаций в нашей стране в значительной степени определяется Конституцией РФ и Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁸. В этих актах закрепляется светский характер российского государства, гарантируется равенство вероисповеданий. Однако практика применения этих норм в течение определенного времени претерпела значительные изменения. Первоначально содержание данных норм трактовалось как обеспечение значительной свободы в выражении религиозных чувств и нейтралитета государства по отношению к различным вероисповеданиям при условии соблюдения ими правовых предписаний. Светский характер российского государства, закрепленный в праве, предполагает, что оно устраняется из процесса непосредственной регламентации внутри- и межконфессиональной жизни, из общественной деятельности религиозных организаций.

Некоторое время этот принцип выдерживался. Но бурный религиозенез последних двух десятилетий сопровождался образованием деструктивных религиозных объединений, активно использующих предоставленные законом возможности в преступных целях, что, в частности, сопровождалось ростом преступлений на религиозной почве, массовыми случаями мошенничества и религиозного экстремизма¹⁹.

Реакция власти на эти проблемы последовала не сразу. Декларируемая позиция равно-

удаленности государства от всех религиозных течений не позволила быстро сформулировать последовательную политику в области пресечения социально опасных тенденций в сфере религиозных отношений. Кроме того, буквальное воплощение представления о беспристрастности государства по отношению ко всем организациям религиозной направленности нередко вело к принижению роли аутентичных культурообразующих религий, что, в свою очередь, оборачивалось размыванием границ государственной и цивилизационной идентичности, сформированных на основе именно традиционных вероучений.

Последовавшие со временем изменения в законодательстве и в практике его применения показывают, что сегодня государство в определенной степени отходит от закрепленных в Конституции РФ принципов светского общества. Это видится в усилении административного контроля над нетрадиционными религиозными движениями посредством разработки и использования норм, ужесточающих их регистрацию, ограничивающих их деятельность вплоть до запрета, а также в наличии явного крена государства в сторону сотрудничества только с традиционными конфессиями. Последняя тенденция, в частности, нашла нормативное закрепление в актах, нацеленных на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей²⁰, защиту некоторых священных текстов (Библия, Коран, Танах, Ганджур) от антиэкстремистского законодательства²¹.

В русле корректировки политики в области религии находятся и нормы уголовного права, направленные на противодействие конфликтным ситуациям в сфере религиозных отноше-

¹⁷ Бакошин С. А. Свобода слова vs свобода религии: богохульство в практике Европейского суда по правам человека // *Zakon.Ru*. 2013. 15 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2013/8/15/svoboda_slova_vs_svoboda_religii_bogohulstvo_v_praktike_evropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // *Российская газета*. 1993. 25 декабря. № 237 ; Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // *СЗ РФ*. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁹ Для примера: «Бог Кузя» получил пять лет колонии за создание секты и мошенничество // *Интерфакс*. 2018. 16 июля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/621273> (дата обращения: 25.08.2024) ; Экстремистские материалы // Сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁰ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *СЗ РФ*. 2022. № 46. Ст. 7977.

²¹ Федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”» // *СЗ РФ*. 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6680.

ний посредством защиты групп верующих. Речь идет о ст. 148 и 282 УК РФ²². Рассмотрим смысл и специфику предмета правового регулирования этих статей более подробно. Обратимся сначала к анализу ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», введенной в Уголовный кодекс в 2013 г. и предполагающей наказание за оскорбление религиозных чувств верующих. До этого данное деяние квалифицировалось как административное правонарушение (ст. 5.26 КоАП РФ²³), но скандал вокруг акции группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя стал поводом для включения этой нормы в уголовное законодательство. В статью 148 УК РФ были внесены поправки, касающиеся ее названия и содержания. Ранее статья называлась «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», а в новой редакции — «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий». В статью добавили нормы, предусматривающие наказание за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Она не только закрепляет ответственность за «оскорбление религиозных чувств верующих», но и рассматривает действия, приносящие ущерб верующим, как выражение явного неуважения к обществу в целом. Именно поэтому данная статья относится к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина²⁴. Статья имеет своим объектом отношения по поводу свободы совести и вероисповедания, включая осуществление религиозной деятельности, а ее объективную сторону составляют действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а также воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов²⁵. К та-

ковым может быть отнесено, например, открытое глумление над конкретными проявлениями вероисповедания, вызванное хулиганскими побуждениями, не носящими программного или радикального характера, или закрытие помещений религиозных организаций. Согласно статистике, статья 148 УК РФ применяется сравнительно редко (в среднем осуждению подвергается не более 10 человек за год)²⁶.

Перейдем к рассмотрению особенностей ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Эта статья существовала в УК РФ с момента его принятия в 1996 г. В исходной редакции она носила название «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» и во многом соответствовала ст. 74 УК РСФСР 1960 г. «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии»²⁷. В 2002 г. были внесены поправки к УК РФ, которыми, в частности, изменялось название и содержание ст. 282 УК РФ. Она была переименована и предполагала более строгие санкции, что было, по-видимому, обусловлено действующим с 1999 по 2009 г. режимом контртеррористической операции в Чеченской Республике.

Статья 282 УК РФ в качестве объекта имеет общественные отношения по поводу охраны конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, точнее равноправия граждан независимо от отношения к религии. Ее объективная сторона — активность, направленная на возбуждение ненависти или унижение достоинства, в том числе и по признаку отношения к религии²⁸, что может находить выражение в словесной форме или в форме соответствующих действий, проникнутых враждой и неприязнью. По смыслу данная статья предполагает сознательное, организованное и последовательное противопоставление как чужим

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. / В. М. Лебедев [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2023. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII–VIII. С. 148–151.

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 148–151.

²⁶ Данные о назначенном наказании по статьям УК (2016–2022) // Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу с 1 июля 1997 г.).

²⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 36–39.

воззрениям и образу жизни, так и социально-политическому укладу государства. В Уголовном кодексе РФ предусмотренные ею деяния относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства²⁹. Тем не менее в значительной степени статья 282 УК РФ ориентирована на пресечение причинения вреда не только непосредственно конституционному строю, но и отдельному человеку или группе.

По статистике, динамика преступлений, предусмотренных этой статьей, достаточно высока, что было особенно заметно в периоды с 2014 по 2018 гг. и с 2021 по 2022 гг. (более тысячи зарегистрированных преступлений в год), но выделить из их числа деяния, продиктованные только отношением к религии, достаточно сложно³⁰. В судебной практике по данной статье фигурируют наказания за лайки и репосты в соцсетях, которые суд отнес к действиям, разжигающим религиозную рознь. Ее активное применение к подобным деяниям начиная с 2011 г. приводит к закреплению за ней таких названий, как «статья за репосты», «политическая статья», «русская статья», что позволяет увидеть основные направления ее критики и главных адресатов ее применения³¹.

В ракурсе нашего исследования речь идет не только о людях, критически настроенных к религии с позиции светского мировоззрения, но и о тех, кому свойственна активность, имеющая ортодоксальный и даже фундаменталистский характер, более того, с подчеркнутой политической ангажированностью. Применение данной статьи является защитой представителей различных религий не от оскорбления их чувств, а от угрозы более серьезных посягательств, как правило со стороны радикально настроенных верующих. В 2018 г. была инициирована частичная декриминализация этой статьи путем перевода ее первой части в КоАП РФ.

Отметим, что приведенными статьями противоправные деяния в сфере религиозных отношений не исчерпываются. Заслуживает

внимания часть 1 ст. 239 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Здесь акцент делается на насилии, а не на выражении убеждений. Направленностью на действия экстремистского характера отличаются деяния, предусмотренные статьей 280 УК РФ, что включает в себя и проявления религиозного экстремизма. Анализ этих статей может существенно дополнить картину конфликтов на религиозной почве.

Однако мы ограничиваем предмет исследования только содержанием ст. 148 и 282 УК РФ по той причине, что именно они связаны с ответственностью за выражение собственного мнения относительно вопросов, касающихся религии. Добавим к этому, что вне поля исследования остаются статьи, предусматривающие иные, нежели уголовную, виды ответственности за выражение убеждений, мнений и отношений к вопросам вероисповедания. Статьи УК РФ заслуживают внимания прежде всего потому, что рассматривают подобного рода деяния как общественно опасные.

Итак, учитывая содержание ст. 148 и 282 УК РФ, можно предполагать, что законодатель расценивает определенные действия как посягающие на права отдельных граждан и групп и одновременно представляющие угрозу обществу в целом. Специфика этих статей состоит в следующем. Если статья 148 противодействует посягательствам на чувства верующих, то статья 282 препятствует нарушениям равноправия, в частности в сфере религии, когда отдельные люди или группы лиц оказываются объектом вражды и ненависти. Если действия, предусмотренные статьей 148, нередко совершаются из хулиганских побуждений и являются свидетельством скорее пренебрежительного отношения к верующим, то статья 282 устанавливает наказание за активность, которая совершается целенаправленно и нередко организовано.

²⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 36–39.

³⁰ Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.08.2024); Данные о назначенном наказании по статьям УК (2016–2022) // Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.08.2024).

³¹ Сошенко А. «Русскими статьями» по «русскому вопросу» // Русская народная линия. 2018. 23 февраля. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/23/russkimi_statyami_po_russkomu_voprosu/ (дата обращения: 25.08.2024).

Однако в процессе правоприменения добиться четкого разделения этих статей непросто. Действия, предусмотренные статьей 148, могут совершаться с мотивом, предусмотренным статьей 282, что ставит результат квалификации конкретного деяния в зависимость от субъективного усмотрения должностных лиц, ее производящих. К нынешнему дню ряд авторов сформулировали претензии к содержанию и применению этих статей³².

Обращение к зарубежному законодательству показывает наличие подобного рода статей и в нем: часть из них носит названия «за богохульство», «кощунство» и т.п. Однако в начале XXI в. ответственность за данный вид правонарушений в некоторых странах сходит на нет. Для России же характерна скорее обратная тенденция, декларируемой целью которой является охрана традиционных конфессий и общества в целом от оскорблений и проявлений экстремизма.

3. Философско-правовой анализ санкций

Но есть к этим статьям претензии более серьезные, чем указания на несовременность или политизированность. Одно из наиболее существенных замечаний касается того, что их содержание, по мнению критиков, противоречит ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу мысли и слова. Эта формулировка предполагает возможность высказывать различные мнения, в том числе и негативного характера, относительно различных общественных явлений, в частности в области религиозных отношений, будь то отдельные представители групп, сами группы, содержание вероучения, элементы

культы и пр. Справедливости ради заметим, что эта же статья Конституции запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. В этом нет буквального противоречия, однако приведенные формулировки дают основания для разночтений в трактовке указанного права, пределов его осуществления и целесообразности существования соответствующих норм Уголовного кодекса, что провоцирует бурную полемику вокруг практики их применения. Помимо ст. 29 Конституции РФ, дискуссии порождает соответствие смысла и практики применения данных статей УК РФ статье 28 Конституции, которая закрепляет свободу совести и убеждений, а также право действовать в соответствии с ними.

Рассматривая дискуссионные аспекты ст. 148 и 282 УК РФ, констатируем, что различного рода антирелигиозные провокации происходили с определенной периодичностью. Причем их объектом чаще выступала именно Русская православная церковь. Акция в храме Христа Спасителя в 2012 г., после которой были внесены изменения в ст. 148 УК РФ, в ряду подобных акций была воспринята частью общества как публичное богохульство и клевета в адрес церкви, а последовавшее ужесточение законодательства — как адекватная реакция государства на общественный резонанс и мера защиты представителей традиционных конфессий. Для многих граждан это было особенно важно, поскольку они именно церковь рассматривают в качестве института сохранения нравственности и основ культуры, института, который нуждается в защите от тех, кто извра-

³² *Нуждов О.* «Бог поругаем не бывает». «Статью 148 УК РФ не читал, но осуждаю!» (С) // *Zakon.ru*. 2016. 18 ноября. URL: https://zakon.ru/discussion/2016/11/18/bog_porugaem_ne_byvaet (дата обращения: 25.08.2024) ; *Смирнов А. М.* Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем теории криминализации деяний // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 4 (129). С. 211–217 ; *Штыкова Е. Р.* Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 371–374 ; *Погасий А. К.* Метаморфозы российского законодательства о свободе совести: от законотворчества до правоприменения // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4. С. 176–179 ; *Осокин Р. Б., Кокорев В. Г.* Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // *Философия права*. 2017. № 4 (83). С. 111–116 ; *Силантьев С. А.* Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // *Евразийское научное объединение*. 2020. № 1–2 (59). С. 143–147 ; *Королев А. С.* К вопросу о внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Образование и право*. 2019. № 3. С. 153–156.

щенно понимает свободу и использует ее во вред обществу. Что касается ст. 282 УК РФ, то отношение к ней варьируется в двух основных направлениях. С одной стороны, в ней видится средство сдерживания межрелигиозной розни, публичного выражения ненависти к различным социальным группам. Но с другой — она воспринимается как средство борьбы государства со свободой убеждений граждан, причем зачастую граждан, глубоко верующих и в силу этого побуждаемых к изобличению пороков современного мира. Активное использование этой статьи применительно к лицам, распространяющим убеждения через соцсети, начинается с 2011 г. и порождает массу противоположных оценок.

Как видим, в этом и других подобных инцидентах значимость сохранения нравственности и религиозной традиции входит в противоречие с ценностью свободы, которая постулируется во всех мировых религиях. Так, христианство выводит «богоподобие» человека из наличия у него не только души или разума, но и свободы. Христианская антропология утверждает, что сотворение человека совершалось при «попущении Божиим», что исключало его «запрограммированность» на добро, а обрекало на неизбежность выбора и ответственность за этот выбор. Без возможности выбора, без способности к творчеству, без наличия свободы человек перестает быть человеком. Свобода мнения представляет собой частный случай свободы человека, а потому также сопряжена с ответственностью. По этому поводу известный богослов А. И. Осипов замечает: «Свобода, например, слова, печати и тому подобное есть, бесспорно, нормальное явление в демократическом обществе. Однако таковым оно остается до тех пор, пока не переступает своих положительных границ, то есть пока служит благу человека. Обратившаяся же в свою противоположность, то есть в проповедь лжи, клеветы, порнографии, пропаганды насилия, войны и т.д., эта свобода становится злом и не может уже, следовательно, именоваться правом человека и иметь право на существование в обществе»³³. Как видим, согласно этой позиции, не всякое проявление свободы допустимо, но вместе с тем посягательство на нее идет вразрез с сущностью человека, как она понимается в религии.

Поэтому противники введения уголовной ответственности по ст. 148 и 282 УК РФ настаивают на том, что осуждать человека за выражение мнения недопустимо, что существующих, кроме этих статей, мер ответственности вполне достаточно. В частности, это касается норм гражданского, административного и уголовного права, которые устанавливают ответственность ровно за те же противоправные деяния независимо от наличия или отсутствия в них религиозного подтекста. Ведь участницы акции Pussy Riot оказались в исправительных учреждениях отнюдь не по ст. 148 УК РФ, не содержащей в то время поправок, касающихся чувств верующих, и не по ст. 282 УК РФ, тогда еще не прошедшей через процедуру частичной декриминализации, а по ст. 213 УК РФ «Хулиганство». Поскольку этой статье в 2012 г. было вполне достаточно для юридической квалификации деяния, то возникает вопрос о действительной цели внесения изменений в законодательство. Очевидно, что эта цель лежит не в религиозной плоскости.

Предусмотренные меры рассматриваются противниками ст. 148 и 282 УК РФ в их современных формулировках как покушение на свободу, в том числе на свободу самовыражения, значение которой в иерархии ценностей было всегда высоко, а в лице некоторых представителей современного общества приобрело исключительный статус. Сам факт существования этих статей, по мнению критиков, позволяет говорить об отсутствии равенства де-юре и де-факто, во-первых, среди различных религиозных объединений и, во-вторых, между верующими и атеистами.

Остроты общественной дискуссии по этому вопросу добавляет тот факт, что далеко не все верующие считают критические выпады в свой адрес, в адрес церкви обязательно проявлением ненависти. Не все из них готовы признать, что негативные инвективы уж как-то особенно задевают их чувства, и предлагают считать содержание и стилистику этих меседжей, особенно если речь идет о сетевой активности, не более чем индикатором, к сожалению, не очень высокого уровня общей культуры населения. Многие представители церкви вспоминают те заветы веры, которые призывают к терпимому восприятию чужих мнений, пусть даже и негативных — глумливых, враждебных — по форме и содержанию. С их точки зрения, «дух»

³³ Цит. по: Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 146–165.

законодательных новелл создает ложную картину, которая изображает верующих, особенно верующих традиционных религий, в виде нуждающихся в какой-то особой защите со стороны государства, как уязвимых социальных меньшинств. В действительности под предлогом охраны и защиты верующих зачастую происходит, по сути, грубое вторжение в дела религии, создаются условия для создания чрезмерной опеки церкви со стороны государства, что нарушает принципы светского общества и, более того, сковывает излишним контролем развитие самой церкви. В отношении между верующими, между верующими и атеистами теперь вклинивается чиновник или представитель силовых структур, которые в силу своего усмотрения или поставленных перед ними задач решают, в каком случае чувства были задеты, какое деяние свидетельствует о ненависти и пр.

Еще одним предметом данной дискуссии является вопрос не только о целесообразности, но и о соразмерности установленных в статьях мер. Чаще всего поводом к полемике становятся деяния, прямо не посягающие на жизнь, здоровье и личность верующих, но содержащие явный негативный, ироничный, ернический, глумливый посыл. Обычно речь идет о действиях пользователей Сети, которые размещают ироничные, а порой и циничные картинки, репосты, комментарии на тему религии и особенно в отношении тех религий, которые пользуются покровительством государства. Чуть реже имеются в виду действия, хотя и выражающие демонстративное неуважение, но не посягающие непосредственно на жизнь и здоровье людей.

Толкование подобного рода месседжей в качестве основания для выделения верующих в особую группу, которая нуждается в специальной опеке со стороны государства, вызывает у критиков сомнения. «Оскорбление чувств верующих», равно как и «ненависть и унижение по религиозному признаку», суть обозначение действий — глумления, кощунства, надругательства и пр., — потенциально задевающих внутренний мир верующих людей. Все они фиксируют ернически-ироничные и порой издевательские формы выражения, направ-

ленные против того, что для человека дорого. Но перечень всего того, что для него ценно, весьма широк и, конечно, не ограничивается рамками религии. В список «святынь» могут входить люди, территории, виды деятельности и т.д., поэтому действия, направленные против них, естественно, будут вызывать негативные чувства, чувства ущемленных чести и достоинства. Человек будет оскорблен, если станет свидетелем циничного поношения близких ему людей, он будет негодовать, услышав брань относительно его родины, дела, которым он занимается. Следуя логике законодателя, надо позаботиться не только о религиозных группах, но и о многих других, представители которых, используя терминологию, аналогичную ст. 148 и 282 УК РФ, воспринимают это как неуважение, чувствуют себя оскорбленными, ощущают по отношению к себе ненависть, вражду, переживают унижение, когда их святыни оказываются попранными. Тенденция развития законодательства в этом направлении существует³⁴. Однако думается, что это не только сложно осуществить, но и лишено целесообразности. Уместнее выяснить, чем конкретно та или иная группа навлекла на себя негативное общественное внимание. Это позволит выделить причины отрицательного отношения.

Примем во внимание и то, что иногда высокая степень эмоционального напряжения в межличностных и межгрупповых отношениях, в том числе и в сфере религии, является неизбежным следствием рождения новых форм социальности. То есть оскорбления, глумление и кощунство могут быть манифестациями и средствами становления нового этапа общественного развития, закономерно предполагающего «переоценку ценностей» (Ф. Ницше), либо выступать в качестве индикатора социальных проблем, заглушить которые подобными мерами уголовной ответственности часто оказывается невозможно.

Социальные конфликты и идейные противостояния — необходимое условие развития общества, без которого человечество было бы обречено на стагнацию. История знает немало примеров резких высказываний, направленных на разрушение традиции. Выражения Иисуса

³⁴ Различные санкции предусмотрены за отдельные формы выражения негативного отношения к суду, представителям государственной власти, ветеранам, государственным символам, символам победы и др. Рассматривается вопрос о введении ответственности за проявления русофобии. См.: В РФ разработан законопроект об уголовной ответственности за русофобию // Интерфакс. 2023. 18 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/russia/936757> (дата обращения: 25.08.2024).

Христа («Не человек для субботы, а суббота для человека»), Мухаммеда («Эти многобожники... поклоняются идолам, которые не могут принести им ни пользы, ни вреда»), Вольтера («Раздавите гадину!»), Ф. Ницше («Против священника нужны не доводы, а каторга»), безусловно, оскорбляя чувства носителей прежней традиции, являлись одновременно средством ее развития или формирования новой. Может быть, и возникающие конфликты на почве выражения религиозных убеждений и отношения к религии, которые мы наблюдаем сегодня, можно рассматривать как проявление глубинных процессов трансформации общества, а стремление защитить чувства верующих, пресечь проявления религиозной ненависти допустимо трактовать не только как желание оградить конкретные группы, но прежде всего как попытки силовыми средствами укрепить внешние очертания существующего социального и политического порядка. Формирование системы запретов в сфере выражения собственного мнения чревато введением цензуры. Однако это скорее борьба со следствиями, она не затрагивает причин негативных явлений и потому не может быть успешной.

4. Оценка антидиффамационного законодательства и борьбы с «языком вражды» как средств преодоления конфликтов в области религии

Но если уголовно-правовая защита групп, объединенных на основе собственно религиозных ценностей, представляется излишней, то необходимо определить, в каком направлении следует совершенствовать средства общественной саморегуляции, чтобы эксцессы кощунства над святынями, в какой бы области это ни происходило, проявлялись как можно реже. Если рассмотреть практику некоторых западных стран, то становится заметна тенденция развития права в сторону отказа от защиты религии как института в пользу охраны прав отдельных

личностей. Это обусловлено тем, что понятия «человеческое достоинство», «честь», хотя и употребляются в нормах права, определяются на основе этических кондиций и применимы только к физическому лицу. Признаки оскорбления очевидны только в тех случаях, когда действия направлены против определенного человека и нет сомнений в том, что речь идет именно о нем.

Смена акцентов происходит в рамках критики антидиффамационного законодательства (лат. *diffamo* — порочу, то есть распространение порочащих сведений), предусматривающего наказания только в случае оскорблений чувств верующих. Как отмечает Д. Темперман, «в целом антидиффамационный дискурс не является подходящим способом борьбы с современными формами религиозной нетерпимости. Антидиффамационный подход неприемлем, поскольку он стремится перенести акцент с защиты прав отдельных лиц на защиту религии как таковой»³⁵, критика религии начинает некорректно отождествляться с оскорблением, «некритично делается прыжок от вероятности того, что некие лица будут оскорблены определенной публикацией или публичной речью, к реальному нарушению прав этих лиц»³⁶. Поэтому он предлагает, постепенно отменяя законы о богохульстве и диффамации, одновременно уделять внимание борьбе с «языком вражды», то есть с любыми формами оскорбительных для любых групп выражений, на что бы они ни были направлены³⁷. Некоторые отечественные авторы также положительно рассматривают возможности правового противодействия «языку вражды» и рекомендуют обратиться к зарубежным (преимущественно европейским) наработкам в этой сфере³⁸.

Однако хотя западные страны имеют значительный социальный и правовой опыт в осмыслении понятия «язык вражды», его нельзя назвать успешным. Во-первых, как считает А. В. Гладилин, «на сегодняшний день не выработаны какие-либо, хотя бы даже приближенные, принципы идентификации паттер-

³⁵ Темперман Д. Свобода выражения и религиозные чувства в плюралистических обществах: проблема экстремальных высказываний // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 14.

³⁶ Темперман Д. Указ. соч. С. 17, 19.

³⁷ Темперман Д. Указ. соч. С. 36–38.

³⁸ Коваль Е. А. Практика Европейского Суда по правам человека по противодействию языку вражды в условиях глокализации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 13–25.

нов «языка вражды» и анализа текстов, положительно содержащих такие паттерны»³⁹. Во-вторых, от себя добавим, что такой путь ведет к формированию своего рода «положительной» цензуры, где обязательная толерантность становится инструментом социального принуждения. Россия, идя в законотворчестве во многом по пути Европы, США, выполняя рекомендации международных структур (например, реализация Целей в области устойчивого развития ООН⁴⁰, введение цифрового рубля, внедрение стандартов в сфере здравоохранения, в контроле за изменением климата, в области территориального развития, питания и др.), довольно последовательно устанавливает ограничения на формы выражения мнения, убеждений или отношения, опираясь на антиэкстремистское законодательство, законы, регулирующие деятельность СМИ, и информационное пространство в целом. Можно предположить, что правовое закрепление противодействия «языку вражды» будет иметь те же негативные последствия, что и за рубежом. Суммируя, можно определить их как борьбу с инакомыслием, критикой в адрес отдельных социальных групп, конфронтацию с устоявшимися социальными формами. Последнее проявляется в проведении политики новой нормальности. Как видим, и «положительная», и «отрицательная» цензура способна закреплять в законодательстве и генерировать дискриминационные социальные практики.

Результаты

Соотнеся статьи уголовного законодательства, направленные на защиту групп верующих, их вероучения и образа жизни, с историко-культурным контекстом, можно зафиксировать ряд значимых результатов. Во-первых, мировой опыт знает подобные меры государственного регулирования. Более того, ряд стран применяет их и в настоящее время. Для других стран эти нормы являются скорее данью традиции и на практике не применяются. Во-вторых, существование подобных статей в России свидетельствует о серьезной напряженности как в сфере

взаимодействия различных социальных групп, так и в области взаимодействия государства и общества. В-третьих, у данных мер ответственности имеются и сторонники, и противники. Причем обе стороны в качестве оснований ссылаются не только на права и свободы светского общества, но и на догматы исповедуемых традиционных религиозных учений, что погружает юридические инструменты в противоречивый и многогранный социокультурный контекст. В-четвертых, несмотря на выраженную обращенность ст. 148 и 282 УК РФ к сфере религиозных отношений, их подтекст только частично выражает стремление оградить верующих от нападок. В большей степени они представляют собой попытки государственного администрирования тех сфер, которые потенциально могут быть источником угрозы для сложившейся системы власти. В-пятых, кроме случаев проявления открытой агрессии с причинением вреда здоровью и жизни людей, обе статьи предусматривают ответственность за выражение тех или иных идей, а равно за действия, которые могут быть по усмотрению уполномоченных лиц рассмотрены в этом качестве. Следовательно, действительная составляющая уголовной ответственности за религиозный экстремизм и оскорбление чувств верующих — установление границ свободы выражения собственного мнения, закрепленной в ст. 28 и 29 Конституции РФ. Причем в свете смысла статей УК РФ устанавливаемые границы нельзя считать результатом общественного согласия, но скорее результатом усмотрения правоприменителя.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что меры уголовной ответственности, предусмотренные статьями 148 и 282 УК РФ, только отчасти направлены на защиту религиозных убеждений и образа жизни отдельных социальных групп. Преследуя цель защитить значимые, по мнению государства, общественные отношения от наиболее опасных посягательств, законодатель устанавливает ответственность за выражение мнения. Однако историко-культур-

³⁹ *Гладилин А. В.* «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения: 25.08.2024).

⁴⁰ Цели в области устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.08.2024).

ный контекст правоприменительной практики показывает, что, во-первых, сама религия в лице по крайней мере мировых религий содержит диаметрально противоположные императивы. Первый утверждает приоритет богоданной свободы, а второй — необходимость защиты святынь от посягательств, пусть и не причиняющих прямого физического вреда людям. Во-вторых, ограничение свободы выражения мнений не столько преследует цели охраны верующих, сколько открывает возможности административного воздействия на значимые для государства области общественной жизни. То есть цель ограждения религии от посягательств зачастую является вторичной.

Эти выводы можно рассматривать как приглашение к дискуссии об эффективности и целесообразности правовых инструментов в области выражения собственных мнений, к обсуждению вопроса о путях решения задачи по снижению конфликтного потенциала в области религиозных отношений, снижения градуса деструктивной активности конфликтующих групп. Возможны по крайней мере два варианта правового решения этого вопроса, каждый из которых имеет свои недостатки. Первый предлагает законодательную регламентацию и ограничение так называемого «языка

вражды» с одновременной разработкой «религиозно нейтрального» языка. Негативным следствием этого, как показывает опыт ряда западных стран, может стать «принудительная толерантность» — своего рода «цензура наоборот», или «положительная» цензура. Второй вариант предполагает законодательное закрепление государственных приоритетов в области религиозных отношений и, по существу, введение цензуры или «отрицательной» цензуры, выражающейся в запретах на четко оговоренные формы высказываний или иные формы выражения религиозных убеждений и отношения к религии. Негативным следствием этого выбора становятся ограничения свободы выражения убеждений или мнения, в крайних своих формах повторяющие сценарий «охоты на ведьм». Очевидно, что каждый из этих вариантов, а равно и их сочетание содержат своего рода нормативную ловушку, порожденную смыслом каждой из предполагаемых стратегий. Оба они уводят от решения главной задачи: как исключить проявления взаимной ненависти и глумления над святынями при сохранении различий в мировоззрении. Возможности решения этого вопроса могут быть изучены в ходе дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А. Борьба против диффамации религий в резолюциях ООН // Журнал Московской патриархии и Церковный вестник. 2011. № 6. URL: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/.

Бидова Б. Б. Анализ вопросов борьбы с религиозным экстремизмом: сравнительно-правовой анализ // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 45–49.

Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 263 с.

Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Жукова О. И. Христианский теологический дискурс в современной России: области приложения, актуальные проблемы // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 23–31.

Гамидов Р. Т. Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 28–32.

Гладилин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya>.

Ермакова Т. Н., Петухов К. В. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 70–75.

Зайцев И. А. Уголовно-правовой и административно-правовой способы охраны конституционного права на свободу совести и вероисповедания по законодательству Российской Федерации и некоторых стран СНГ // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 497–501.

Коваль Е. А. Практика Европейского Суда по правам человека по противодействию языку вражды в условиях глокализации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 13–25.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII–VIII / В. М. Лебедев [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2023. 371 с.

Королев А. С. К вопросу о внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 3. С. 153–156.

Лекторский В. А. Деятельностный подход: начало и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1 (75). С. 13–16.

Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65.

Науменко Т. В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Журнальный клуб «Интелрос» Credo new. 2013. № 1. URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html.

Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 111–116.

Погасий А. К. Метаморфозы российского законодательства о свободе совести: от законотворчества до правоприменения // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 176–179.

Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2 (59). С. 143–147.

Смирнов А. М. Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем теории криминализации деяний // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 211–217.

Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний в уголовно-правовой семье религиозного права на примере современных мусульманских государств // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 9 (113). С. 401–411.

Темперман Д. Свобода выражения и религиозные чувства в плюралистических обществах: проблема экстремальных высказываний // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 12–39.

Хулап В. Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 150–171.

Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 146–165.

Штыкова Е. Р. Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 371–374.

REFERENCES

Abramov A. The fight against defamation of religions in UN resolutions. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii i Tserkovnyy vestnik*. 2011;6. Available at: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/. (In Russ.).

Bidova BB. Analysis of the issues of combating religious extremism: Comparative legal analysis. *Nauka bez granits*. 2017;5(10):45-49. (In Russ.).

Ermakova TN, Petukhov KV. Criminal law protection of freedom of conscience and religion in Russia and foreign countries. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3:70-75. (In Russ.).

Gamidov RT. Legislative experience in countering terrorist activities (using the example of a number of countries). *Probely v rossiyskom zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal*. 2016;7:28-32. (In Russ.).

Gavrilov EO. Modern religiosity as a representative and factor of social development: A monograph. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ.; 2015. (In Russ.).

Gavrilov OF, Gavrilov EO, Zhukova OI. Christian Theological Discourse in Modern Russia: Application areas, current issues. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2023;3:23-31. (In Russ.).

Gladilin AV. «Hate speech» as communication. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2012;11(19). (In Russ.).

Khulap V. German criminal law in the field of religion: History and current discussions. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2017;2:150-171. (In Russ.).

- Korolev AS. On the issue of amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Obrazovanie i pravo*. 2019;3:153-156. (In Russ.).
- Koval EA. The practice of the European Court of Human Rights on countering hate speech in the context of globalization. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 2020;1(8):13-25. (In Russ.).
- Lebedev VM, et al. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 2: The Special part. Sections VII–VIII. Lebedev VM, editor. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).
- Lebedev VM, et al. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 4: The special part. Sections XI–XII. Lebedev VM, editor. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).
- Lektorsky VA. Activity-based approach: Beginning and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2008;1(75):13-16. (In Russ.).
- Lektorsky VA. The activity approach: Death or rebirth? *Voprosy filosofii*. 2001;2:56-65. (In Russ.).
- Naumenko TV. Activity-based approach as an explanatory principle of modern social philosophy. *Zhurnalnyy klub Intelros «Credo New»*. 2013;1. Available at: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html. (In Russ.).
- Osokin RB, Kokorev VG. The principle of justice and equality as a criterion for evaluating and improving Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the right to freedom of conscience and religion». *Philosophy of Law*. 2017;4(83):111-116. (In Russ.).
- Pogasiy AK. Metamorphoses of Russian legislation on freedom of conscience: From lawmaking to law enforcement. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016;4:176-179. (In Russ.).
- Shtekl K. The approach of the Russian Orthodox Church to the issue of human rights. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2014;3(32):146-165. (In Russ.).
- Shtykova ER. The concept of «extremist crimes»: Difficulties in interpreting the legislative definition. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2019;8(1):371-374. (In Russ.).
- Silantev SA. Conflicts of norms of criminal and administrative law on responsibility for insulting religious feelings of believers: Causes, manifestations, ways of overcoming. *Evraziyskoe nauchnoe obedinenie*. 2020;1-2(59):143-147. (In Russ.).
- Smirnov AM. The establishment of criminal liability for insulting the religious feelings of believers as an example of the legislator's disregard for the theory of criminalization of acts. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2019;4(129):211-217. (In Russ.).
- Stromov VYu. The system of criminal penalties in the criminal family of religious law on the example of modern Muslim states. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Tambov University Review. The Humanities Series]*. 2012;9(113):401-411. (In Russ.).
- Temperman D. Freedom of expression and religious feelings in pluralistic societies: Problem of extreme statements. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2013;2(31):12-39. (In Russ.).
- Zaytsev IA. Criminal law and administrative law methods of protecting the constitutional right to freedom of conscience and religion under the legislation of the Russian Federation and some CIS countries. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2018;15(4):497-501. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Олег Федорович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета
д. 6, Красная ул., г. Кемерово 650000, Российская Федерация
gof57@yandex.ru

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и административного права Юридического института Кемеровского государственного университета; доцент кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета
д. 22а, Ворошилова ул., г. Кемерово 650056, Российская Федерация
gavrilich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg F. Gavrilov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
gof57@yandex.ru

Evgeny O. Gavrilov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Law Institute, Kemerovo State University; Associate Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation
gavrilich@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 6 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 06.09.2024.

Revised 14.10.2024.

Accepted 15.03.2025.

А. Н. Метельков

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Принципы права: динамика в обществе риска

Резюме. В статье развивается проблематика критического освоения понимания принципов права. Автор осмысливает изменение принципов права в условиях быстротечности явлений и событий. В современном обществе риска ускорение реальности с помощью новых технологий отражается на динамике правовых принципов. В постоянно изменяющейся обстановке законодателем применительно к эволюционирующим условиям адаптируются не только правовые нормы, регулирующие объективно нуждающиеся в этом общественные отношения. Правовые принципы как более стабильные по отношению к нормам элементы права также подвержены развитию. В статье на примере развития основных принципов противодействия терроризму продемонстрирована их динамика в обстановке скоротечности реализации рисков. Критически проанализировано отражение правовой конструкции правовых принципов регулирования общественных отношений в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в действующем законодательстве. Проведенный анализ показывает не только важность опоры на одни принципы международного права в правовом регулировании в этой сфере, но и значимость конституционно-правовых принципов, выработанных в Конституции Российской Федерации и активно внедряемых в России в последнее десятилетие. Эскалация рисков в условиях повышения конфронтации в мире создает правовые проблемы безопасности, включая правовые риски, что требует корреляции принципов права с динамикой рисков.

Ключевые слова: принципы; движение; нестабильность; скорость; риск; правовое регулирование; трансформация; минимизация энтропии; коммуникативная активность; баланс; конституционные принципы; общеправовые принципы; практическая ценность

Для цитирования: Метельков А. Н. Принципы права: динамика в обществе риска. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 124–135. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.124-135

Principles of Law: Dynamics in a Risk Society

Alexander N. Metelkov

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper develops the issue of critical understanding of the principles of law. The author comprehends the change in the principles of law in the context of the transience of phenomena and events. In today's risk society, the acceleration of reality amid new technologies is reflected in the dynamics of legal principles. In an ever-changing environment, the legislator adapts to evolving conditions not only the legal norms governing objectively necessary social relations. Legal principles, as elements of law that are more stable in relation to norms, are also subject to development. Studying the development of the basic principles of countering terrorism, the paper demonstrates their dynamics in the context of the transience of risk realization. The reflection of the legal structure of the legal principles of regulation of public relations in the field of protection of the population and territories from emergency in the current legislation is critically analyzed. The analysis shows not only the importance of relying on the principles of international law alone in legal regulation in this area, but also the

importance of the constitutional and legal principles developed in the Constitution of the Russian Federation and actively implemented in Russia in the past decade. The escalation of risks in the context of increased confrontation in the world creates legal security problems, including legal risks, which requires correlation of the principles of law with the dynamics of risks.

Keywords: principles; movement; instability; speed; risk; legal regulation; transformation; entropy minimization; communicative activity; balance; constitutional principles; general legal principles; practical value

Cite as: Metelkov AN. Principles of Law: Dynamics in a Risk Society. *Lex Russica*. 2025;78(4):124-135. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.124-135

Введение

Правовая жизнь оттачивает основные идеи общества в правовых принципах, наполняет их современным содержанием. В обществе правовые принципы регулируют права и обязанности лиц и организаций. Принципы права по сравнению с юридическими нормами являются обобщенно-собрательными правилами поведения, «обладают значительной устойчивостью и стабильностью, фиксируются преимущественно в конституциях либо важнейших законах»¹. А. Ф. Черданцев образно назвал правовое регулирование «движением различного вида правовой информации»², включающей и такие идеальные объекты, как принципы права (общеправовые, межотраслевые, отраслевые). Учитывая различные правовые взгляды на принципы и нормы, такое движение принципов следует рассматривать через призму доминирующих идей.

Особенность современных перемен в обществе заключается в том, что «новый технологический уклад изменяет не только привычный образ жизни, но и природу правового регулирования»³. Сравнивая и в определенной степени отождествляя право и правду, известный русский юрист Г. Ф. Шершеневич резюмирует, что «и сама правда исторически изменчива, — то, что некогда казалось незыблемой правдой, с течением времени становится неправдой»⁴. Нормы и принципы в праве существуют не изолированно, не замкнуто. Они в разной степени подвержены изменениям. На их формирование и динамику оказывают влияние пере-

менчивые конкретно-исторические условия и правовая действительность. Следует поддержать точку зрения о трансформации правовой действительности на конкретном историческом периоде в направлении, детерминированном социально-культурным развитием общественных отношений с учетом преемственности накопленного правового опыта и традиции. Такая метаморфоза предполагает модификацию и относительно стабильных правовых принципов как фундаментальных положений, обеспечивающих рефлексию правового прогресса, его оценку со стороны общества. В отличие от законодательства принципы «существенно меньше подвержены трансформации»⁵.

Взаимосвязь норм и принципов и взаимопроникновение рассматриваются с разных точек зрения. Одни ученые полагают необходимым нормативное закрепление правовых принципов в законодательстве. Другие считают это положение необязательным ввиду отражения принципов в духе закона. Р. Дворкин в работе «О правах всерьез» проводит анализ двух основных подходов к пониманию взаимосвязи правовых принципов и норм. В одном случае исследователями правовые принципы трактуются так же, как и правовые нормы, а самим правом охватываются нормы и принципы. В другом случае принципы признаются не столь обязательными, как правовые нормы, и в конкретных делах могут выходить за пределы права и обращаться к внеправовым принципам. Дворкин обосновывает логическое разделение принципов и норм права. Ученый полагает

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Дело РАНХиГС, 2021. С. 163.

² Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 13.

³ Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex russica*. 2019. № 9 (154). С. 10.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Социология: Лекции. Изд. 2-е. М. : Либроком, 2011. С. 134.

⁵ Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2020. Т. 24. № 3. С. 563.

принципы самостоятельной правовой категории, которая в отличие от нормы права может являться основой для выводов суда и не требует каких-либо конкретных последствий. Дворкин утверждает, что «считать что-то за норму и быть обязанным следовать какой-то норме — разные вещи»⁶. В некоторой мере созвучны идее Р. Дворкина и взгляды С. С. Алексеева, который считает принципы права основополагающими правовыми идеями независимо от выделения их в качестве «духовных, интеллектуальных начал, закреплены ли в текстах законов в виде норм-принципов»⁷ и включения в содержание права как неотъемлемых элементов. Однако позиция известного правоведа в последующем корректировалась. В соединении строгой определенности правовых решений и действительности наряду с обычным правом и прецедентом существенное значение, по мнению С. С. Алексеева, имеют «обобщения, возведенные в закон»⁸, при этом «материя позитивного права, оставаясь... стабилизатором в жизни людей, должна быть динамичной...»⁹.

Р. Алекси в «Теории основных прав» (1985) предложил классификацию принципов, основанную на четком разделении правил и принципов на основе логических или структурных признаков. Х. Этчеверри в работе «Подход к правовым принципам, основанный на их объясняющей функции» (2019) также различает принципы и нормы на основании критерия их функциональности и предлагает осуществлять поиск основного смысла правовых принципов, принимая во внимание выполняемую ими в правовом мышлении особую объясняющую функцию. При этом им выделяются различные подходы к пониманию сути принципов права: предписание; один из фундаментальных элементов правовой системы; общее правило; компонент, определяющий направление раз-

вития правового регулирования; ценность; формальное условие действия правила и правовая аксиома.

В отечественной теории права исторически доминирует точка зрения о нормативности принципов права, которые представляют собой сформулированные в законе или выводимые из общей сути законов общие нормы. В дисгармонии находится положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где нормы и принципы международного права перечисляются как разграниченные одноранговые правовые явления. Принципы понимаются не как особая, а как самостоятельная однопорядковая категория. Вместе с тем Верховным Судом РФ¹⁰ общепризнанные принципы международного права отнесены к нормам с обозначением их свойств как основополагающих императивных норм. В этом контексте можно согласиться с мнением профессора Ю. С. Ромашева об узком подходе к дефиниции этого термина¹¹, противоречие в понимании которого может разрешить Конституционный Суд РФ. Следует заметить, что позиция Верховного Суда имеет исторические корни в теории права. Например, Г. Ф. Шершеневич под юридическим принципом понимал общую «мысль, направление, вложенное законодателем... в целый ряд созданных им норм»¹². Однако есть и другие мнения о нормативности принципов. В. П. Грибанов полагает недопустимым отождествление правового принципа с нормой права¹³. Ввиду того что нормы-принципы прямо не определяют права и обязанности, А. В. Поляков пишет о невозможности отнесения норм-принципов к правовым нормам и называет их «когнитивными правилами законодательства»¹⁴.

Международное право напрямую влияет на бизнес-структуры, организации и отдельных лиц в растущем числе областей, например

⁶ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : Росспэн, 2004. С. 54–55.

⁷ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. С. 298.

⁸ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 308.

⁹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 304.

¹⁰ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

¹¹ Ромашев Ю. С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.

¹² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Статут, 2005. Т. 1. С. 32.

¹³ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 216–217.

¹⁴ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Издат. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 733.

в торговом или экологическом праве. К концу 1990-х гг. для понимания роли публичного права в глобализованном мире ученые начали изучать потенциал административного мышления. В исследованиях международного административного права выделяются работы, касающиеся права, применимого к механизмам управления за пределами внутреннего уровня. В рамках этого исследования, имеющего наибольшее значение для изучения международных институтов, для правового анализа таких явлений используются различные методологии. В то время как некоторые нацелены на дедуктивную разработку всеобъемлющих принципов публичного права (B. Kingsbury), другие действуют индуктивно и используют нормативный резервуар внутреннего или европейского административного права (R. Stewart). По их представлениям, нет необходимости разрабатывать всеобъемлющие принципы, и они полагают, что субъекты, участвующие в глобальном управлении, будут контролировать друг друга посредством взаимного оспаривания (N. Krisch)¹⁵.

Ученые, анализирующие явления глобального административного права и осуществление международной публичной власти, утверждают, что это распространение международного права привело к необходимости учета принципов, вытекающих в большой степени из внутригосударственного права и регулирующих осуществление власти по отношению к отдельным лицам. Например, в отраслевом законодательстве Китая продолжает закрепляться принцип защиты окружающей среды, который регулирует баланс между растущим населением и природной средой.

В цифровую эпоху трансформация принципов права означает изменение их содержания, возникновение новых принципов, направленных на минимизацию энтропии права. Общие принципы права включают в себя принципы,

вытекающие из национальных правовых систем, и принципы, формируемые в границах международной правовой системы. В Европейском Союзе общие принципы связаны с национальными правами отдельных государств-членов, учитывая их идентичность для некоторых правовых семей (например, романо-германской).

В работе Комиссии международного права по общим принципам права острые дискуссии вызывает столкновение двух основных позиций о включении в понятие «общие принципы права» принципов, выработанных в пределах международной правовой системы, или же охвате им сугубо принципов, вытекающих из национальных правовых систем, которые в правовую систему РФ «не входят»¹⁶. Среди ученых-правоведов доминирует точка зрения, отражающая равный статус общих принципов права, независимо от того, выработаны ли они в международной или национальных правовых системах.

Право постоянно находится между застоём и динамизмом, между созданием правовой определенности и адаптацией к изменяющейся среде¹⁷, «одни принципы уходят в прошлое, другие нарождаются, третьи обновляются»¹⁸. Несмотря на относительную устойчивость и стабильность, меняются «содержание, роль, значение, формирование»¹⁹ принципов права. В. В. Зубов отмечает нелинейный характер эволюции принципов права и правотворчества, которая «варьируется в зависимости от уровня политического, экономического и культурного развития»²⁰ правопорядка. В этом аспекте интересна точка зрения А. В. Коновалова, увидевшего в общности и неизменности во времени объективность принципов права, которые без изменения содержания «могут корректироваться только в части более актуальной интерпретации»²¹. Иной позиции придерживается

¹⁵ Bogdandy von A. General Principles of International Public Authority: Sketching a Research Field // German Law Journal. 2008. № 9. P. 1909.

¹⁶ Ромашев Ю. С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 168.

¹⁷ Krisch N. The Dynamics of International Law Redux // Current Legal Problems. 2021. Vol. 74. P. 269.

¹⁸ Актуальные проблемы права : учебник для магистратуры / под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 54.

¹⁹ Принципы российского права: общетеоретический и правовой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : Саратовская гос. академия права, 2010. С. 15.

²⁰ Зубов В. В. Эволюция подходов к определению принципов права и правотворчества: теория и политико-правовая практика // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 3. С. 35.

²¹ Коновалов А. В. Принципы права : монография. М. : Норма, 2022. С. 120.

В. А. Карташкин, который, рассматривая принципы международного права, утверждает, что они «зарождаются, зреют и... могут исчезнуть»²². Принципы права, как и законы, и все другие общественные институты, не стоят на месте в условиях быстро меняющейся структуры человеческих отношений, обусловленной ускоренным прогрессом общества и возникающими конфликтами.

В условиях повышения риска в обществе регулятивное значение принципов права проявляется в формировании на их основе правовых моделей, соответствующих объективно складывающейся обстановке, а также критериев и ориентиров правомерного поведения и правового разрешения ситуаций.

Создатель термина «дромология» французский философ-урбанист Поль Вирильо говорит о связи скорости и аварии, которые становятся неотъемлемой частью реальности. Заместить пространство скоростью движения или электромагнитной передачей невозможно, не провоцируя серийных аварий. Еще в 1794 г. Л. Карно выделил быстрое распространение информации в общественно-политических кругах Франции, и пришел к убеждению, что переход «к террору... может воцариться одновременно и на фронте, и в тылу»²³.

В информационном обществе отмечаются коммуникативная активность и нарастание каскадных рисков, что непременно должно отразиться на скорости изменения принципов права, и в первую очередь на принципах, регулирующих отношения по минимизации таких рисков.

Принципы права в обществе риска

Немецкий социолог У. Бек утверждает, что общество риска чревато катастрофами, естественным состоянием которого «грозит стать чрезвычай-

ное положение»²⁴. Академик РАН В. С. Степин считал риск опасностью, определенной человеческой деятельностью. Цивилизация в эпоху радикальных перемен охватывает все основные сферы социальной жизни. Происходящие на фоне глобальных кризисных явлений изменения масштабируют риски деструктивных последствий для человеческого сообщества. Следовательно, осознание риска, которое испытывает современное общество, должно отражаться и на принципах права. В свете новых вызовов и угроз первой четверти третьего тысячелетия под воздействием требований нормативной этики современного общества и государства принципы права могут наполняться новым содержанием, адаптируясь к реалиям, сохраняя свою роль основополагающих начал.

Теория основных и отраслевых принципов права в юриспруденции получила всестороннее освещение. В теории права представлено множество взглядов на значение принципов права в механизме правового регулирования, отражающих исходную точку правовой политики государства.

В конкретных исторических условиях правоведы выделяют разнообразные общеправовые принципы, что свидетельствует об их динамике и поиске отражения относительной объективности в принципах права. А. В. Коновалов выдвигает гипотезу о перспективах признания принципов гражданского права явлением, носящим «объективный и самодостаточный характер»²⁵. Одновременно с общеправовыми принципами в качестве высших принципов правовой организации общества им выделяются справедливость правового регулирования и поведения в правопорядке, а также «добросовестность, разумность»²⁶. Эти принципы также не статичны, их объективность относительна, так как «образование динамичной системы права — это адекватный ответ на динамику общественного развития»²⁷. В частности, Ш. Джек-

²² *Карташкин В. А.* Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права // *Московский журнал международного права.* 2015. № 1. С. 29.

²³ *Вирильо П.* Машина зрения / пер. А. В. Шестакова ; под ред. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. С. 15.

²⁴ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 27.

²⁵ *Коновалов А. В.* Понятие принципов права в современной российской цивилистической науке // *Lex russica.* 2017. № 12. С. 52.

²⁶ *Коновалов А. В.* Принципы права. С. 201.

²⁷ *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. 8-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2011. С. 477.

соном рассматривается эволюция понятия добросовестности в системе английского права²⁸.

Учеными-правоведами принципы права определяются как «исходные, определяющие идеи, положения, установки»²⁹. В числе общеправовых указываются принципы законности, справедливости, юридического равенства, социальной свободы, ответственности за вину, социального и гражданского долга, объективной истины³⁰, демократизма, гуманизма, единства юридических прав и обязанностей, сочетания убеждений и принуждения³¹ и другие, перечень которых носит открытый характер.

В теории принципов права нет единомыслия среди ученых-правоведов, что обуславливает выделение по операционному критерию норм-принципов «в самостоятельную классификационную группу»³². К числу слабо исследованных относятся специфика правовых принципов, их связь с закономерностями правовой жизни и соотношение с правовой политикой, динамика и структура. Объективность, обоснование нормативности и правового содержания правовых принципов высвечивают проблему их действительности, наблюдаемую в естественно-правовой и юспозитивистской традиции правовой мысли. Правовые принципы представляют высокоабстрактные нормы представительно-обязывающего характера. В. Н. Корнев усматривает в качестве деонтического свойства принципов права обязанность, являющуюся основой их способности реализовывать «функции регулятора общественных отношений»³³. А. В. Коновалов, придерживаясь, по всей видимости, негосударственной природы принципов права, идентифицирует их как «объективное нематериальное явление, отличающееся непреходящей стабильностью» и полагает системно не-

правильной доктрину, согласно которой такие принципы обусловлены текущим запросом общества «на конкретные модели организации общественных отношений»³⁴.

В теории права общие принципы права традиционно раскрываются через их идейное содержание и практическую ценность, их отраслевые особенности и своеобразие правовых систем. Например, в системе общего права — правовой системе Великобритании — правовые принципы играют решающую роль в формировании и обеспечении основы для надлежащего функционирования законов, служат краеугольным камнем для создания, толкования и применения законов, обеспечения судебных решений. В основе системы общего права лежит доктрина прецедента (*stare decisis*), которая отражает правовой принцип «отстаивать принятое решение». Согласно этому принципу судьи обязаны следовать решениям, принятым в более ранних аналогичных случаях, обеспечивая в рамках правовой системы последовательность, предсказуемость и стабильность.

В механизме правового воздействия, наряду с правосознанием, правовой культурой, правотворческим процессом и механизмом правового регулирования, правовым принципам отводится значительная роль³⁵. При этом должен соблюдаться динамический баланс принципов национального права и международного права, обусловленный конкретными историческими обстоятельствами. К сожалению, в законодательстве России это соблюдается не всегда, что формирует условия для правовых рисков, которым присуще нежелательное расхождение с нормами права. Социальная эволюция и изменения природной среды непрерывно наталкиваются на риски эпидемий, экономических

²⁸ Джексон Ш. Концепция добросовестности в английском праве: эволюция или революция? // *Цивилистика*. 2021. Т. 1. № 3. С. 251.

²⁹ Байтин М. И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. С. 123.

³⁰ Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. / науч. ред. Р. К. Русинов. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. С. 108–109.

³¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 164.

³² Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2016. № 4. С. 5.

³³ Корнев В. Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // *Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1. С. 69.

³⁴ Коновалов А. В. Принципы права. С. 103, 102.

³⁵ Общая теория государства и права: Академический курс : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М. : Зерцало, 1998. Т. 2. С. 434.

кризисов, техногенных и экологических катастроф, социальных и политических конфликтов, на которые система права должна гибко реагировать³⁶. Типичные риски можно продемонстрировать на примере риска в сфере конституционных отношений, масштабно отражающих «уверенность в устойчивости принципов... конституционного строя»³⁷. В Основном законе определено, что в России гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (ч. 1 ст. 17). В регулировании общественных отношений принципы конституционного права «играют наиболее значимую роль»³⁸.

Верховенство конституции является основополагающим принципом для «иерархической системы нормативных и иных актов»³⁹. Вместе с тем при определении основ правового регулирования должно внимание конституционным принципам не уделяется, что формирует условия для конституционных рисков. Например, правовое регулирование отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций⁴⁰ основывается только на общепризнанных принципах и нормах международного права, являющихся одним из элементов правовой системы. Они дополняют, а не исключают и не подменяют совокупность конституционных принципов, поэтому ставить их в системе права «выше конституционных принципов и норм нет оснований»⁴¹. Содержание таких норм умаляет государственно-правовые возможности соблюдения других конституционных принципов. Представляется вполне аргументированным вывод о том, что основной закон государства, несмотря на трансформацию источников права в правовых системах, как и прежде, «обладает высшей юридической силой»⁴².

У. Бек в трудах «Общество риска: на пути к другому модерну» и «Политика в обществе риска» полагает, что в индустриальном обществе возникает множество рисков, из которых особую опасность представляют риски техногенных катастроф. Например, в результате аварии на атомном реакторе на карте Земли могут возникнуть «белые пятна» — памятники тому, что несет в себе угрозу, когда «промышленные районы превращаются в города-призраки»⁴³. Последствия техногенных катастроф, сложившихся ввиду разных причин (военных действий, актов ядерного терроризма, умышленных действий или ошибок персонала и т.п.), могут обнаруживаться повсюду. Негативные эффекты радиационных аварий могут беспрепятственно проникать через государственные границы, приобретая глобальный характер, что лишает любого жителя планеты уверенности в личной безопасности. Для современной эпохи в условиях размытости структуры общества характерны техногенные риски и социальные бедствия, включая проявления терроризма⁴⁴. Глобальный риск, согласно взглядам Бека, служит тревожным сигналом перед лицом провала политики правительства в глобализованном мире. В каждом случае чрезвычайные события (катастрофа в Чернобыле, теракты 11 сентября в США, авария на «Фукусима-1») приводили к всемирному обсуждению вопроса о глубине рассмотрения и оценки динамики мирового общества риска как исторического опровержения неолиберальной концепции минимального государства⁴⁵.

Анализ рисков и правовых проблем, возникших в связи с нападениями в 2022–2024 гг. на российские атомные электростанции в ходе проведения специальной военной операции, показывает необходимость учета теоретических знаний, накопленных западной и отече-

³⁶ Тихомиров Ю. А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 11.

³⁷ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере. С. 13.

³⁸ Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex russica. 2023. Т. 76. № 12. С. 52.

³⁹ Володина С. В. Указ. соч. С. 58.

⁴⁰ Ст. 2 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁴¹ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 665.

⁴² Минникес И. А., Парфенова Т. А. Зарубежная правовая доктрина о глобальной конституции (вопросы теории) // Академический юридический журнал. 2020. № 4. С. 18.

⁴³ Бек У. Указ. соч. С. 46.

⁴⁴ Бек У. Указ. соч. С. 217.

⁴⁵ Бек У. Указ. соч. С. 341.

ственной социально-философской и правовой мыслью. Любой сбой в системе безопасности в условиях реальных угроз ядерной и радиационной безопасности в обществе риска формирует политический потенциал катастроф, защита от которого «может привести к реорганизации власти и компетенции»⁴⁶. Ярким примером накопления такого потенциала является политика отказа Германии от использования атомных электростанций. Крупнейшая после Чернобыльской катастрофы авария на японской АЭС «Фукусима-1» привела к кардинальному пересмотру правящими политическими кругами взглядов на использование атомной энергетики. Учитывая фактор радиофобии населения, победившие на выборах в бундестаг партии и сформированное ими правительство отказались от использования ядерной энергетики и в 2011 г. закрепили политическое решение законодательно. Нетрудно спрогнозировать политические последствия актов ядерного терроризма и радиационных аварий для Франции и Чехии, в которых доля атомной генерации составляет соответственно почти три четверти и треть.

С точки зрения юридической и законодательной техники представляет интерес исследование вопроса субординации между правовыми нормами-правилами и нормами-принципами, между правовыми принципами, среди которых ключевую роль играют конституционные принципы.

Анализ законодательной практики с 1990-х до начала 2020-х гг. показывает определенную динамику принципов противодействия терроризму. Компаративный анализ ст. 2 Федерального закона «О противодействии терроризму» и ст. 2 утратившего силу Федерального закона «О борьбе с терроризмом» демонстрирует изменения в расположении принципов и в их формальной структуре. В законодательстве о противодействии последовательность изложения принципов возглавляет принцип обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, отодвинув ниже его законность. На третьей позиции появляется приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности. Структурная декомпозиция принципов свидетельствует о внимании государства к защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

⁴⁶ Бек У. Указ. соч. С. 27.

⁴⁷ Коновалов А. В. Принципы права. С. 111.

Принципы права отражают закономерности развития общества и государства, органически присущие праву, определяют его сущностное содержание и носят объективный характер. Вполне справедливо мнение, что принципы отраслей права не являются застывшими положениями. Таким взглядам противостоит подход А. В. Коновалова к рассмотрению генезиса принципов права, который усматривает в их основе «свойства человеческой личности... Опыт людей не создает принципы, а лишь выявляет их»⁴⁷.

Допуская возможным совершенствование такого подхода, следует всё же заметить, что эту точку зрения в полной мере сложно принять. По мере развития общественных отношений и отраслевых правовых сфер состав, содержание, объем и гарантии реализации принципов могут изменяться. При смене социальных и правовых парадигм происходит постепенное увеличение количества основных принципов. Это можно наглядно проследить на генезисе основных принципов противодействия терроризму при смене парадигмы «борьба» на парадигму «противодействие».

Остались неизменными только четыре принципа: законность; приоритет мер предупреждения; неотвратимость наказания; единоначалие при проведении контртеррористических операций (КТО). Возникли новые принципы: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; соразмерность мер противодействия степени опасности; минимизация и (или) ликвидация последствий; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами. Четыре принципа изменились. Законодатель произвел замену принципа «минимальные уступки террористу» на более строгий целевой принцип недопустимости именно политических уступок. Речь идет о требовании политических уступок уже не одному террористу, а террористам, потому что терроризм приобрел групповой и организованный характер. В принципе приоритета защиты прав лиц, подвергающихся террористической опасности, акцент смещен на приоритет их законных интересов. Принцип минимальной огласки технических приемов и тактики проведения КТО и состава участников трансформировался в более категоричную фор-

мулировку — конфиденциальность указанных сведений о контртеррористических мероприятиях. Изменения произошли и в формулировке принципа «комплексное использование профилактических... мер» путем введения системности их применения и расширения их состава за счет включения специальных и иных мер. При этом перечень иных мер остался открытым и не до конца определенным. Следует также подчеркнуть в антитеррористическом законодательстве придание равной нормативности и общеправовым, и отраслевым, межотраслевым принципам.

Универсальный характер приобретает принцип предотвращения ущерба вследствие реализации рисков и принцип минимизации их последствий. Этот тезис можно продемонстрировать на примере принципов предотвращения ядерного терроризма, в числе которых нами выделяется принцип целенаправленности упреждающей деятельности в борьбе с такими актами и в минимизации их последствий. Он наиболее емко отражает идею предотвращения угрозы ядерного терроризма и его разрушительных последствий. В современных условиях акты ядерного терроризма из потенциальных трансформировались в реальные угрозы, что, безусловно, требует опережающего законодательства. В последнее десятилетие прошлого века государства не уделяли внимания транснациональному терроризму, четко не формулировали цели борьбы с терроризмом. Цель направляет волю субъекта права. Отсутствие четко определенной цели, направляющей волю субъекта права, делает процесс любой деятельности самой целевой установкой и лишает общественно полезного смысла, поэтому предлагается в официальных документах стратегического планирования и законодательных актах изложить конечную цель, состоящую в ликвидации терроризма как опасного для государства социального явления. Эти умозаключения можно отнести к ядерному терроризму, угроза которого была осознана в начале 2000-х гг., что нашло отражение в развитии категориального аппарата в праве и законодательстве. Например, в определении понятия «инженерная защита» законодателем включена направленность на защиту зданий и сооружений от воздействия угроз террористического характера, а также на уменьшение последствий воздействия от таких угроз. Важным принципом в предотвращении угроз актов ядерного терроризма в условиях атак на функционирующие атомные

электростанции становится правовой принцип международного сотрудничества. Крайне опасные террористические атаки с использованием взрывных или иных смертоносных устройств путем высвобождения, рассеивания или воздействия радиоактивного материала потребовали принятия Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.).

Рассматривая борьбу с терроризмом как сложный и многоплановый вид государственной деятельности, исследователи полагают, что разработка основных принципов такой борьбы может строиться на основе выделения политических, правовых и организационных принципов, а также общих и специальных принципов. К специальным принципам предлагаем отнести принцип обеспечения ядерной и радиационной безопасности при проведении военных и контртеррористических операций и иных действий по пресечению актов ядерного терроризма, а также принципы, изложенные в ст. 2 Федерального закона «О радиационной безопасности».

Понимание правового регулирования предотвращения актов ядерного терроризма исходит из конституционных положений о правах человека не только как правах первого поколения. Из уяснения принципа социального государства (ст. 2, 7, 17, 18 Конституции РФ) вытекает умозаключение о распространении на права (экономические, социальные и культурные) второго и третьего поколений (например, права на экологическую и радиационную безопасность) обязанности признания таких прав.

В качестве правового принципа в праве нами рассматривается минимизация. Минимизация как значимая юридическая категория в современном информационном обществе риска проникает во многие отрасли права, наполняется глубоким правовым содержанием и приобретает общетеоретическую значимость. Потребность поддержания системности норм и принципов права и, как следствие, повышение эффективности правового регулирования возникающих на их основе общественных отношений требует минимизации энтропии права.

Заключение

В условиях ускоренного развития общественных отношений в современном высокотехнологичном мире принципы права испытывают опреде-

ленные изменения и трансформацию. Анализ теоретических аспектов динамики принципов в условиях нарастания рисков, включая правовые, приводит нас к следующим выводам:

— эскалация рисков в условиях турбулентности и резкого повышения конфронтации формирует комплекс проблем безопасности, включая правовые риски;

— решение проблем, иницирующих риски и формирующих политический потенциал катастроф, должно носить многовекторный характер правового регулирования общественных и межгосударственных отношений;

— развитие общественных отношений отражается в динамике принципов права;

— принцип экологической безопасности выделяется в числе правовых принципов предотвращения ядерного терроризма;

— в условиях нарастания экзистенциальных рисков гармонизация принципов международного права и национального права является настоятельной необходимостью для осознания международным сообществом;

— исследование корреляции общеправовых принципов с конституционными принципами актуализирует необходимость учета и тех и других в правотворческой деятельности при правовом регулировании отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальные проблемы права : учебник для магистратуры / под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 352 с.

Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. 396 с.

Байтин М. И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. 416 с.

Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4. С. 5–14.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 8-е изд. М. : Омега-Л, 2011. 607 с.

Вирильо П. Машина зрения / пер. А. В. Шестакова ; под ред. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 144 с.

Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex russica. 2023. Т. 76. № 12. С. 52–60.

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.

Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : Росспэн, 2004. 389 с.

Джексон Ш. Концепция добросовестности в английском праве: эволюция или революция? // Цивилистика. 2021. Т. 1. № 3. С. 221–251.

Зубов В. В. Эволюция подходов к определению принципов права и правотворчества: теория и политико-правовая практика // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 3. С. 27–36.

Карташкин В. А. Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 29–39.

Коновалов А. В. Понятие принципов права в современной российской цивилистической науке // Lex russica. 2017. № 12. С. 38–53.

Коновалов А. В. Принципы права : монография. М. : Норма, 2022. 792 с.

Корнев В. Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 64–70.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Дело РАНХиГС, 2021. 528 с.

Минникес И. А., Парфенова Т. А. Зарубежная правовая доктрина о глобальной конституции (вопросы теории) // Академический юридический журнал. 2020. № 4. С. 18–23.

Общая теория государства и права: Академический курс : в 2 т. Т. 2 : Теория права / ред. М. Н. Марченко. М. : Зерцало, 1998. 620 с.

- Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 864 с.
- Принципы российского права: общетеоретический и правовой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : Саратовская гос. академия права, 2010. 704 с.
- Ромашев Ю. С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.
- Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 9–18.
- Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2020. Т. 24. № 3. С. 547–571.
- Тихомиров Ю. А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 5–18.
- Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
- Шершеневич Г. Ф. Социология : лекции. Изд. 2-е. М. : Либроком, 2011. 200 с.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М. : Статут, 2005. 495 с.
- Bogdandy von A. General Principles of International Public Authority: Sketching a Research Field // German Law Journal. 2008. No. 9. P. 1909–1939.
- Krisch N. The Dynamics of International Law Redux // Current Legal Problems. 2021. Vol. 74. P. 269–297.

REFERENCES

- Alekseev SS. Problems of the theory of law: The main issues of the general theory of socialist law. A course of lectures: in 2 volumes. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publishing House; 1972. (In Russ.).
- Alekseev SS. The ascent to the law. Searches and solutions. Moscow: Norma Publ.; 2001. (In Russ.).
- Baranov AV. Norms-principles in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2016;4:5-14. (In Russ.).
- Baytin MI. The essence of law: (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP Publ.; 2001. (In Russ.).
- Beck U. Risk society. On the way to another modernity. Translated from German by Sedelnik V, Fedorova N. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 2000. (In Russ.).
- Bogdandy von A. General Principles of International Public Authority: Sketching a Research Field. *German Law Journal*. 2008;9:1909-1939.
- Cherdantsev AF. Integrative misunderstanding of law. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2016;10:5-15. (In Russ.).
- Dworkin R. Taking rights seriously. Translated from English by Lakhuti MD, Makeeva LB. Moscow: Rosspen Publ.; 2004. (In Russ.).
- Gribanov VP. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Statut Publ.; 2000. (In Russ.).
- Jackson S. The concept of good faith in English law: Evolution or revolution? *Tsivilistika*. 2021;1(3):221-251. (In Russ.).
- Kartashkin VA. Changing the normative content of the basic principles of modern international law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2015;1:29-39. (In Russ.).
- Konovalov AV. Principles of law: A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).
- Konovalov AV. The concept of principles of law in a modern Russian civil law doctrine. *Lex Russica*. 2017;(12):38-53. (In Russ.).
- Kornev VN. Evolution of the doctrine of the principles of law in Russian legal science. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2018;1:64-70. (In Russ.).
- Krisch N. The Dynamics of International Law Redux. *Current Legal Problems*. 2021;74:269-297.
- Maltsev GV. The social foundations of law. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
- Marchenko MN, editor. General theory of state and law. An academic course in 2 volumes. Vol. 2: Theory of Law. Moscow: Zertsalo Publ.; 1998. (In Russ.).
- Matuzov NI, Malko AV, editors. Principles of Russian law: General theoretical and legal aspects. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House; 2010. (In Russ.).

- Matuzov NI, Malko AV. Theory of State and Law. A textbook. 5th ed. Moscow: Delo RANHiGS Publ.; 2021. (In Russ.).
- Minnikes IA, Parfenova TA. Foreign legal doctrine on the global Constitution (theory issues). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal [Academic Law Journal]*. 2020;4:18-23. (In Russ.).
- Polyakov AV. General theory of law: Problems of interpretation in the context of a communicative approach. A course of lectures. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2004. (In Russ.).
- Romashev YuS. General principles of law in the system of international law. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021;3:148-174. (In Russ.).
- Shagieva RV, editor. Current issues of law. A textbook for Master Degree Students. Moscow: Norma Publ.: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).
- Shershenevich GF. A course book on Russian civil law. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).
- Shershenevich GF. Sociology: Lectures. 2nd ed. Moscow: Librocom Publ.; 2011. (In Russ.).
- Sinyukov VN. Digital law and problems of gradual transformation of the Russian legal system. *Lex Russica*. 2019;1(9):9-18. (In Russ.).
- Skorobogatov AV, Krasnov AV. The philosophical and legal nature of the legal principle: Methodological problems of research. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskkiye nauki [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2020;24(3):547-571. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. Taxonomy in law in the context of global instability. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(5):5-18. (In Russ.).
- Vengerov AB. Theory of the State and law: A textbook. 8th ed. Moscow: Omega-L Publ.; 2011. (In Russ.).
- Virilio P. The vision machine. Translated by Shestakov AV. Bystrov VYu, editor. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2004. (In Russ.).
- Volodina SV. The concept of a «principle» in Constitutional Law. *Lex russica*. 2023;76(12):52-60. (In Russ.).
- Zubov VV. Evolution of approaches to defining the principles of law and law making: Theory and political and legal practice. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2023;16(3):27-36. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России д. 149, Московский пр., г. Санкт-Петербург 625003, Российская Федерация
metelkov5178@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Metelkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Applied Mathematics and Information Technology, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
metelkov5178@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 10 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 23 октября 2024 г.
Принята к печати 15 марта 2025 г.*

*Received 10.09.2024.
Revised 23.10.2024.
Accepted 15.03.2025.*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.136-145

Е. В. Титова

Н. С. Конева

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

г. Челябинск, Российская Федерация

Концептуальные основы модели правового регулирования научной кооперации на базе университетских кампусов международного уровня

Резюме. Создание сети современных университетских кампусов международного уровня требует разработки универсальной организационно-правовой модели. По мнению авторов, эффективная модель должна учитывать как публичный интерес, так и интересы всех заинтересованных сторон — участников таких кампусов. Авторы приходят к заключению, что успешная реализация федерального проекта по созданию сети университетских кампусов международного уровня возможна только при комплексном подходе, включающем институциональную, ценностную и идеологическую составляющие. Сравнение зарубежного и отечественного опыта позволяет утверждать, что российская модель должна учитывать специфику национального контекста. В работе предложен системный анализ различных моделей правового регулирования, на базе нескольких правовых критериев приводится типология кампусов и оценивается состоятельность авторской концепции в ее сравнении с подходами в мировой практике. Значительное внимание в работе уделено юридической оценке отдельных проявлений инклюзии в образовательной среде. Квинтэссенцией работы является идея о необходимости и своевременности разработки универсальной модели регулирования деятельности университетских кампусов, обеспечивающей баланс между автономией и подотчетностью.

Ключевые слова: университетский кампус международного уровня; отечественная модель образования; технологический и научный суверенитет; регуляторная среда; публичная власть; публичный интерес; национальные цели развития; социально-экономическое развитие территорий; организационно-правовая форма научной кооперации университетов; инклюзия

Для цитирования: Титова Е. В., Конева Н. С. Концептуальные основы модели правового регулирования научной кооперации на базе университетских кампусов международного уровня. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 136–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.136-145

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20273, <https://rscf.ru/project/24-28-20273/> «Организационно-правовая модель социальной и научно-образовательной инклюзии на базе современных кампусов научной кооперации организаций Челябинской области с использованием новой региональной инфраструктуры научно-образовательной среды (кампуса международного уровня)».

© Титова Е. В., Конева Н. С., 2025

Conceptual Foundations of the Legal Regulation Model for Scientific Cooperation Based at International University Campuses

Elena V. Titova

Natalia S. Koneva

South Ural State University

(National Research University)

Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The creation of a network of modern international university campuses requires the development of a universal organizational and legal model. According to the authors, an effective model should take into account both the public interest and the interests of all stakeholders involved in such campuses. The authors conclude that the successful implementation of the federal project to create a network of international university campuses is possible only with an integrated approach that includes institutional, value and ideological components. A comparison of foreign and domestic experience suggests that the Russian model should take into account the specifics of the national context. The paper offers a systematic analysis of various models of legal regulation, provides a typology of campuses based on several legal criteria, and evaluates the validity of the author's concept in comparison with approaches in world practice. Considerable attention is given to the legal assessment of distinct cases of inclusion in the educational environment. The quintessence of the work is the idea that it is necessary and timely to develop a universal model for regulating university campuses, ensuring a balance between autonomy and accountability.

Keywords: university campus of international level; national model of education; technological and scientific sovereignty; regulatory environment; public authority; public interest; national development goals; socio-economic development of territories; organizational and legal form of scientific cooperation of universities; inclusion

Cite as: Titova EV, Koneva NS. Conceptual Foundations of the Legal Regulation Model for Scientific Cooperation Based at International University Campuses. *Lex Russica*. 2025;78(4):136-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.136-145

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-20273, <https://rscf.ru/project/24-28-20273/> «An organizational and legal model of social and scientific and educational inclusion based on modern campuses for scientific cooperation of organizations of the Chelyabinsk region using the new regional infrastructure of the scientific and educational environment (international level campus)».

Постановка задачи правового регулирования деятельности университетских кампусов мирового уровня

В рамках реализации национального проекта «Наука и университеты» и федерального проекта «Создание сети современных кампусов» по поручению Президента России В. В. Путина к 2030 г. в стране должно быть создано не менее 40 университетских кампусов мирового уровня (УКМУ). Эта цифра была озвучена главой государства в Послании Федеральному Собранию в 2024 г., хотя ранее планировалось, что к 2030 г. количество таких кампусов в стране достигнет только 25. В числе ожидаемых результатов проекта — повышение престижа российского образования, вхождение России в топ мировых лидеров по научным разработкам в приоритетных направлениях, привлечение иностранных

ученых и студентов, создание комфортной рабочей и научной среды, популяризация науки и образования среди молодежи. Наряду с обозначенными приоритетами государственного масштаба, университетские кампусы призваны способствовать решению социально-экономических и научно-технических задач на уровне регионов.

Для современной России как для государства-цивилизации создание и развитие отечественной модели образования и науки имеет стратегическое значение, поскольку именно в них содержится необходимый потенциал для подлинного обеспечения идеологического и технологического суверенитета страны. Как отмечает С. В. Кабышев, «насущной потребностью являются концентрация и мобилизация сил и средств и наиболее продуктивное использование научно-технического потенциала стра-

ны и схемы его территориального размещения для интеграции фундаментальных исследований, прикладной науки и производства»¹. Согласованные действия государства в лице всех уровней публичной власти, участие бизнеса с привлечением инвестиционных ресурсов и активная смыслообразующая роль академического сообщества — это тот необходимый набор, который позволит решить поставленные задачи, в первую очередь обеспечения соответствия системы высшего образования требованиям инновационного социально-экономического и научно-технического развития Российской Федерации. Университетским кампусам мирового уровня в этом процессе отводится особое место, поскольку речь идет о достижении целого ряда показателей: создание новой формы образовательного пространства; реализация инновационного подхода к образовательному процессу на основе синергии знаний, опыта и ресурсов нескольких университетов (для межвузовских кампусов), партнерство с предприятиями и бизнес-структурами с учетом потребностей экономики, индустрии и общества в целом.

Российская модель УКМУ, в отличие от их зарубежных прообразов, известных с XVIII в., представляет собой не только модель учебного заведения. С уверенностью можно сказать, что мы являемся участниками мощнейшей в новейшей истории российского высшего образования трансформации всего университетского кластера. Успешная реализация этих инициатив требует соответствующей нормативной базы. Трансформация университетской образовательной модели не может происходить изолированно, она должна опираться на законодательные и регуляторные изменения, которые обеспечат ее устойчивость и эффективность.

В числе текущих задач: адаптация нормативно-правовой основы для реализации новых образовательных технологий; создание регуляторной среды для финансово-имущественной

интеграции университетов и сотрудничества университетов с научными и производственными предприятиями, с правовым механизмом для совместных исследований и практико-ориентированных образовательных треков. Необходимо определить параметры финансирования деятельности университетских кампусов, включая государственное субсидирование и льготирование для частных инвесторов, осуществляющих поддержку университетских кампусов в форме частных инвестиций.

Системный анализ тематической специализации кампусов ряда участников программы их развития² позволяет нам выделить ряд составляющих, которые могут быть положены в основу создания логического и последовательного подхода к проблеме правового регулирования деятельности УКМУ, для достижения целей национального проекта.

Институциональная составляющая в модели взаимодействия публичной власти и университетских кампусов мирового уровня

Публичный интерес государства как обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития³, при реализации федерального проекта «Создание сети современных кампусов» сформулирован в паспорте национального проекта «Наука и университеты» и находит свое отражение в таких национальных целях развития Российской Федерации, как устойчивая, динамичная экономика и технологическое лидерство. Достижение обозначенных национальных целей предполагает достижение таких целевых показателей и задач, как: развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям; развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров; эффективное функционирование системы под-

¹ Кабышев С. В. Наукограды Российской Федерации в механизме реализации государственной научно-технической политики: конституционно-правовые аспекты // Journal of Russian Law. 2023. Т. 27. № 9. С. 16.

² Студенческий кампус мирового уровня «Арктическая звезда» (Архангельск); современный университетский кампус особой экономической зоны «Новгородская» (Великий Новгород); современный межвузовский многофункциональный студенческий кампус «Будущее Пармы» (Пермь); международный межвузовский кампус IT-направления (Самара); научно-технологический кампус «Сириус» (пгт Сириус, Краснодарский край); современный межвузовский кампус (Томск); междууниверситетский кампус мирового уровня Челябинской области (Челябинск); кампус УРФУ — центр цифровой трансформации (Екатеринбург).

³ Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. М. : Бек, 1995. С. 55.

готовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики исходя из прогноза потребности в них; одновременное освоение студентами нескольких квалификаций и постоянное профессиональное развитие работающих граждан, в том числе для получения новых профессий; вхождение Российской Федерации в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации; увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объеме потребления таких товаров и услуг в Российской Федерации, а также инвестиций со стороны частного бизнеса в исследования и разработки.

Трансформационное влияние УКМУ как центров развития высшего образования и инноваций в стране прослеживается в ряде аспектов:

— УКМУ предоставляют общественные блага, такие как подготовка квалифицированной рабочей силы, исследования и инновации, которые приносят пользу всему обществу, государству в целом или отдельному региону;

— создают базу для инвестиций в человеческий капитал, повышая уровень образования и навыков рабочей силы, что приводит к экономическому росту и социальной мобильности;

— могут выступать в качестве якорей экономических кластеров, привлекая предприятия, создавая рабочие места и стимулируя инновации в определенных отраслях;

— создают социальный капитал, укрепляя связи между людьми и организациями, что приводит к социальному сплочению и улучшению качества жизни, реализации принципов инклюзии в системе высшего образования.

Таким образом, целевой образ конкретных кампусов в первую очередь ориентирован на социально-экономическое развитие территорий своей дислокации — субъектов Российской Федерации, а сеть таких кампусов — на динамику социально-экономических эффектов в целом по стране.

Содержание институциональной составляющей модели взаимодействия публичной власти и университетских кампусов представлено совокупностью таких элементов, как: полномочия органов публичной власти по созданию кампу-

сов и деятельность вузов по их наполнению образовательной, научной и иной смысловой составляющей.

Модель правового регулирования университетских кампусов в качестве ключевых аспектов, как правило, включает: определение понятия такого кампуса; основы управления кампусом; структуру кампуса; основы и принципы финансирования и распределения ресурсов; академические программы и стандарты; права и обязанности студентов и преподавателей; принципы и правила управления объектами и инфраструктурой; принципы сотрудничества и партнерства с внешними организациями. При этом задачей правового регулирования университетских кампусов становится в первую очередь обеспечение баланса между автономией и подотчетностью, а также учет уникальных продуктовых программ каждого кампуса, что должно способствовать сотрудничеству и инновациям, позволяя адаптировать содержание университетских кампусов к потребностям общества и региона.

Среди моделей правового регулирования межвузовских кампусов, известных мировой практике, можно назвать:

— модель централизованного регулирования. Применяется, например, в США. Так, Закон о высшем образовании 1965 г.⁴ устанавливает единый набор правил и положений, которые применяются ко всем университетским кампусам в стране;

— модель децентрализованного регулирования. Примером использования такой модели является Канада. Каждая провинция имеет собственные законы и положения, регулирующие кампусы (например, правовой статус кампуса Университета Британской Колумбии регулируется Законом о высшем образовании Британской Колумбии⁵ и региональными законами и постановлениями);

— модель смешанного регулирования. Такое регулирование демонстрирует Австралия: правительство страны устанавливает общие рамки для регулирования университетских кампусов, но предоставляет им определенную гибкость в разработке собственных правил и положений (например, правовой статус кампуса Университета Мельбурна регулируется Законом о

⁴ The Higher Education Act of 1965 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-765/pdf/COMPS-765.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

⁵ An Act to Establish and Incorporate a University for the Province of British Columbia, 1908 // URL: <https://www.library.ubc.ca/archives/pdfs/misc/universityact1908.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

высшем образовании Австралии⁶, а также собственным уставом⁷ и правилами).

Несложно заметить, что модели правового регулирования деятельности университетских кампусов демонстрируют вариативность в зависимости от национальной юрисдикции и конкретных условий совместной деятельности высших учебных заведений, а также задач развития, стоящих перед государством или регионом. Тем не менее, несмотря на различия в законодательных системах и культурных контекстах, общее правовое регулирование университетских кампусов по всему миру фокусируется на обеспечении качества образования, защите прав участников образовательного процесса, профессиональной автономии, безопасности и инклюзии, а также эффективных механизмах разрешения споров. Это создает условия для формирования продуктивного образовательного пространства, способствующего развитию студентов, научному прогрессу и в целом развитию инновационной образовательной среды.

Относительно российского регулирования университетского кампуса можно отметить, что учет публичного интереса как государства в целом, так и отдельного субъекта Российской Федерации может базироваться на одной из следующих моделей, уже используемых в мировой практике:

— федеративная модель, предполагающая объединение нескольких кампусов в единую систему с централизованным руководством, например в пределах одного федерального округа, при сохранении за кампусами организационно-правовой автономии, контроля

над своими академическими программами и финансами (примеры — Калифорнийский университет⁸, Университет Северной Каролины⁹);

— консорциумная модель, предполагающая существование группы независимых друг от друга вузов, сотрудничающих в определенных областях, таких как исследования, преподавание и студенческие услуги, с сохранением кампусами независимости, но с объединением финансовых ресурсов и академических программ (Бостонский консорциум¹⁰, Консорциум пяти колледжей в Западном Массачусетсе¹¹, Колумбийский университет¹² и Барнард-колледж¹³, Университет Дьюка¹⁴ и Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл¹⁵). Данная модель оптимальна для межуниверситетских кампусов мирового уровня, в частности кампуса Челябинской области;

— сетевая модель, позволяющая группе территориально разрозненных кампусов тесно сотрудничать и предлагать общие академические программы и услуги, при этом кампусы могут иметь разные уровни интеграции и автономии (Университет штата Пенсильвании¹⁶, Университет Мэриленда¹⁷);

— франчайзинговая модель, предполагающая, что основной университетский кампус создает и лицензирует филиалы, которые предлагают аналогичные академические программы и услуги, что и основной кампус (Университет Феникса¹⁸, Западный губернаторский университет¹⁹). Реализация такой модели представляется затруднительной, особенно когда университетские кампусы создаются посредством исполнения концессионных соглашений и представляют собой образовательную инфра-

⁶ Australian Security Intelligence Organisation Act 1979 // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00105> (дата обращения: 08.01.2024).

⁷ The University of Melbourne // URL: <https://about.unimelb.edu.au/strategy> (дата обращения: 08.01.2024).

⁸ University of California // URL: <https://www.universityofcalifornia.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

⁹ University of North Carolina // URL: <https://www.unc.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁰ Boston Consortium for Higher Education // URL: <https://www.boston-consortium.org/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹¹ Five College Consortium // URL: <https://www.umass.edu/faculty-development/prospective-faculty/work-here/five-college-consortium> (дата обращения: 08.01.2024).

¹² Columbia University // URL: <https://www.columbia.edu> (дата обращения: 08.01.2024).

¹³ Barnard college // URL: <https://barnard.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁴ Duke University // URL: <https://duke.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁵ University of North Carolina in Chapel Hill // URL: <https://www.unc.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁶ University of Pennsylvania // URL: <https://www.upenn.edu/about> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁷ University of Maryland // URL: <https://umd.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁸ University of Phoenix // URL: <https://www.phoenix.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁹ Western Governor University // URL: <https://www.wgu.edu/> (дата обращения: 08.01.2024).

структуру, которая находится в эксплуатации концессионера, а не самостоятельное образовательное учреждение;

— гибридная модель, предполагающая комбинацию двух и более моделей, названных выше, например федеративной модели с консорциумом или сетевой модели с франчайзингом.

Выбор оптимальной модели УКМУ должен обеспечить достижение тех преимуществ, которые обозначены в качестве целей указанных выше национального и федерального проектов. В то же время межвузовское взаимодействие в рамках университетского кампуса в отсутствие адекватной нормативной-правовой базы, регулирующей его деятельность, несет риски, в числе которых: риски, связанные с координацией, управлением и совместным финансированием «общего имущества» кампуса, а также неизбежное снижение автономии отдельных вузов.

Ценностная и идеологическая составляющие модели регулирования университетских кампусов мирового уровня

Помимо институциональной составляющей, в модели правового регулирования университетских кампусов считаем необходимым выделить ценностную и идеологическую составляющие. Их значение состоит в том, что они влияют на формирование образовательной среды и на практики взаимодействия в рамках высшего образования. Справедливости ради следует отметить, что и ценностный, и идеологический компонент могут рассматриваться отдельно — как самостоятельные элементы. Однако их объединение обусловлено тем, что в рамках создания и деятельности университетских кампусов они, как правило, образуют единый механизм воздействия на все субъекты этого процесса.

Сегодня высшая школа как социально-культурный институт — один из атрибутов государственности, основа культурной и идеологической идентичности, элемент системы обеспечения национального суверенитета. Являясь неотъемлемым компонентом гражданского общества, система национального образования не только служит внешним отражением его институциональных характе-

ристик (корпоративность, правовая форма, структура), но и воплощает внутреннюю сущность корпорации или сообщества, включая ее ценности, философию и органическую целостность²⁰.

Подобный подход к системе образования подчеркивает значимость ее внутренней структуры и динамики, выходит за рамки внешних атрибутов и акцентирует внимание на внутренних ценностях, смыслах и целях, которые обеспечивают органичность, самодостаточность и способность системы эффективно функционировать в рамках государства и общества.

Анализ исследований, посвященных университетским кампусам, позволяет отметить, что сегодня акцент с организационно-правовых форм научной кооперации университетов постепенно смещается на комплексный обзор роли кампусов в экономическом развитии государства, затрагивая такие темы, как создание рабочих мест, привлечение инвестиций, стимулирование инноваций и повышение качества рабочей силы. Это позволяет выйти на вопросы стратегии развития регионов и максимизации выгод от использования новой университетской инфраструктуры.

В контексте высшего образования как социального и культурного института, а также элемента системы национального суверенитета можно предложить несколько ключевых ценностных и идеологических аспектов, которые должны быть учтены при регулировании УКМУ:

- ценности академической свободы;
- инклюзия при совместном использовании научных и образовательных ресурсов;
- уважение к разнообразию культурных традиций социальных групп;
- формирование и поощрение гражданской ответственности и гражданского сознания у студентов (идеологическая составляющая акцентирует внимание на воспитании сознательных граждан, осознающих свою ответственность перед обществом и способных активно участвовать в социальной и политической жизни государства);
- формирование национальной идентичности, при этом должна подчеркиваться важность национальных ценностей, традиций и языка;
- регулирование университетских кампусов должно учитывать национальное и культурное разнообразие российского государства, что

²⁰ Еременко А. Кампус по-русски: университет-муниципалитет // Государственная служба. 2008. № 5 (55). С. 132–140.

способствовало бы формированию сильного национального сознания и идентичности;

— выработка и соблюдение высоких стандартов качества образования, свидетельствующих о ценности образовательного процесса, что напрямую связано с престижем как самих университетов, так и национальной системы образования в целом.

Таким образом, ценностная и идеологическая составляющая моделей регулирования межвузовских кампусов формирует основу для образовательной политики, направленной на развитие высшего образования как социального и культурного института. Эти аспекты укрепляют связи между университетами и обществом, поддерживая национальный суверенитет и одновременно создавая базу для международного сотрудничества и взаимодействия с дружественными странами.

Концепция инклюзии в контексте организации и деятельности университетских кампусов мирового уровня

Поскольку межвузовские кампусы играют важную роль в обеспечении и реализации публичных интересов в конкретном субъекте Российской Федерации, повышая доступность и качество высшего образования, стимулируя экономическое развитие и содействуя социальному благополучию региона, для создания или обновления кампусной инфраструктуры мирового уровня важным аспектом является, с одной стороны, определение миссии и приоритетов развития университетов, с другой — понимание того, как университетские миссии и приоритеты вписаны в стратегию развития той территории, на которой они находятся.

Проанализировав программные и стратегические документы, можно сделать вывод, что только единицы российских университетов

демонстрируют такой подход. Равно как немногие субъекты Российской Федерации в своих стратегиях развития делают акцент на совершенствовании инфраструктуры кампусов, востребованной населением²¹. В то же время научно-технологическое развитие как безусловный приоритет с точки зрения суверенитета государства, безопасности и благополучия граждан и связанные с этим социально ориентированные задачи не могут быть решены без тесной и предметной увязки с реализацией социально-экономического и пространственно-территориального развития страны²². Обозначенные взаимосвязи должны иметь измеримый, достоверный и обеспеченный необходимыми организационно-управленческими процедурами характер.

Этапом на пути к достижению указанных целей как федерального, так и регионального значения является формирование новой модели объединения вузов²³, в том числе на базе единого кампусного пространства. В качестве методологической базы разработки модели такого объединения предлагаем рассмотреть многомерное явление инклюзии²⁴, которое охватывает как теоретическую основу, так и механизмы практической реализации.

Инклюзия²⁵ межвузовских (межвузовских) кампусов — это концепция интеграции и совместного использования ресурсов, программ и возможностей различными университетами с использованием кампуса международного уровня как новой региональной инфраструктуры научно-образовательной среды. В таком контексте концепция инклюзии выходит за рамки традиционного понимания только как доступности образования для всех категорий граждан.

Организационно-правовая модель инклюзии межвузовского кампуса базируется на системном подходе, включающем в себя взаимодействие на основе правовых норм,

²¹ Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности. Доклад. Август, 2021 // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzdl3d6ozz0fve0e.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

²² Кабышев С. Наука — территория — развитие // Парламентская газета. 19.04.2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/nauka-territoriya-razvitie.html?ysclid=ly62mmm08m768496179> (дата обращения: 08.01.2024).

²³ Аничкин Е. С. Объединение вузов и образовательная конкурентоспособность: вопросы взаимосвязи // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 9–19.

²⁴ Семеновских Т. В. Многомерность инклюзии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5-3. С. 153–155.

²⁵ От англ. inclusion — включение, присоединение.

правовых институтов и практик с целью создания такой научно-образовательной среды, в которой учитываются цели, интересы и потребности всех заинтересованных сторон (университетов, студентов, государства, региона, промышленных партнеров). В качестве ключевых, приоритетных направлений взаимодействия участников проекта по созданию УКМУ можно назвать следующие составляющие концепции инклюзии:

1. Академическая инклюзия: совместные образовательные программы и двойные дипломы по результатам их освоения.

2. Исследовательская инклюзия: совместные междуниверситетские исследовательские проекты; формирование междисциплинарных исследовательских групп, которые включают студентов, научных сотрудников и промышленных партнеров с разным опытом и компетенциями; общий доступ к лабораториям и оборудованию, центры коллективного пользования.

3. Интернациональная инклюзия: создание мультязычной образовательной среды в междуниверситетском кампусе; академическая мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава вузов — участников междуниверситетского кампуса; мобильность образовательных программ; реализация иноязычных образовательных программ и образовательного процесса на иностранном языке; дистанционное обучение посредством массовых открытых онлайн-курсов с использованием национальных и международных онлайн-платформ²⁶.

4. Культурная, спортивная и социальная инклюзия: совместные культурные мероприятия (фестивали, выставки, театральные постановки и другие мероприятия, которые вовлекают студентов и преподавателей из разных университетов); спортивные соревнования и клубы (включая фиджитал-спорт).

5. Технологическая инклюзия: онлайн-платформы и ресурсы (совместное использование вузами онлайн-библиотек, лекций и других цифровых ресурсов); виртуальные классы и конференции; платформы для онлайн-обучения и встреч, расширяющие доступ к образовательным ресурсам; создание центров коллективного пользования.

6. Инфраструктурная инклюзия: общие кампусные услуги (библиотеки, спортивные комплексы, общежития и столовые).

7. Транспортная доступность: разработка совместных транспортных решений, которые облегчают перемещение студентов и сотрудников между междуниверситетским кампусом и территориями «материнских» университетов.

8. Инклюзия молодежной политики, которая направлена на создание гармоничной, разнообразной и поддерживающей образовательной среды, где каждый студент имеет возможность реализовать свой потенциал и внести вклад в развитие своего университета и общества в целом: создание платформы для молодежных инициатив; организация семинаров и тренингов по развитию мягких навыков, таких как командная работа, критическое мышление, лидерские качества; организация психологической службы и реализация программ наставничества; создание условий для участия студентов в волонтерских и исследовательских проектах.

9. Инклюзия формирования предпринимательских компетенций студентов: разработка учебных курсов, охватывающих теорию и практику предпринимательства; введение модулей по предпринимательству в курсы по экономике, менеджменту и инженерии для обеспечения междисциплинарного подхода; стажировки и практики на предприятиях-партнерах университетского кампуса.

Исходя из перечисленных положений, можно заключить, что концепт модели правового регулирования университетских кампусов мирового уровня предполагает системный анализ ключевых аспектов целого ряда составляющих. Российская модель такого кампуса, исходя из его прообразов в различных странах и задач, обозначенных в документах государственного планирования, может быть отнесена к модели гетерогенных организаций. Для управления столь разнородными субъектами и столь неоднородными частями в составе имущества университетского кампуса в качестве базовой предлагается идея инклюзии — как идея взаимодействия, включенности и интеграции науки, образования и бизнеса для достижения целей национального проекта. При этом изучение потенциальных вызовов, связанных

²⁶ Утевская М. В. Интернационализация российского образования в современных условиях // Известия СПбГЭУ. 2022. № 6 (138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-rossiyskogo-obrazovaniya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 10.08.2024).

с имплементацией инклюзии как непосредственно в образовательный процесс, так и за пределами академической сферы, позволяет говорить, что инклюзия в образовании неразрывно связана с инклюзивными процессами в социуме, а инклюзивный подход отвечает запросу российского общества и государства, достигших определенного уровня развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничкин Е. С. Объединение вузов и образовательная конкурентоспособность: вопросы взаимосвязи // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 9–19.
- Еременко А. Кампус по-русски: университет-муниципалитет // Государственная служба. 2008. № 5 (55). С. 132–140.
- Кабышев С. В. Научограды Российской Федерации в механизме реализации государственной научно-технической политики: конституционно-правовые аспекты // Journal of Russian Law. 2023. Т. 27. № 9. С. 15–27.
- Кабышев С. Наука-территория-развитие // Парламентская газета. 19 апреля 2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/nauka-territoriya-razvitie.html?Ysclid=ly62mmm08m768496179>.
- Семеновских Т. В. Многомерность инклюзии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5-3. С. 153–155.
- Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. М. : Бек, 1995. 339 с.
- Утевская М. В. Интернационализация российского образования в современных условиях // Известия СПбГЭУ. 2022. № 6 (138).

REFERENCES

- Anichkin ES. University unification and educational competitiveness: Issues of interrelation. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2018;27(10):9-19. (In Russ.).
- Eremenko A. Campus in Russian: University-municipality. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2008;5(55):132-140. (In Russ.).
- Kabyshev S. Science-Territory-Development. *Parlamentskaia gazeta*. 19 April 2024. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/nauka-territoriya-razvitie.html?Ysclid=ly62mmm08m768496179>. (In Russ.).
- Kabyshev SV. The science cities of the Russian Federation in the mechanism of implementation of the state scientific and technical policy: Constitutional and legal aspects. *Journal of Russian Law*. 2023;27(9):15-27. (In Russ.).
- Semenovskikh TV. The multidimensional nature of inclusion. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*. 2016;8(5-3):153-155. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. Public law: A textbook. Moscow: Bek Publ.; 1995. (In Russ.).
- Utevskaia MV. Internationalization of Russian education in modern conditions. *Izvestiya SPbGEU*. 2022;6(138). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-rossiyskogo-obrazovaniya-v-sovremennyh-usloviyah>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Титова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) д. 76, Ленина пр., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
titovaev@susu.ru

Конева Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) д. 76, Ленина пр., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
konevans@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Titova, Dr. Sci. (Law), Professor, Director, Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
titovaev@susu.ru

Natalia S. Koneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
konevans@susu.ru

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 5 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 07.09.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 15.03.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

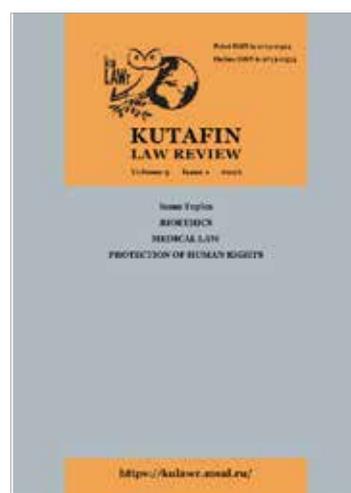
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008